

Санкт-Петербургский государственный университет

Ван Имин

Выпускная квалификационная работа

**Особенности вербализации фрейма «Новый год»
в русском художественном тексте**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622. «Русский язык и
русская культура в аспекте русского языка как иностранного»
Профиль «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка
как иностранного»

Научный руководитель:
к. ф. н., доцент, Кафедра русского языка
как иностранного и методики его преподавания
Колесова Дарья Владимировна
Рецензент:
к. ф. н., доцент, Кафедра русского языка
Военной академии связи им. С. М. Буденного
Е. М. Марутина-Катрецкая

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. Теоретические вопросы исследования фрейма «Новый год»	10
1.1 Специфика фреймового анализа при описании лингвистических единиц	10
1.1.1 Фрейм как лингвистическое понятие	10
1.1.2 Различные методики фреймового анализа	17
1.1.3 Художественные тексты как материал для выявления вербализации фрейма	21
1.1.4 Способы проведения фреймового анализа	30
1.2 Концепт «Новый Год»	38
1.2.1 Понятие концепта в современной лингвистике	38
1.2.2 Концепт «Новый Год» в русском языковом сознании	45
1.2.3 Концепт «Новый Год» в русской культуре	50
1.2.4 Концепт «Новый Год» в иностранной аудитории	57
1.3 Структурно-семантические особенности вербализации фрейма «Новый год» в современном русском языковом сознании	63
Выводы	70
Глава II. Особенности вербализации фрейма «Новый год» в современном русском рассказе	72
2.1 Фрейм новый год в современной русской лингвокультуре	72
2.1.1 Структурно-семантические особенности вербализации фрейма «Новый год» в современном русском рассказе	73

2.1.2 Специфика вербализации фрейма «Новый год» в художественном тексте на фоне русской языковой картины мира.....	80
2.2 Фрейм «Новый год» в русском рассказе: функционально-прагматический аспект	87
2.2.1. Фрейм как способ репрезентации автора текста	88
2.2.2. Фрейм как способ репрезентации адресата текста	100
Выводы	110
Заключение	114
Список использованной литературы	116
Список словарей и энциклопедий	126
Источники	128
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Тексты рассказов, привлеченных к анализу	129
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Самые популярные комментарии к видео «Сталин «украл» рождество? Почему наш Новый год именно такой?»	188
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Результаты проведенного опроса	190

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена выявлению особенностей вербализации фрейма «Новый год» в русском художественном тексте (рассказах современных русских писателей).

Объектом данной работы является фрейм «Новый год».

Предметом исследования являются особенности вербального воплощения фрейма «Новый год» в русских художественных текстах (языковые средства и речевые приемы, использованные авторами).

Материалом исследования являются художественные тексты в жанре рассказа, представляющие собой произведения русской литературы XX, XXI веков. Всего 10 рассказов.

Актуальность данной работы может быть рассмотрена в нескольких аспектах.

Во-первых, актуальна научная парадигма, в рамках которой мы намерены проводить исследование: когнитивное направление в современной лингвистике вообще и в русистике в частности занимает ведущее положение. В рамках этого направления исследователи (например, Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Ю. С. Степанов, А. А. Кибрик и др.) изучают проблемы соотношения языка и сознания человека, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта. Одной из единиц, которая позволяет структурировать и представить знание человека через языковые средства,

передающие его, является фрейм – понятие, введённое М. Минским и определённое им как, «структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» (Минский 1978: 251). Фреймы идентифицируются в рамках ситуаций; благодаря фреймам человек осознает себя и все события, происходящие в мире или в тексте. И. В. Одинцова подчёркивает значимость фреймовых исследований для сферы русского языка как иностранного, где фрейм, по её словам, важен как «ментальная интерпретационная и прогностическая модель стереотипной ситуации» (Одинцова 2010: 56) при обучении иностранцев как восприятию, так и порождению русской речи.

Во-вторых, актуален выбранный для анализа фрагмент действительности. Новый год как один из самых универсальных праздников известен людям во всем мире, однако традиции, атрибуты (предметы), представления, связанные с его празднованием, имеют существенную национально-культурную специфику. Именно поэтому исследованию единицы «Новый год» посвящен ряд работ (например, в 2019 году опубликованы 2 статьи: Е. В. Зыряновой и Люй В., где представлен сопоставительный анализ результатов русского и китайского свободных ассоциативных экспериментов с номинацией-стимулом *Новый год*; С. Г. Будановой и А. Г. Рябининой, где рассматриваются особенности стереотипизации ситуации Новый год в рекламных текстах).

В-третьих, актуален выбранный нами материал исследования – художественный текст, поскольку «художественная литература является

важным сегментом действительности, ведущим к познанию национальной культуры» (Верещагин, Костомаров 1990: 69). Новый год как культурный феномен нередко становится предметом художественного изображения, что позволяет выяснить, как воплощается в русском художественном тексте образ Нового года, какие элементы фрейма Новый год отбираются писателями для своих произведений, какой эмоциональный ореол сопровождает этот праздник в интерпретации русских писателей и какие именно языковые средства, и речевые приемы используются для воплощения образа Нового года в русском художественном тексте.

Всем сказанным обусловлена **актуальность данного исследования.**

Новизна нашего исследования заключается в том, что в работе впервые на материале русского художественного текста осуществляется попытка создания системного лингвокультурно и индивидуально-авторски обусловленного описания фрейма «Новый год» и выявления особенностей его вербализации.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить структурно-семантические особенности фрейма «Новый год» и специфику его вербализации в русских художественных текстах с учетом индивидуально-авторских установок.

Для достижения этой цели в работе должны быть решены следующие **задачи**:

1. На основе научной литературы представить степень разработанности вопросов, соотносимых с темой данного исследования, и определить его

терминологический аппарат.

2. Сделать выборку русских художественных текстов в жанре рассказа, отражающих ситуацию празднования Нового года.

3. Выявить компоненты фрейма «Новый год» в каждом из анализируемых русских художественных текстов, установить более и менее частотные из них во всей выборке художественных текстов.

4. Сопоставить полученные данные о структурно-семантических особенностях фрейма «Новый год» в русских художественных текстах со сведениями о структурно-семантических особенностях фрейма «Новый год» на уровне современной русской лингвокультуры в целом, реконструированного по данным ассоциативных словарей и ассоциативных экспериментов отдельных исследователей.

5. На основе анализа реализации фрейма «Новый год» в русских художественных текстах и на уровне современной русской лингвокультуры в целом выявить структурно-семантические сходства и различия и объяснить их причины.

6. Установить языковые средства, участвующие в реализации фрейма «Новый год» в русских художественных текстах; выявить сходства и отличия в вербализации фрейма «Новый год» в художественных текстах разных авторов и объяснить их причины.

7. Проводить опросы, чтобы выяснить, как люди воспринимают фрейм в рамках контекста.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что русский

общекультурный фрейм «Новый год» получает в русских художественных текстах вариативные структурно-семантическое воплощение и вербальную реализацию в зависимости от индивидуально-авторских установок и особенностей индивидуально-авторской стилистической концепции.

Основными методами исследования являются: метод фреймового анализа, контекстный анализ, ассоциативный анализ, лингвостилистический анализ, лингвостатистический метод, сопоставительный метод, описательный метод, анкетирование и анализ собранного материала.

Теоретическая значимость заключается в системном описании особенностей вербализации фрейма «Новый год» в русских художественных текстах с учетом индивидуально-авторских установок, в выявлении русской культурной специфики фрейма «Новый год», проявляющейся в русских рассказах.

Практическая значимость состоит в том, что фреймовый анализ приобрел популярность благодаря своей универсальности, понятие «фрейм» задействовано во многих областях науки. Русские художественные тексты имеют структурно-смысловые и языковые особенности, поэтому их анализ может быть важен для обучения интерпретации текста и художественному переводу, а также может быть полезен в курсе межкультурной коммуникации. Материалы исследования могут быть использованы при преподавании русского языка, а также будут интересны всем тем, кого интересует русская лингвокультура.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В когнитивной лингвистике фрейм обозначает единицы, которые участвуют в когнитивном и семантическом моделировании языка при изучении взаимодействия семантического пространства языковых значений, пространства мышления. Он помогает формировать области знаний, связанные с анализируемым материалом, отражающие восприятие концепта носителями языка.

2. В художественных текстах слотами, вызывающими наибольшее количество ассоциаций с концептом «Новый год», являются «Традиции, ритуал» и «Атрибуты».

3. Состав фрейма ограничивается выделенным жанром текста, который в нашем исследовании в основном отражается в ядерных и периферийных «Новый год» единицах в концепте «Новый год» моделировании, и специфике их существования.

4. Единицы в фрейме могут сублимировать более глубокий смысл в сюжете художественного текста, тем самым передавая необходимую информацию и выражая авторскую эмоцию.

5. Процесс восприятия текста читателем на самом деле является процессом узнавания слота. Сможет ли читатель правильно сопоставить слот в тексте с слотом в своем сознании и завершить расшифровку, зависит от того, имеют ли автор и читатель схожие культурные корни или личный опыт.

Структура работы: данная работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Приложения, в котором представлены рассказы русской литературы, использованные в исследовании, и списка литературы.

Глава I. Теоретические вопросы исследования фрейма «Новый год»

1.1 Специфика фреймового анализа при описании лингвистических единиц

1.1.1 Фрейм как лингвистическое понятие

Современная лингвистика исследует концептуальную картину мира (концептосферу) и принципы описания ее отдельных фрагментов. Способами представления знаний служат такие когнитивные структуры, как концепты, сценарии, скрипты, схемы, фреймы, гештальты и т. д., находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом. Одно и то же явление может быть представлено как в виде концепта, так и фрейма, ввиду близости данных категорий.

Понятие фрейма и метод фрейм-анализа в современной социологии, прежде всего, связан с работами И. Гофмана. Однако И. Гофман не был автором данного термина. Термин «фрейм» (англ. frame – рамка, каркас) появился и получил развитие в таких областях знания как лингвистика и психология [Иванова 2015: 79]. Это обстоятельство отразилось на том, что трактовки понятия «фрейм» отличаются в разных науках

Понятие «фрейм» было введено американским ученым М. Минским, исследовавшим проблемы искусственного интеллекта и способы представления знаний с помощью компьютера. В области лингвистики ценным считается определение, данное М. Минским. С именем этого ученого связывают начало теории фреймов в языкознании. М. Минский определял фрейм как статическую, информационную структуру данных, которая необходима для воспроизведения некоей стереотипной ситуации: «человек,

пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» [Терпак 2006: 6].

Позже русские ученые С. И. Некрасов и Н. С. Молчанова указали на то, что положения, изложенные М. Минским, можно связать с теорией семантического поля, которая ранее разрабатывалась исследователями Й. Триром и Л. Вайсгербером [Некрасов, Молчанова 2009: 5].

В основе теории фреймов лежит гипотеза о том, что знания о мире состоят из структурных ячеек, то есть складываются из определенных сценариев с фиксированным набором стереотипных ситуаций – фреймов.

По мнению М. Минского, понятие «фрейм» необходимо учитывать при изучении зрительного узнавания и репрезентации знания: процесс мышления человека основан на наличии в его памяти каким-то образом материализованного огромного набора разнообразных фреймов, с помощью которых человек осознает зрительные образы (фреймы виртуальных образов), понимает слова (семантические фреймы), рассуждения или действия (фреймы-сценарии), повествования (фреймы-рассказы) и т.д. Фрейм является одним из способов представления стереотипной ситуации, который отражает наиболее характерные, основные моменты ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу [Минский 1979: 1-25].

Такой фрейм, в котором собраны компоненты, из которых состоит

ситуация, называют статическим. В этом случае фрейм формально представляется как структура узлов и отношений: «терминальные узлы представляют инвариантные параметры ситуации, а слоты - их вариативную реализацию. В слотах могут присутствовать как национально-культурные компоненты, в которых закреплены особенности той или иной лингвокультуры, так и универсальные. Слоты являются своеобразными ячейками, которые могут быть заполнены различными в каждом конкретном случае данными -группами слов, представляющими потенциальные возможности языковой актуализации фрейма» [Волосухина 2010: 44].

Закономерно, что словарь лингвистических терминов под редакцией Т.В. Жеребило дает сразу несколько определений фрейма, под этим термином понимается:

- 1) совокупность предположений об устройстве формального языка для выражения знаний;
- 2) набор сущностей, которые существуют в описываемом мире, согласно предположению исследователя;
- 3) организация представлений, которые хранятся в памяти человека или же в цифровом виде, организация процессов обработки и логических выводов;
- 4) структура данных для последующего представления стереотипных ситуаций.

Термин «фрейм», таким образом, не имеет однозначного общепринятого определения в лингвистике. Как отдельное направление в языкознании

теория фреймов начала формироваться в середине XX века. Предпосылки этого связаны с исследованиями американских и британских ученых.

Первым некую схему организации прецедентного опыта попытался описать Ф. Барлетт. Дальнейшие исследования в этом направлении связаны с работами британского и американского ученого Г. Бейтсона. Его статья «Теория игры и фантазии», в которой Г. Бейтсон описал фреймовое поведение, увидела свет в 1955 году.

Начало разработки теории фреймов было связано также с исследованиями в области кибернетики и искусственного интеллекта. Параллельно с Г. Бейтсоном свои изыскания вели Р. Абельсон, Р. Шенк и М. Минский.

Несмотря на то, что во второй половине XX столетия фрейм становится объектом активного изучения, единого подхода к пониманию этого феномена также не было. Это во многом было связано с междисциплинарным характером таких изысканий: фрейм и фреймовое поведение изучали не только лингвисты, но и социологи, математики, психологи и педагоги. В зависимости от предметной сферы фрейм понимался как элемент коммуникации, как организация психических процессов и т. д. [Соколова 2007: 237].

Фреймовая семантика была предложена Ч. Филлмором на основе теории ранней падежной грамматики - теории, объясняющей значение слов с точки зрения понимания языка людьми. Занимаясь разработками в области фреймовой семантики, ученый исследовал, каким образом язык связан с

накопленной человеком совокупностью знаний в какой-то определенный период. В его понимании фрейм это своего рода схема мира, компоненты которой репрезентируются в виде лексических единиц. Основная идея состоит в том, что люди понимают значение слов в семантической структуре, активируемой словами. Путем многократного переживания реальных сцен люди формируют в своем мозгу схемы изображений или когнитивные гештальты, которые представляют собой абстрактную семантическую структуру. «Фрейм» — это концептуальная структура в нашем мозгу. Чтобы понять любую концепцию в концептуальной структуре, необходимо понимать всю структуру, к которой она адаптируется. Когда понятие в такой концептуальной структуре помещается в текст или беседу, все другие концепции в концептуальной структуре автоматически активируются.

Только обращаясь к концептуальной структуре, мы можем полностью понять значение слов. Концептуальная структура является опорой и обоснованием значения слов.

Вообще говоря, фрейм схематично кодирует знания реального мира. Слова вызывают соответствующий фрейм или служат примером конкретных элементов фрейма.

Семантика фреймов - важная отрасль когнитивной лингвистики. Она внесла важный вклад в развитие семантики. В то же время она также имеет практическую и потенциальную прикладную ценность. База знаний сети семантического каркаса, основанная на теории семантики каркаса, открыла новый способ обработки информации на естественном языке. Семантика

фрейма и сеть семантических фреймов - две стороны. Теория семантики фрейма лучше всего объяснена и воплощена в сети семантических фреймов.

Несмотря на то, что на разработку теории фреймов в лингвистике ушли десятилетия, единого мнения относительно этого термина все еще нет.

Так, по мнению Т.А. ван Дейка фрейм представляет собой единицу знания, которая организована вокруг определенного концепта и включает основную, типическую, а также потенциально возможную информацию, связанную, ассоциированную с тем или иным концептом [Сайтаева 2006: 147].

С другой стороны, В. Н. Телия полагает, что фрейм есть некая единица представления о типичном и стереотипном в культуре, а В. З. Демьянков утверждает, что фрейм есть единица знания, которая организована вокруг определенного понятия [Телия 1996: 97].

Связь фрейма и стереотипа постулируют также З. Д. Попова и И.А. Стернин, которые под данной единицей понимают некий многокомпонентный концепт или же объемное представление, определенную совокупность типичных знаний о предмете или же явлении.

Интерес представляет трактовка фрейма, данная Ж. В. Никоновой. Исследователь понимает фрейм как некую уникальную структуру представления опытного когнитивного знания человека, которая способна объединить область когнитивного и языкового в ходе осуществления речевой деятельности. Таким образом, Ж. В. Никонова понимает фрейм как своего рода каркас, и определяет таким образом структуру процесса вербализации, в

которой фрейм появляется на доязыковом этапе. Существует и обратный процесс, когда некая одномерная языковая единица разворачивается во фрейм – это можно наблюдать, считает ученый, на примере разворачивания слова в образы [Никонова 2008: 4].

Для проведения нашего исследования мы определяем фрейм как структуру представления знания о типичном и стереотипном, возникающую на доязыковом этапе.

Независимо от того, как именно определяется фрейм, общим в его трактовке многими исследователями является присутствие стереотипа как одного из составляющих. Так, уже названный нами М. Минский исходил из факта, что восприятие человеком событий и предметов окружающего мира подчинено некоей схеме, которая определяет структуру и специфику обработки информации. И условием коммуникации является наличие в сознании людей своего рода сгустков смыслов и данных [Минский 1988: 289]. Фрейм понимается ученым как статичная единица, которая выступает в качестве основы для последующей репрезентации стереотипной ситуации. Статичность определяет и свойство фрейма, которое заключается в возможности быть потенциально реализованным средствами языка в пределах определенного языкового сообщества.

Фрейм обладает определенной универсальностью, поскольку любое знание можно структурировать на основе имеющегося у человека опыта. Специфика исследуемого предмета обуславливает возможность обращения нами к фрейму-сценарию как некоему каркасу представляемого в динамике

события, реализованного в языковых единицах.

1.1.2 Различные методики фреймового анализа

Фрейм вызвал интерес во многих сферах: психологии, социологии, лингвистики, теории искусственного интеллекта, политологии и общественных движений. Началось развитие теории фреймов в специальных научных отраслях. Предметом исследования стали взаимоотношения индивидов в обществе, общение в животном мире, психические процессы у людей, речевые явления, научная деятельность, процессы в компьютерной реальности.

Каждый исследователь рассматривал фрейм по-своему в зависимости от интересов и цели, подчеркивая значимые для своего анализа характеристики. Разные интерпретации этого понятия и варианты фрейманализа стали результатом различий во взглядах на терминологический аппарат категории фрейма, а также его семантического наполнения. Теория фреймов активно развивается во множестве различных научных областях: лингвистике, социологии, психологии, педагогике и методике преподавания, в естественных науках. Исследователи, которые представляют различные научные дисциплины, расширяют определение фрейма содержанием и приспособливают его к своим научным материалам.

Появились различные варианты фреймового анализа из-за различного

взгляда на категорию фреймов. Исследования с данным подходом можно объединить:

1) взглядом на понятие фрейма как на элемент метаязыка, который позволяет рассмотреть традиционные лингвистические проблемы с другой стороны;

2) признанием всеми исследователями положительных характеристик понятия фрейма, таких как: категорический принцип организации знаний, иерархическая и динамическая структура с «активными зонами», которая отражает признаки и степень их значимости, являющиеся актуальными для современного носителя языка, что позволяет рассмотреть и описать результаты категоризации, которые необходимо представить как организованную иерархическую структуру, а также детально изучить значения языковой единицы;

3) подходом авторов к фреймовому анализу как методу когнитивно-семантического моделирования языка, помогающий изучать, как отмечает Н. Н. Болдырев, взаимодействие семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, пространства мышления; моделировать "принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знания в значениях языковых единиц, способы активизации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации" [Болдырев 2004: 29].

Сценарный фрейм представляет типовую структуру некоторого события/ ситуации, объединяющую характерные признаки этого события/

ситуации, или структуру данных относительно некоторой темы; он непосредственно связан с ситуацией [Минский 1979; Романов 1988; Чарняк 1983]. Действия, которые предусматриваются сценарием, выполняются в зависимости от обстоятельств. Допускается два варианта сценарного фрейма: обычная последовательность действий или ее нарушение, в результате которой сцена/ ситуация может быть прекращена.

Иерархическая структура фрейма включает в себя слоты терминальных узлов (терминалов) и нетерминальных узлов, которые содержат конкретную информацию о концептуальном объекте, описывающем фрейм, и сведения, необходимые для процесса вывода. Терминал представляет объект, описывает его конкретные характеристики и информацию о взаимосвязи между объектами, о способе использования фрейма, о следующем действии или действии, которое необходимо выполнить, если предположение не оправдано. Разные фреймы одной и той же системы описывают объект под разными углами.

Процесс сопоставления при определении правильности выбора фрейма проходит в три шага: 1) выбор базового фрейма в соответствии с предположением и интуицией (если выбор был сделан правильно, это единственный шаг); 2) поиск информации для присваивания значения слоту; 3) если второй шаг завершается неудачей, управление передается другому фрейму системы [Лесников 2011: 86].

Фреймовые признаки устанавливаются на основе договоренности между коммуникантами, для которых они имеют информативное значение. Понятие

структурного фрейма текста совпадает с понятиями архетипа/ «прообраза» [Шрейдер 1982; Шрейдер, Шаров 1982] и Textsort/ Prototyp/ Stereotyp [Wilske 1989]. В прототип «могут входить вещи, которые типичны (но не всегда имеют место) или релевантны лишь в нескольких контекстах» [Виноград, Флорес 1995: 224]. Прототип текста является ментальной конструкцией типичного представителя категории или класса объектов, представляя собой модель структуры, архитектоники и композиции любого типа текстов, которая выделяется индуктивно, эмпирически и аналитически на основе всего текстового корпуса. Конкретная реализация текста будет текстуальным инвариантом прототипа, что позволит допускать нормативные отклонения. Поэтому мы считаем, что семантические особенности, отражаемые фреймом, связаны с целевой функцией текста.

Представление текста в виде иерархии фреймов отражает закономерности текстопостроения и распределения информации. Анализ фреймов дает возможность построить иерархическую систему семантических взаимоотношений внутри текста. Для фреймового представления семантики текста должны быть определены операции преобразования, которые изменяют его содержание, и, если форма сохраняется, должны быть определены операции свертки [Лесников 2011: 86].

Можно сказать, что стереотипы определяют, как люди заполняют контекст фрейма, другими словами, является ли фрейм нормативным, зависит от того, соответствует ли он стереотипам людей. Так каждый фрейм-ситуация представляет собой более или менее полный список понятий,

позволяющий правильно/ адекватно действовать в данной ситуации. При определении соответствия или несоответствия текстового элемента фрейму, который выбирается в качестве ограничителя совместимости элементов, выполняются следующие условия:

- совместимость понятия и фрейма в индивидуальной концептуальной системе индивида;
- семантическая совместимость, предопределенная категориально;
- определяющий признак: фактический признак для свойств и элементов, ограничивающая характеристика, которая ее оценивает;
- типизация процессов/ действий и отношений по тождеству или сходству моделей управления семантической структурой фрейма [Лесников 2011: 87].

Эти условия относятся к признакам фрейма и семантическим условиям для заполнения его узлов, которые регламентируют семантическую совместимость. Присвоение значения слову, определенного семантического и синтаксического управления, который обеспечивает воспроизводимость и эффективность конкретного акта общения, позволяют говорить о ролевой семантике и учитывать особенности заполнения узлов фрейма при переводе.

1.1.3 Художественные тексты как материал для выявления вербализации фрейма

Художественная речь определяется многими особенностями: творческий

подбор языковых средств, образные языковые средства, повышение значимости языковых единиц, способность к эстетически мотивированному отклонению от языковых норм.

По мнению исследователей главной особенностью художественного текста является образность, создающаяся автором при отражении действительности в тексте. По В. Г. Адмони: «Художественный текст – это возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания...» [Адмони 1994: 120]. В этом определении необходимо подчеркнуть субъективное представление реальности в художественном тексте. Представление авторской реальности и создание картины осуществляется за счет особой избирательности языковых средств – осмысленной становится сама форма текста. Изобразительные средства художественного текста описываются объектами изображения, ситуацией сюжета, темой произведения. Характер образных средств может быть мотивирован точкой зрения и особенностями картины мира автора и его героев.

Как создатель художественного текста, автор конструирует образы текста для читателей, с этой точки зрения автор больше похож на художника, который рисует. Изобразительная функция образов отражает когнитивные особенности восприятия художника автора. Система образов текста имеет связь с концептуальностью литературного текста - она всегда передает мировоззрение автора, его концепции, погружает читателя в реальность.

Вселенная произведения преобразуется в особую эстетическую реальность в соответствии с намерениями автора.

Художественный текст допускает несколько интерпретаций, а объективная лингвистическая основа закладывается в сам текст и выражается в форме речи.

Лингвистическому анализу текста необходимо объяснить содержательное, концептуальное содержание текста - фрагмент мировоззрения автора художественного произведения, его восприятие реальности. Благодаря языковым единицам текста образуются система, служащая для выражения намерения автора и являющаяся незамкнутой. Согласованность художественного текста проявляется во взаимосвязи его языковых элементов: морфем, слов, предложений.

Важна не только композиция средств, но и их взаимосвязь друг с другом – композиционное единство, из которого рождается уникальность внутритекстовых связей, которая обеспечивает максимальную информационную насыщенность художественного текста: в нем нет случайного словоупотребления. Лингвистический анализ художественного текста, имея некоторые особенности, характеризуется поиском детерминант, которые создают целостность текста при его формировании и восприятии.

Толкование информации, воспринимаемой читателем, основана на когнитивно-прагматических характеристиках дискурса, в котором работает образное слово. Элемент системы, необходимый для определенной речевой ситуации, определяется мышлением писателя. Следовательно, конкретная

ситуация, отраженная в сознании автора художественного произведения, кодируется косвенно производными номинирующими знаками.

Определение художественного концепта в лингвокогнитивистике находится на стадии осмысления. Еще в 1928 году С. А. Аскольдов, обративший внимание на существование художественных концептов, назвал их "наиболее сложными точками соцветия ментальной конкретности", «сростком возможных образных формирований, определяемых семантикой художественного слова» и рассматривал художественный концепт как "клубок значений и атрибуций, содержание акта сознания, нечто, с трудом мерцающее в ментальном кругозоре". По словам С. А. Аскольдова, художественная концепция — это «комплекс того и другого, то есть сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых представлений» [Аскольдов 1997: 274].

В нашем исследовании подход к анализу художественного концепта представляет большой интерес с точки зрения единства индивидуального автора и этнокультурного сознания. По Л. В. Миллер, художественный концепт предстает как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», конденсатора «универсального художественного опыта, зафиксированного в культурной памяти и способного выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер 2000: 41-42].

Например, в прозе авторов Черноземья культурные концепты находятся в соответствии с интенциями автора и воплощаются в форме метафор. В их художественных концепциях можно встретить результаты культурно-исторического опыта народа, представленные как ценностно-смысловые и эмоционально-оценочные установки. Это авторское мировоззрение уникально, в результате чего содержание художественной концепции кажется шире когнитивных метафор. Пример *«Я теперь – корабль в чужом порту, грезящий о своей пристани. Уже и груз погрузили, и надо плыть, а днище пробито. Пусть внутри, остались одни инстинкты. Голова идет кругом, но жить нужно»* [Сухарев 2004: 102]. Когнитивная метафора "корабль" как одинокое судно в воде, свободна от предметной образности. Кроме того, художественная концепция "Корабля" служит стимулирующим источником для метафорического дискурса и восстанавливает причинно-следственные связи и намерения автора, скрытые в когнитивной метафоре.

Герой рассказа В. В. Сухарева "Туман" вспоминая прошлое, испытывает сожаление о былых временах, так как в настоящем он ощущает одиночество, беспокойство, он подобен кораблю в чужом порту. Как считает Алефиренко, что принципиальное отличие художественного концепции представляет собой "взаимную" диалогическую связь между человеком и культурой, носителем которой он является [Алефиренко, Ярощук 2013: 25].

Структура денотативной ситуации, отраженная в голове писателя и вербализованная метафорой, может быть представлена как фрейм, который

является наиболее типичной когнитивной структурой для метафорической семантики, так как знания в ней формируются вокруг художественного концепта, с которым связана базовая, типичная и потенциально важная информация. Метафорическое значение представляет собой полевую структуру, которая включает в себя основу (ядра) и дополнительную (периферийную) часть. Фреймовое структурирование семантики метафорического знака — это структура взаимодействия между значениями вновь интерпретируемых слов и знаниями, отформатированными в форме фрейма. Следовательно, фреймовый анализ предоставляет возможность смоделировать процесс структурирования и отражения фрагмента, получить способы и средства интерпретации знаний в нашей реальности. Вместе это позволяет приблизиться к принципам понимания слов в любой ситуации коммуникации, используя художественную структуру как структурированную единицу, организованную вокруг ядра, которое позволяет изображать образы. Данный фрейм позволяет представить различные характеристики познаваемого объекта.

Понятие формирования фрейма, характерное для изучаемой лингвокультуры, является смысловым центром. Смысл метафоры, выражающей фрейм, представлен из системы знаний, извлеченной из семантической структуры производного знака, который обозначает ситуацию. По словам С. Филлмора, художественный фрейм можно разделить на совокупности нескольких объектов косвенной информации, доступных в памяти целой нации или сформированных в соответствии с возникающей

потребностью в обработке, изменении или адаптации стереотипной коммуникационной ситуации.

Фрейм представляет собой форму пропозиции или набора пропозиций, иначе говоря, довольно структурированной единицы хранения знаний. Сеть узлов и терминалов, которые располагаются в двух уровнях, представляет собой структуру художественного фрейма. Концептуальная информация интенсивного характера, соотносящаяся с конкретной коммуникативно-прагматической ситуацией, занимает ее верхние уровни. Узлы (или слоты) имеют отличия ситуационной зависимости, обладающие разными выражениями в языке. *Пример: «Единственное ненаказуемое правовыми нормами всех стран и народов преступление – убийство своей души. Это самое страшное и опасное преступление в мире. Потому что убитая, мертвая душа не откликнется ни на радость, ни на горе».* [Балашов 1987: 74].

Согласно вышеизложенному, мы можем представить и проанализировать эту когнитивно-семантическую структуру в виде полевой модели. Его денотативная основа представляет собой стереотипную ситуацию, связанная с метафорическим изображением акта убийства – насильственного лишения жизни. В данной метафоре концептуальная информация интенсивного характера создается верхними уровнями фреймовой структуры: "подавление всех ментальных переживаний". Вариативная информация, привязанная к коммуникативно-прагматической ситуации автора, "безразличие, бесчувственность". В структуре этого фрейма

выделены следующие слоты:

(а) источник, указание на причину этого безразличия и бесчувственности: разочарование в жизни;

(б) событие, указывающее на процесс и способы проявления данного чувства разочарования: потеря чувств и переживаний души;

(в) следствие, выявление результата разочарования в окружающем мире "убийство души" как целенаправленного подавления беспокойств относительно определенных событий и явлений. Представленные слоты представляют собой незаменимые компоненты концепции "Целенаправленное подавление всех беспокойств" [Алефиренко, Ярошук 2013: 26].

Содержание художественного фрейма определяется суммой знаний о периферических значениях метафорических компонентов, которые представляют соответствующие субконцепты в структуре фрейма, так как он обладает композиционной структурой, изначально делимой. Это наглядно демонстрирует сравнение фразеологизированной метафоры с ее свободным синтаксическим генотипом.

Фрейм, который лежит в основе метафоры, показывает стереотипные знания автора об участниках в определенных ситуациях, которые имеют вневременное значение. С помощью фреймового сценария эта ситуация структурируется, иначе говоря, традиционно воспроизводимые знания о типичной ситуации или участнике в этой ситуации представлены в логическом порядке. *Пример: «Ты хоть бы подумал, олух царя небесного,*

пристало ли мне, женщине, улаживать дела с мужчинами». [Тарасов 2006: 15]. Фразеологическая метафора “олух царя небесного” представляет собой продукт народного творчества и означает “простодушный”. Образное выражение говорит о том, что наивные люди ближе к Богу, что они могут рассчитывать на Его помощь. Известно, что глупцы и нищие пользовались особой милостью Бога (небесного царя). Поэтому “олух царя небесного” является одним из тех бездельников, ожидающих милости от Бога.

По словам А. И. Соболевского, слово «олух» произошло от «волух», что значит “пастухов валов”, подобным образом называли чрезвычайно простого человека. В Древней Руси использовалось имя Олух, постепенно исчезнувшее и ставшее нарицательным.

Следует отметить, что:

1. Художественный фрейм действует как региональная когнитивная основа для общей направленности мысли, чувства и действия людей, связанной с появлением метафорического образа.

2. Фреймовая организация метафоры представляет собой своего рода остов события, представленного автором, явления реальности, опыта, закодированного смыслообразующими компонентами метафоры.

3. Художественные фреймы “контролируют” интерпретацию читателями событий, явлений и переживаний, представленных писателем и закодированных метафорами.

4. Фреймовое моделирование метафорической семантики предоставляет возможным выявление механизмов представления метафорических значений,

которые выражены знаками косвенно производной номинации, и отражает способ восприятия и понимания.

5. Фреймовый подход к изучению метафорической семантики позволяет понять суть контаминации языковой и внеязыковой семантики метафоры. Таким образом, в смысловой структуре образного слова связываются языковые знания, идеи, ассоциации, интеллектуальные и эмоциональные переживания этнолингвистического коллектива.

1.1.4 Способы проведения фреймового анализа

В работе О. В. Гусельникова «Возможности фреймового анализа» обосновывается возможность использования понятия фрейма по отношению к анализу различных языковых явлений; рассматриваются различные варианты фреймового анализа, их суть, основные задачи и достоинства каждого подхода [Гусельникова 2009: 30].

Различные варианты фрейм-анализа, использующиеся в современной лингвистике:

1. Теоретическая основа первого подхода в основном исходит от Ч. Филлмора, для которых задачей фреймового анализа является описание ментального представления, стоящего за словом и выделение аспектов, которые определяют особенность значения и делают его отличным от значений других лексических единиц в данной семантической области. В этом подходе ученые считают, что фрейм относится к когнитивной основе

лексического значения и содержит информацию о стереотипах. Этот подход используется для систематизированного и полного описания знаний о конкретных стереотипах, а также для выявления семантических и синтаксических особенностей лексических единиц, которые объективируют эти знания.

Самым большим преимуществом этого подхода является то, что можно собрать очень полную лингвистическую и экстралингвистическую информацию. С помощью информации мы можем получить лингвистические и экстралингвистические знания, составляющие значение других лексических единиц языковой системы.

Стоит отметить, что многие ученые изучали терминологию с помощью этого подхода к анализу фреймов и работали над выявлением когнитивных характеристик терминологии. Фреймы этих терминов демонстрируют чрезвычайно сложную структуру и иерархию. Фрейм облегчает людям понимание и описание термина. По иерархии и структуре, разложенной в терминологии, можно сформировать фрагменты языковой картины мира терминосистемы.

2. Принято выделять в особую группу исследователей (Ю. Н. Рогачева, О.Ю. Ромашина, Т. В. Яскевич и др.), которые занимаются моделированием фреймовой структуры конкретного языкового материала в виде когнитивно-пропозициональной структуры. В основе данного подхода лежит идея о том, что между действительностью и ее отражением в семантической системе языка существуют определенные структуры знания в сознании

говорящего, именно к ним он обращается, выделяя важные для него признаки. Приверженцы этого подхода исходят из понимания пропозиции как языкового коррелята фрейма, его операциональной единицы [Гусельникова 2009: 30].

Построение конкретной структуры фрейма как пропозиции, по их мнению, помогает в идентифицировании, исследовании и подробном описании особенностей и различных степеней реализации признаков в определенном выражении речи, которое помогает понять и осознать сложность семантики языковых средств, составляющих определенную структуру, и позволяет выбрать среди большого их количества правильные средства реализации ментального содержания, передаваемого в момент речи.

3. Следующий подход к анализу фреймов основан на теории метафорического моделирования. Метафорическая модель представляет собой «существующую в сознании носителя языка взаимосвязь между концептуальными сферами, в которой фрейм-система сферы-источника понимается как основа для моделирования концептуальной системы другой сферы-магнита» [Цыбина 2011]. Сущность этого подхода состоит в том, чтобы идентифицировать и описать исходную концептуальную область (сферы-источника) и новой сферы-мишени, создать структуру и содержащиеся в ней слоты, и определить и проанализировать компонент, который соединяет сферу-источник и сферу-мишень и формирует основу для метафорического понимания конкретной ситуации. В русле данного подхода работают А.П. Чудинов, Г. Г. Молчанова и др [Гусельникова 2009: 30].

С помощью этого подхода мы можем реализовать процесс когнитивной обработки от абстрактного к конкретному. Мы можем использовать метафоры и фреймы, чтобы понять, как носители языка думают. Это позволяет представить мировоззрение носителей языка и их способы воспринимать и понимать сложные изменения в окружающем мире.

4. Несмотря на то, что имеется небольшое количество работ с использованием категории фрейма при анализе фразеологического материала (А. Б. Феоктистова, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, Н. Ф. Алефиренко, Т. В. Филипченко и др.), использование фрейм-анализа при изучении единиц выражения является перспективным.

Изучение фразеологических единиц в соответствии с теорией фрейма помогает понять «традиционный» языковой материал с новой стороны: провести анализ «глубинной» структуры фразеологизмов, попытаться выявить принципы организации фреймовой структуры фразеологических единиц, на которые опирается носитель языка при их использовании, выявить и описать модели образования актуального значения фразеологизмов и т.д. Чаще всего объектом фреймового анализа становится фразеологическое значение в том или ином его ракурсе [Гусельникова 2009: 30].

По мысли Баранова, мы можем понять, что в качестве источника формирования идиоматического значения выступают не значения слов-компонентов, а связанные с ними фреймы и сценарии, в связи с чем значения идиом предлагается описывать как результат концептуальных

преобразований над фреймами / сценариями и их составляющими – слотами [Баранов 1990: 3]. Исследователи предполагают, что при когнитивном описании плана содержания необходимо иметь подходящий фрагмент структуры знаний (в форме фрейма) и набор когнитивных операций, которые лежат в основе его функционирования.

Исследователи изобретают «открытую» типологию, где дается описание некоторых типов элементарных преобразований слотов и их содержания, которые приводят к появлению фиксированных в концептуальном представлении знаний, в значение фразеологических единиц. Эти преобразования включают в себя:

- 1) замена содержания слота на нехарактерное;
- 2) введение нехарактерного слота со свойственным ему содержанием;
- 3) перенесение концептуального содержания слота одного фрейма в другой фрейм;
- 4) свертывание фрейма в один слот;
- 5) элиминация / уничтожение слота и т. д [Баранов 1990: 25].

Нам нужно обратить внимание, генерация значений направлена не непосредственно на изображение, а от лежащей в основе когнитивной структуры фрейма или типа сценария к лексическим значениям слов.

Преимущества этого метода можно свести к следующим пяти пунктам: 1) найти связь между структурой фразеологического значения и способом интеллектуальной деятельности человека, в которых знания и смысл учитываются в их корреляции и взаимодействии; 2) рассмотреть системные

связи внутри фразеологического фонда; 3) описать способы взаимодействия языковых и внеязыковых знаний в образовании и восприятии фактического значения единиц фразеологизма; 4) определить функции прямых значений элементов фразеологизма; 5) детально описать внутреннюю форму единиц выражения [Гусельникова 2009: 30].

5. Фреймовый анализ также может использоваться для изучения действительного психологического фразеологического значения, с которым работает носитель языка. При использовании фрейм- категории появляется возможность смоделировать и описать фреймовую структуру фразеологического значения, которая существует в повседневном сознании носителя языка, и отличать их от фразеологического значения, записанного в словарях.

Этот вариант фреймового анализа основан на методе, разработанном Е. В. Лукашевичем для пошагового моделирования семантических, когнитивных и концептуальных структур слова. [Лукашевич 2002]. Данная методология была применяется по отношению к фразеологическому материалу с включением базовой единицы фреймового анализа. Сущность исследования состоит в семантическом, фреймовом и концептуальном моделировании структур фразеологии и поиску взаимосвязи между ее компонентами. Это помогает наилучшим образом получить представление о стабильности определенных особенностей фразеологических значений.

Что касается того, как использовать метод, мы можем разделить метод на три этапа.

Первый этап требует от нас анализа определения фразеологических единиц, то есть найти широкое объяснение фразеологических единиц в словаре. Фразеологическая единица моделируется в соответствии со структурой семантики, выраженной в словаре.

Второй этап – нужно смоделировать фреймовую структуру фразеологизма. Основой выявления когнитивных особенностей лингвистической и экстралингвистической фразеологии, которые актуальны для носителей языка, является метод самоанализа. В ходе эксперимента испытуемым предлагается сделать интерпретацию набора фразеологических единиц, целью которого является выявление когнитивных особенностей фразеологических единиц. При обработке полученных данных появляется модель фреймовой структуры фразеологизмов. Во фреймовой структуре любой фразеологической единицы имеется набор субфреймов, под которым понимается слои в структуре фрейма, которые представляют ряд тематически однородных объектов, – являются цепочками иерархически расположенных слотов. Сравнивая результаты моделирования этого этапа с результатами моделирования предыдущего этапа, можно получить корреляцию и различие между ними.

Третий этап заключается в проведении свободного ассоциативного эксперимента, которое предоставляет возможным получение результатов процесса концептуализации, а именно, присуждение информации носителям языка, ее введению в концептуальную систему индивида. Результаты, которые были получены в третьем этапе исследования, дают возможность

построить концептуальную структуру фразеологизмов. Дальнейшие ассоциативные результаты коррелируют с результатами экспериментального анализа фреймовой структуры фразеологических единиц с использованием метода компонентного анализа для подтверждения или опровержения полученных данных о стабильности одних характеристик и предстоящей динамике остальных характеристик при сопоставлении с семантической структурой.

Преимущество этого фреймового анализа заключается в возможности использовать фрейм-категорию для детального описания значения фразеологизма, изучить когнитивные особенности, имеющие отношение к информаторам при восприятии конкретной фразеологии, выявить возникающие изменения значения единицы фразеологии, основанных на анализе количественных переходов когнитивных характеристик в рамках структуры фразеологии, которые будут необходимы для создания новых фразеологических словарей.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. При использовании методов фрейм-анализа для изучения различных языковых единиц появляется ряд достоинств в силу особенностей структуры. Например, категорический принцип организации знаний, образ знаний о типизированной ситуации, структурированный иерархический план, присутствие условного начала и потенциал развития.

2. Каждый автор вносит свой вклад в понимание фрейма, сосредоточившись на важных для него характеристиках, в результате чего

появляются различные интерпретации и виды фрейм-анализа. Это зависит от сферы интересов, языкового материала и цели исследователя.

3. В когнитивной лингвистике фрейм обозначает единицы, которые участвуют в когнитивном и семантическом моделировании языка при изучении взаимодействия семантического пространства языковых значений, пространства мышления; он рассматривается в исследовательских работах в виде единичного метода фреймовой семантики, которая позволяет формировать сферу знаний, связанную с анализируемым материалом. Поэтому фрейм становится необходимым инструментом в эффективном анализе лингвистических материалов. Например, при изучении коротких рассказов в качестве материала мы стремимся выявить психологические отражения и значения реальных выражений носителей языка. Мы концептуализируем выражения носителя языка о Новом Году в рассказе, и раскрываем особенности. Этот процесс, несомненно, осуществляется с помощью фрейма.

1.2 Концепт «Новый Год»

1.2.1 Понятие концепта в современной лингвистике

В настоящее время термин «концепт» широко используется во многих гуманитарных науках: в литературоведении, философии, лингвистике, психологии, культурологии. Дефиниций данного термина множество, так как термин «концепт» является одним из ключевых в исследовании этнической

языковой картины мира как вариант плана содержания.

Понятие «концепт» относится к восхождению человека от перцептивного знания к рациональному знанию, отражающему существенные свойства объектов. Итак, это очень абстрактная форма мышления на психологическом уровне, которая приводит к понятию «концепт», содержание которого сильно различается между разными научными школами и разными учеными. Причину неоднозначности трактовки концепта М. В. Пименова видит в том, что «он является междисциплинарным образованием, используется в целом комплексе наук, в рамках исследований философов, логиков, психологов, культурологов, где он подвергается внелингвистической интерпретации» [Пименова 2006: 42].

На сегодняшний день термин «концепт» в научной литературе может трактоваться по-разному.

Метод объяснения концепта с психологической точки зрения был предложен С. А. Аскольдовым и развит Д. С. Лихачевым. Они понимали «концепт» как ментальную форму, в которой люди воспринимают вещи: ответственные за выполнение альтернативных функций. В частности, С. А. Аскольдов-Алексеев отмечает, что концепт есть «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, также некоторые стороны предмета или реальные действия» [Аскольдов 1997: 279].

Для функции концепта Д. С. Лихачев полагает, что «заместительная функция концепта облегчает языковое общение, что позволяет преодолевать

несущественные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов и их толковании» [Кошкина 2009: 100].

Лихачев думает, что концепт возникает не непосредственно из значения слова, но путем столкновения его словарного значения с личным и народным опытом человека. В связи с этим потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека [Лихачев 1997: 281-282]. То есть один концепт в психологии каждого человека имеет разную интерпретацию, эта интерпретация определяется личным опытом, и единого ответа нет.

С точки зрения логики ученые обычно имеют более абстрактное понимание. По мнению Н. Д. Арутюновой, логический подход связан с трактовкой концепта как понятия практической (обыденной) философии, возникающего в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения в системе ценностей. Концепты образуют культурный слой, посредничающий между человеком и миром [Арутюнова 2003].

В рамках философского подхода под концептом понимается то, что не подлежит изменениям в семантике словесного знака, что, напротив, определяет выбор словесного знака, направляет мысль, сама же философия является отражением национальной ментальности, представленной в структуре родного языка [Кошкина 2009: 101].

Проанализировав под другим углом, С.Х. Ляпин предлагает интегративный подход объяснения концепта. Он сосредоточился на

многомерности концепта: концепт – многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, в качестве конститuentов которого выступают эмоциональный, рациональный, абстрактный и конкретный компоненты. Анализ многочисленной литературы дает основание считать, что концепты представляют собой «наше знание об окружающих нас живых существах и объектах, которые реализуют «базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл со словом» и «с психологической точки зрения выполняют функцию категоризации» [Ляпин 1977: 35].

В. В. Красных вводит узкое определение понятия концепт: [национальный] концепт – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью [Красных 1998: 184]. В. В. Красных «отрицает обязательное наличие визуального прототипического образа у концепта и употребляет термин «концепт» только применительно к абстрактным сущностям (например, «воля», «счастье») и ментефактам» [Красных 1998: 61]. Иной представляется точка зрения В. И. Карасика, согласно которой наряду с концептами абстрактных сущностей признается существование так называемых «предметных концептов (например, «матрешка» «колобок»). Такое понимание концепта дает более полное представление о концептосфере или иного сообщества [Красных 1998: 55].

Существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся, как правило, к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этого явления. Так, например, концепт как лингвокогнитивное явление представляет собой «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и всей картины мира, отражаемой в человеческой психике» [Кубрякова 2006: 22]. Итак, с точки зрения лингвокультуры, ученые рассматривают «концепт» (в культуре) как базовую единицу культуры, как концентрат культуры.

Необходимо подчеркнуть, что лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими. Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е. культуру, а концепт как единица культуры – это фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. По мнению В. И. Карасика, эти подходы отличаются векторами по отношению к индивиду: «лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик 2001: 79]. Следует отметить, что разделение движения во вне и движения во внутрь является лишь исследовательским приемом в реальности это движение является целостным многомерным процессом.

Анализируя определение понятия «концепт» разными учеными с разных

сторон, мы можем осознать, что понимание слова «концепт» в современной лингвистике может быть различным. Ученые могут продолжить анализ новых функций с разных позиций. Понимаемые в узком или широком смысле, несомненно, что концепт принадлежит сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательно-классифицированные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концепты не только мыслятся, но и переживаются [Попова 2006: 41].

В настоящее время в лингвистике существует целый ряд близких по смыслу терминов, например, «понятие» «концепт» «фрейм» «гештальт». Для ясности понимания термина «концепт» необходимо рассмотреть данные понятия и установить их различия в сравнении с концептом [Касьян 2010: 51].

Многие считают само собой разумеющимся, что эти термины являются синонимами, но это ошибка. Согласно современным лингвистическим исследованиям, значения этих терминов совершенно разные, и сфера их применения также различна. В русском языке слово «концепт» происходит от латинского латинского слова «conceptus». Термин «Понятие» в основном используется в логике и философии, тогда как «концепт» в основном используется в культурологии и лингвистике. Термин «понятие» включает в себя системы логических терминов, таких как «суждение» и «умозаключение», что, в свою очередь, означает, что «понятие» включает в себя более объективное рациональное значение, т. е. то содержание, которое включает основные существенные характеристики объекта [Карасик 2004:

128].

Ментальная природа этих понятий одинакова. Различие заключается в том, что они характеризуют хранящуюся в памяти единицу информации с разных сторон [Карасик 2004: 128]. Так, «гештальт» подчеркивает целостность хранимого образа, который нельзя понимать просто как сумму символов. «Фрейм», напротив, представляет собой информацию, которая становится более конкретной по мере развертывания рамок.

Проблемы филологии, связанные с пониманием концепта, позволяет систематизировать различные понимания этих ментальных сущностей. Многие ученые (В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. О. Чернейко и др.) считают концепт как минимум трехмерным образованием и выделяют его предметно-образную, понятийную и целостную составляющие. Так, образная сторона концепта включает в себя зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, т. е. это релевантные признаки практического знания. А понятийная сторона концепта – это то, как концепт зафиксирован на языке, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к другим концептам. Ценностная (интерпретационная) сторона концепта характеризует важность этого психического образования как для инвалида, так и для всего языкового коллектива [Карасик 2004: 129]. Определение этой трехмерной структуры очень важно, и оно обеспечивает основу для классификации единиц, которые мы собираем в следующей главе.

Следовательно, установление понятия «концепт» может помочь нам лучше интегрировать и связать язык, сознание и культуру, что полезно для дальнейшего изучения процесса познания и помогает нам эффективно изучать семантические аспекты. Это заставляет нас еще больше поверить в то, что каждое языковое явление не создается людьми из воздуха, они должны быть давно сконструированы человеческим мышлением. Через мост сознания люди могут осуществить переход от языка к культуре или от культуры к языку. Что в настоящее время, несомненно, так это то, что «концепт» согласовывается как единица ментального пространства. Он структурирует знания о мире и отражает национальную специфику членения мира. Под концептом мы понимаем операционную единицу мысли как способ и результат квантификации и категоризации знания, поскольку его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образования которых в значительной мере определяется формой абстрагирования, модель которого задается самим концептом, тем самым он не только описывает свой объект, но и создает его [Касьян 2010: 53].

1.2.2 Концепт «Новый Год» в русском языковом сознании

Сезоны обеспечивают предпосылку для генерации праздников. Люди заметили закономерность смены времен года и стали периодически праздновать. Во многих странах весна природы считается началом года. Со временем люди начали пользоваться одним и тем же единым календарем. До

сих пор первый день января считается Новым годом.

В настоящее время Россия, как и подавляющее большинство стран мира, считает 1 января Новым годом и отмечает его дружно по всей стране. Однако подобная ситуация формировалась в течение многих лет истории. Даты празднования, праздничная символика, ритуалы празднования и т. д., связанные с Новым годом, сильно изменились, особенно в течение 20 века в Советском Союзе. На этом этапе произошел период острой конкуренции и интеграции религии, политики и экономики. Так что в каждую эпоху в России люди имеют специфическое отношение к новому году.

Новый год как событие признан учеными важным показателем, отражающим уровень жизни населения страны. Поэтому исследования Нового года содержат гораздо больше ценности, чем мы себе это представляем. Если рассматривать с поверхностной точки зрения, Новый год включает в себя массовое поведение, традиционные обычаи, а в более глубоком направлении – идеологический уровень людей, социальные ценности и так далее.

Новогодний стол всегда был яркой частью Нового года. От язычества Древней Руси сохранился обычай богатого застолья, обильной еды, что имело ритуальное значение в праздник Коляды и затем, с принятием христианства и появлением новых праздников, Святков и было связано со стремлением земледельцев избежать голода в наступающем сельскохозяйственном году. Этот обычай перешел впоследствии на Рождество и советский Новый год, сохранившись и до наших дней. Дед

Мороз и Снегурочка также связаны с языческими представлениями [Радченко 2015: 132]. Таким образом, религия оказала большое влияние на жизнь россиян, что было замечено и российским правительством.

Особенно в сталинские времена такие новогодние атрибуты из Европы, как елка, назывались «проклятым прошлым». Эти атрибуты перечислены как: Наследие против Советского Союза, анахроничная старая вещь, символ христианства, пережиток религии. Так что череда рождественских атрибутов и гуляний, включавших от Рождества до Нового года, была официально снята в советское время.

Потом под влиянием большевистской идеологии Новый год приобрел светский характер, связь с социально-экономическим развитием страны, подведением итогов старого года, планированием следующего, черты коллективизма, обычай проведения корпоративных мероприятий [Радченко 2015: 132]. Новый год снова в глазах людей. С 1937 года люди могут торжественно встречать Новый год.

Теперь на то, как Россия празднует Новый год, влияет культурная глобализация, впитывающая элементы из разных стран и начинающая создавать новый собственный образ. Как сказал Радченко, празднование Нового года в России испытывает влияние и культуры Востока (китайский гороскоп, представление о животном-покровителе года), и западной культуры (американские кинофильмы, традиции католического Рождества). Для национальных регионов в праздновании характерен местный колорит [Радченко 2015: 132].

В настоящее время у людей в России есть свой процесс встречи Нового года, и он постепенно стал основным трендом: подготовка нарядов и костюмов, закупка продуктов, украшение улиц, площадей, домов, проведение праздничных мероприятий, новогодняя ночь в кругу семьи и друзей [Радченко 2015: 132].

Можно сказать, что сегодняшний Новый год – это приз, за который россияне боролись в истории, поэтому Новый год имеет для россиян большое значение. Людям по закону разрешено иметь отпуск около 10 дней. Будь то дети или взрослые, с добрыми пожеланиями «Дед Мороз» и «Снегурочка» катаются на санях, чтобы подвезти людям подарки, начать подготовку заранее и с нетерпением ждать Нового года. Люди заранее покупают елки и стремятся украсить их всей семьей. Люди покупают продукты к Новому году и, конечно же, подарки. Новогодний стол – должен быть богатым. Среди блюд незаменимым является традиционное блюдо салат Оливье (или, в последние годы, на столе молодежи его заменят салатом Цезарь). Семьи сели за праздничный стол и выслушали новогодние поздравления народа от главы государства. Кремлевские колокола пробили двенадцать раз с последними словами президента. К двенадцатому разу люди поднимали бокалы с шампанским, улыбались и желали друг другу Нового года! В эту ночь вокруг людей часто появляются фейерверки, петарды и другие пиротехнические изделия. Это веселая и шумная ночь!

Для русских информантов представления о празднике Новый год связаны с наличием неперенных атрибутов праздника, соблюдением

незыблемых традиций празднования. Ожидание праздника и сам праздник является радостным событием, дарящим множество положительных эмоций [Зырянова 2018: 81].

Н. Н. Болдырев определяет фрейм-сценарий как некий типовой каркас действия, понятия или же события. Фрейм-сценарий представлен в динамике, это некий разворачиваемый во времени алгоритм действий, этапов или же эпизодов [Болдырев 2004].

Посмотрим на пример, связанный с объектом нашего исследования.

«Современный толковый словарь» трактует Новый год как «первый день года, один из главных праздников у многих народов». В этом определении ценными для нас являются две детали: классификация Нового года как праздника и указание на его «народность», на то, что для каждого народа характерны свои особенности празднования Нового года.

Слово «праздник» словарем С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяется как день торжества, установленный в честь или в память кого-либо или чего-либо; как выходной, нерабочий день; день радости или торжества по какому-либо поводу; день игр и развлечений.

Таким образом, в представленном определении актуализируются продолжительность праздника, его повод, статус, эмоции, сопутствующие процессы (игры, развлечения). Все это позволяет говорить о том, что праздник – это процесс, для которого характерно наличие празднующих, место и время, заданная последовательность действий. Праздник Нового года – это стереотипная ситуация и коммуникативно-поведенческий ритуал.

Коммуникативно-поведенческий ритуал Нового года как разновидность праздника можно соотнести с понятием фрейма. Новый год — это не только встреча: как верно отмечено в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, праздник подразумевает игры и развлечения, то есть динамическое разворачивание событий во времени. Это позволяет отнести празднование Нового года к фреймам-сценариям. Динамический характер фрейма-сценария также позволяет говорить об этапности празднования Нового года.

В целом Новый год претерпел длительный переход в истории развития России, сочетая в себе элементы из других стран и показывая новые веяния со своими национальными особенностями. Можно сказать, что в концепте «Новый год» в России заложена национально-культурная значимость, чувства россиян к Новому году и так далее.

1.2.3 Концепт «Новый Год» в русской культуре

Праздники — это время, когда люди приближаются к своей идеальной жизни. Реальное течение событий в жизни человека можно разбить на три вида: повседневность (будни), выходные и праздники. Праздник является особым элементом в структуре социального времени; как событие — это часть чьей-то жизни: жизни страны, города, семьи, человека [Глевкая 2013: 53].

Функцией праздника является социальная и культурная интеграция

определенной группы людей. Это не только обогащает духовный уровень людей, но и в более широком смысле способствуют процветанию наций. С точки зрения политики страны и правительства могут использовать праздники для повышения национальной сплоченности и демонстрации своей силы другим странам. Люди считают праздник значимым и активно участвуют в нем, гордясь тем, что в их стране есть такой праздник. С точки зрения экономики, во время праздников облегчаются коммерческие и торговые обмены, чтобы организовать массы для проведения праздника. С точки зрения культуры очевидно, что праздники наследуют цивилизацию нации, тем самым способствуя развитию мировой цивилизации. Именно поэтому страна придает большое значение традиционным праздникам, пропагандирует и отмечает праздники через средства массовой информации. Это подводит нас к роли речи в этих средствах массовой информации, а также в ритуалах празднования.

В современной России Рождество и Новый год по-прежнему любят и отмечают. Это самый популярный семейный праздник в России. Особенно Новый год включает в себя не только спонтанные развлекательные мероприятия семьи, но и мероприятия, организованные правительством. Например, выступление президента в последние годы стало неотъемлемой частью новогодней ночи. Каждый канун Нового года по телевизору показывают новогодний цикл фильмов. Мы заметили, что подавляющее большинство этих мероприятий транслировалось в российские массы через средства массовой информации.

В СМИ «новогодний» период охвачен продолжительным промежутком времени (с ноября по февраль), когда осуществляется речевая разработка Нового года. Уже в ноябрьских изданиях читатели видят большое количество материалов, посвящённых празднованию Нового года, что настраивает аудиторию на праздничную атмосферу. Различные издания по-разному расставляют акценты [Глевкая 2013: 53]. Для контента с темой «Новый год» СМИ также немного изменяют контент в соответствии с региональными особенностями. Направление освещения в СМИ также отражает и ведёт за собой общую тенденцию местного сообщества на данном этапе.

В газетах даются материалы справочно-рекламного характера, информацию о праздновании в зарубежных странах, материалы, отражающие экономическую предпраздничную ситуацию.

По мере приближения Нового года журналы и газеты публикуют все больше занимательных историй. Эти доклады имеют скорее экономическую и политическую подоплеку. Например, издательства публикуют советы о том, как встречать Новый год и Рождество, и рекламу рекомендуемых «новогодних» развлечений. В религиозных журналах будут публиковаться художественные тексты и научно-популярные просветительские тексты о Новом годе. В декабре издатели СМИ начинают уделять внимание новостям, связанным с Новым годом, и стихам, посвященным Новому году. Материалы, максимально приближены к реальной жизни людей: цены на продукты в новогодние праздники, популярные гадания на праздники, новогодняя жизнь знаменитостей и так далее.

В ежемесячных изданиях осуществляется непосредственное сопровождение празднования, в них рекомендации и реклама. Предлагаются информационные материалы и художественная публицистика. «Различные издательства, поздравляя читателей с Новым Годом и Рождеством, включают познавательные материалы» [Глевкая 2013: 54]. Публикуются стихи, рассказы, сказки для детей, советы психологов. Накануне Рождества с праздником поздравляют священники.

В дореволюционной России существовал отдельный литературный жанр – святочный рассказ. «Святочный рассказ» - или «рождественский» - писался к Святкам, периоду от Рождества до Крещения, на который приходился и Новый год. В эти 12 дней принято было собираться по вечерам и развлекать друг друга историями, как сегодня это делает телевизор. Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. И. Куприн, А. П. Чехов, Л. Андреев и многие другие создавали эти поучительные и в то же время трогательные истории. После 1917 г. жанр, казалось бы, должен был умереть, но вера в чудо продолжала жить в литературных текстах (например, А. Гайдар «Чук и Гек» (1939)); впрочем, и собственно христианское чудо становилось объектом рефлексии художников слова (рождественский цикл И. Бродского).

В современной русской литературе новогодний жанр живет очень разнообразной жизнью. Рождественские тексты есть у многих – от Дарьи Донцовой до Дмитрия Галковского (одного из самых тонких и обаятельных авторов постмодерна). Особую популярность заслуживает Григорий Шалвович Чхартишвили (Борис Акунин). У Акунина встречаются короткие

фантастические истории, снабженные подзаголовком «типа святочный рассказ».

Накануне празднования по телевизору показываются мультфильмы на тему Нового Года. Сюжеты строятся вокруг подготовки к празднику, мечты о чуде, о помощи ближним. Описываются не только праздничные развлечения. Более того, автор новогодней истории по-своему внесет в читателей более глубокие позитивные мысли, например, в новом году произойдет хорошее, этот год точно будет лучше предыдущего, все беды, разочарования и печаль исчезнет, и всегда будет надежда на жизнь.

В Новый год и Рождество Дед Мороз - оператор, исполняющий желания людей. Дед Мороз появился как русская версия Санта-Клауса, а точнее, как "новогодний дед", на рубеже XIX и XX веков. Позже все больше и больше россиян стали отмечать западное Рождество. В то же время Рождество и Новый год совпадали очень близко. Понятия "Дед Мороз" и "новогодний дед" постепенно слились в одно. Это также может быть одним из основных отличий Санта-Клауса от Деда Мороза. В России Дед Мороз больше символ Нового года, чем Рождества. В основном это связано с социалистическими реформами в Советском Союзе. Позже, после смерти Сталина, образ Деда Мороза стал появляться в поле зрения людей, фигурируя в детских сказках. К концу 1930-х Дед Мороз и его внучка Снегурочка стали главными героями обоих праздников. В описаниях русских писателей часто фигурируют Дед Мороз и Снегурочка, но не как главные герои, а как необходимый атрибут Нового года, чтобы нести людям надежду. Исключением может быть

сказочная повесть Ан. Алексина «В стране вечных каникул», где Дед Мороз выступает в роли волшебника.

Самая интересная история новогодних праздников в России, на наш взгляд, находится в книге Андрея Жвалевского и Евгения Пастернака «Правдивая история Деда Мороза» [Жвалевский, Пастернак 2009: 44]. Это история празднования Рождества и Нового года в России. В начале повести есть интересный рассказ о том, как праздновали Рождество в Российской империи сто лет назад, как готовили самодельные елочные игрушки, любовались в то время еще редкими стеклянными заграничными шарами, которые «стоили целое состояние». «Один раз детей взяли с собой в гости сразу после Рождества, был праздник у папиного знакомого из Германии. И там, на елке висели настоящие стеклянные шары. Блестящие, ровные, гладкие – они завораживали взгляд, глаз не оторвать. Их так хотелось потрогать, не дали, даже к елке подойти, ее огородили пуфами и ширмочкой, не подобрешься» [Жвалевский, Пастернак 2009: 28].

Из значимых литературных произведений постсоветской эпохи назовем несколько. В. Сорокин («С Новым годом!» 1998) создал текст-прощание с культурой уходящего века. Д. Быков («Девочка со спичками дает прикурить» 2006) обыгрывает классические рождественские сюжеты. Л. Петрушевская («Мальчик Новый Год» 2007) рассказывает историю о Дед Морозе как семейную драму. Наконец, А. Сальников («Петровы в гриппе и вокруг него» 2016) создает целый мир вокруг мальчика на новогоднем празднике и демонстрирует читателю, что чудо всегда существует рядом с человеком,

повседневность и праздник оказываются не противопоставленными.

Фильм, как выражение искусства, исходит из жизни и выше жизни. Фильмы отражают реальную жизнь людей, поэтому через фильмы мы можем почувствовать духовное мировоззрение нации и задуматься над темами, выраженными в фильмах. В России очень много популярных новогодних фильмов, сколько бы лет ни прошло, эти фильмы до сих пор остаются классикой в сердцах россиян. Они не устарели, а прошли крещение годами и показывают более яркий блеск. У некоторых фильмов даже есть продолжение.

Например, в 1975 году был снят знаменитый фильм «Ирония судьбы», через 30 лет его снял другой режиссер для продолжения. Продолжение этого фильма является производным от новой эпохи, продолжением и сублимацией оригинального фильма. У этих двух фильмов разное происхождение, разные характеры персонажей, разные взгляды на жизнь и ценности, а также разные способы интерпретации. Но эти различия ведут к одному и тому же финалу: любовь не определяется деньгами, любовь не нуждается в причине. Нам нужно смело преследовать любовь, которая всегда в наших руках.

«Ёлки», «Ёлки 2», «Ёлки 3» и «Ёлки 1914» были выпущены в 2010, 2011, 2013 и 2014 годах соответственно. Фильм «Лохматые ёлки» дебютировал в 2015 году. Фильм похож по сюжету и структуре на предыдущие фильмы. Можно сказать, что темы этих фильмов постепенно сублимируются.

Чудесные сюжеты и счастливые концовки, кажется, неизменная закономерность в новогодних фильмах. Когда повсюду праздничная

атмосфера, люди могут получить больше психологического признания и удовлетворения от просмотра этих фильмов, чтобы фильм мог получить более высокие кассовые сборы. Видно, что фильмы с тематикой «Новый год» продолжают обеспечивать людям правильную ценностную ориентацию наряду с изменениями в обществе. Началом фильма может быть неприятная ситуация, например ссора между членами семьи, финансовые споры, занятость на работе и так далее. Все это беспокоит людей. Но когда звонит новогодний колокол, «Новый год» показывает нам свое волшебство — добрые люди получают хорошие доходы, и все становится лучше. Все новогодние элементы двигают историю вперед, предвещая чудо.

С точки зрения культуры концепт «Новый год» постоянно совершенствуется с изменением времени и обновлением представлений людей. Люди используют множество форм для записи и празднования Нового года. Что не изменилось, так это неизменно положительное отношение людей к Новому году.

1.2.4 Концепт «Новый Год» в иностранной аудитории

Исследователи неоднократно указывают: в процессе обучения иностранных студентов очень важно сочетание и взаимодействие различных аспектов. Так, В. Р. Легойда пишет: «...хотелось бы обратить внимание преподавателей русского языка как иностранного на необходимость не просто преподавать фонетику, орфографию, морфологию и т.д., но вводить

студентов в пространство русской культуры, ориентировать их на изучение языка через постижение основных смыслов культуры» [Легойда 1999: 26].

В современном обществе цель изучения языка не должна ограничиваться лишь поверхностным знанием грамматики и лексики. Можно почти сказать, что невозможно хорошо выучить язык, не приобретя дополнительные знания о стране изучаемого языка.

Поэтому, когда мы изучаем произведения русских писателей, мы должны определить, с какой точки зрения мы смотрим, или с какой позиции мы описываем российскую действительность, и как передать особенности русского менталитета. Стоит отметить, что в вопросе о подчиненности русской культуры мнения не могут быть едины. Кто-то считает, что Россия принадлежит к западной цивилизации, кто-то считает, что русское общество — это восточное общество, а кто-то не относит Россию к западной или восточной культуре. Русская культура особенная. Интересна евразийская концепция таких известных ученых, как Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский и другие, которые полагали, что «русское сознание имеет особый духовный базис (православие), особую форму общности (соборность), особое отношение к хозяйственной деятельности (“нестяжательство”, отсутствие стремления к прибыли). Величайшим достижением русской цивилизации считалось создание могучего государства» [Веденина 2017: 19].

Поэтому выбор текстов преподавателями очень важен для того, чтобы лучше играть роль русского преподавателя, и чтобы преподавание было эффективным и интересным. Преподавателям необходимо выбирать тексты,

отражающие многообразие русской культуры. Изучаемый нами «Новый год» богат национальными красками. Празднование в каждой стране отличается, и мы рассмотрим это ниже.

Сначала мы решили раскрыть концепт «Новый Год» и сопоставить его с концептом «Праздник».

В лексикографических источниках лексема «праздник» в качестве первичного, исходного значения имеет значение - «день торжества в честь или в память какого-либо выдающегося события». Вторичными значениями этого слова являются: «веселье, торжество, устраиваемое кем-либо по какому-либо поводу», «о дне, ознаменованном каким-либо важным, приятным событием, а также о самом таком радостном событии», «перен. испытываемое от чего-либо наслаждение, приятное, радостное чувство, а также сам источник наслаждения, радости». Как видно из приведенных толкований, главным смысловым компонентом лексемы «праздник» служит компонент - «день торжества» [Евгеньева 1999].

В русском языке некоторые праздники связаны с приметами: Новый год – к весне поворот. Если на новый год небо звёздное – к урожаю. На Рождество погода, снег – к урожайному году [Семенова 2016: 239].

Очень часто в русских пословицах концепт «Праздник» соотносится с концептами «Богатство» и «Бедность»: У богатого всегда праздник. Богатому всё (завсе) праздник. Богатому ежедень праздник. И у голого бывает праздник. Каждый праздник гасник разный, а штанёшки всё один. Кто праздники пытается, тот латки латает. Богатый и в будни пирует, а бедный и в

праздник горюет. Голодный праздников не считает. Довольный праздники считает, а бедный хлеб промышляет. Тогда сироте и праздник, когда белую рубаху дадут. Бурлак, что сирота: когда белая рубашка, тогда и праздник. Бедный и к празднику у соседа отпрашивается, и с концептами «Добро» и «Зло»: Доброму человеку, что ни день, то праздник, а злому и в праздник будни. Доброму человеку всякий день праздник [Семенова 2016: 239].

«Праздник» – это культура, которую люди создают вместе для своей национальной жизни и производственных нужд, поэтому в разных странах концепт «Праздник» имеет разные характеристики. Теперь давайте посмотрим на русский эквивалент понятия «Праздник» — «节日», и его значение в традиционной китайской культуре. Прежде всего, нам нужно четко понимать ситуацию: есть много способов выразить значение «Праздник» на китайском языке. Две иероглифы «节» и «日» в большинстве случаев не используются вместе, они сочетаются только с другими иероглифами, такими как 中秋节 (праздник луны), 中元节 (фестиваль призрака), 国家公祭日 (национальный день памяти), или комбинацией других иероглифов, такие как 除夕 (накануне Нового года по-русски).

Согласно анализу Семеновой, концепт «Праздник/节日» имеет пять общих компонентов как в китайском, так и в русском языке.

- 1) день торжества
- 2) день торжества дает человеку положительные эмоции
- 3) некоторые торжества сопровождаются определенными культовыми действиями, но они у русского и китайского народа разные

4) к торжествам люди обычно готовятся

5) некоторые торжественные события связаны с приметами [Семенова 2016: 242-243]

Стоит отметить, что основные традиционные праздники в Китае преобразованы из времен года и имеют ярко выраженный сельскохозяйственный колорит. Многие традиционные праздники в России берут свое начало от православной церкви и имеют сильную религиозную окраску. Так что есть большая разница в обычаях и ритуалах празднования.

Например, самым важным праздником китайского года является Новый год. Дата начала этого праздника плавающая, как правило, между январем и февралем. Китайцы объединили григорианский календарь с лунным календарем, что является как бы гармоничным объединением «Инь» и «Ян». Некоторые говорят, что Китай — единственный в мире, кто объединяет эти две совершенно противоположные стороны. Этот алгоритм дат руководил развитием сельского хозяйства в древнем Китае, создавая 24 китайских солнечных термина. Из этого рождается так много праздников. Для китайцев китайский Новый год означает весну (хотя во многих районах еще идет снег) и начало нового этапа жизни. Люди начинают готовиться загодя, начиная с последнего месяца года: люди работают над выполнением всех важных дел, погашением долгов, уборкой дома и распространением повсюду новогодних товаров. Для дома китайцы любят использовать множество амулетов, символизирующих мир и богатство, а их главная задача — защитить себя и привлечь удачу.

Во время Нового года люди всегда возвращаются в свои родные города, чтобы отпраздновать его со своими семьями. Каждое домашнее хозяйство в Китае, будь то городское или сельское, зажигает красные фонари. Часто на фонарях также присутствуют китайские мифологические животные или мотивы из сказок. Люди навешивают на двери красные иероглифы «福 Фу», носят красную одежду, запускают красные петарды и так далее.

Во время таких праздников китайцы, которые часто очень заботятся о своем здоровье, также нехарактерны - большие ночные гуляния с семьей и друзьями и благословения друг друга.

Китайские традиционные обычаи в основном сосредоточены на еде и питье (Например, мы едим юаньсяо на Празднике фонарей, едим цзунцзы на Празднике Данью и едим лунные лепешки на Празднике Луны), в то время как русские традиционные обычаи в основном сосредоточены на развлечениях. С точки зрения культурной функции традиционных праздников, традиционные праздники Китая и России также имеют уникальные национально-культурные коннотации с развитием истории, отражая различные культурные концепции, моральные концепции, мировоззрения и религиозные концепции двух стран. Китайские традиционные праздники могут лучше отражать культурную концепцию китайского народа о придании важности семье и стремлении к совершенству; российские праздники могут лучше отражать религиозную природу русской культуры и религиозное сознание россиян, в большей степени отражать трудовые ценности россиян.

1.3 Структурно-семантические особенности вербализации фрейма «Новый год» в современном русском языковом сознании

Языковое сознание – это сумма образов сознания, сформированных и воплощенных с помощью языковых средств и ассоциативных полей. В процессе постоянного получения информации из мира люди создают в своем языковом сознании серию концептуальных структур. Это тоже формирует стереотип. Это образ мышления, когнитивный способ, ценностная ориентация и эстетическая концепция, которые нация отражает при использовании языка. Таким образом, национальное языковое сознание уникально, систематично и унаследовано. Анализ ассоциативного поля словосочетания «Новый год» в языковом сознании может выявить особенности вербализации и понять национальную психологию на более глубоком уровне, что обеспечит опору на экспериментальные данные, необходимую для наших исследований.

В настоящее время общепризнанным методом исследования языкового сознания является ассоциативный эксперимент, являющийся «эффективным способом доступа к языковому сознанию человека» [Фоменко 2021: 912]. Содержание эксперимента - задана группа слов-стимулов, и группа должна быстро записать первое слово (словосочетание, предложение), которое возникает в их сознании. Затем исследователь сортирует и отсортировать

полученные слова реакции по частоте, чтобы получить ассоциативное поле этого слова-стимула.

На основе ассоциативного эксперимента Е. В. Зырянова и В. Люй проанализировали ассоциативное поле Нового года и выявили его структурно-семантические особенности. В эксперименте приняли участие 40 человек (студенты). Количество реакций не ограничивалось, не были заданы формальные, грамматические, семантические границы возможных реакций. Время ответа составляло 3 минуты. Причина этого временного ограничения заключается в том, что, по мнению Л. А. Городецкой, ограничение времени в ситуации, когда на предложенное слово-стимул дается молниеносный ответ первым пришедшим в голову словом, приводит к появлению большого количества однотипных реакций, тогда как увеличение времени способствует большому разнообразию ответов, появлению необычных и даже уникальных ассоциаций [Городецкая 2002: 35].

Зырянова сначала обобщила эти ответы. В ходе проведения эксперимента на концепт «новый год» было получено 424 реакции: Ёлка (33), Дед Мороз (26), подарки (20), водка (14), мандарины (13), пиво (11), тост (11), Снегурочка (10), мясо (10), вино (10), тройка-лошадь (9), конфеты (8), радость (8), Путин/президент (8), обращение президента (7), оливье (7), снег (7), семья (7), новогодние телепередачи (7), стол (6), пельмени (6), удача (6), вечер (6), наступающий (6), вкусная еда (5), бой курантов (5), шампанское (5), салюты (5), фейерверк (5), «Ирония судьбы или с лёгким паром» (5), новогодние песни (5), лыжи (4), бенгальские огни (4), зима (4), друзья (4),

красивые дома (4), скидка (4), праздник (4), новый (4), наступает (4), прекрасный (3), собираются (3), петь (3), посещать (3), секунды (3), развлекательные телепередачи (3), гирлянда (3), 12 часов (3), ночь (3), голубцы (3), счастье (2) , волшебство (2), минуты (2), мишура (2), ёлочные шары (2), игрушки (2), веселые песни (5), новое платье (2), буузы (2), загадать желание (2), новые планы (2), танцевать (2), начинается (2), Ура! (2), Ой! (1), алкоголь (1), торт(1), «Голубой огонёк» (1), «Служебный роман» (1), «Один дома» (1), советские фильмы (1), телевизор (1), сладости (1), селёдка под шубой (1), снежинки (1), звёзды (1), петарды (1), хлопушки (1), новогодние костюмы (1), новогодний бал (1), утренник(1), маскарад (1), снеговик (1), каникулы (1), близкие (1), дом (1), исполнение желаний (1), итоги за прошедший год (1), драки (1), суматоха (1), много людей в очереди (1), собака (Наименование года по восточному календарю) (1), зеленый (1), белый (1), чудо (1), долгожданные встречи (1), веселье (1), особая атмосфера (1), прошедший (1), заканчивается (1) [Зырянова 2018: 72-81].

Полученные реакции исследователи классифицировали в соответствии с основными составляющими структуры концепта: понятийными, включающими в себя отличительные когнитивные признаки; образными, описывающими физические, пространственные, социо-культурные образы, возникающие у реципиента в связи с объектом, т.е. словом-стимулом; ценностными, которые соотносятся с ценностной составляющей концепта [Зырянова 2019: 300]. Причина этой классификации именно то, что мы

упоминали в 1.2, ученые считают, что «концепт» относится к трехмерному определению и может быть разделено на эти три группы.

После статистического анализа выяснилось, что в этих трех блоках наиболее разнообразным и объемным по числу реакций является блок понятийных ассоциаций. Это раскрывает нам, каково намерение получателя ответа на вопрос «Что это?». В диапазон понятийных ассоциаций попадает 357 русских ответов (это подавляющее большинство всех ответов русских респондентов на слова-стимулы — 84,2%). В этом блоке слоты (в цитируемом исследовании – лексико-тематические группы, ЛТГ) с большим количеством реакций — это «Новогодний стол / еда / напитки», «Атрибуты праздника» и «Традиции празднования». В слоте установлены следующие единицы:

Новогодний стол / еда / напитки: мандарины, пиво, мясо, вино, конфеты, оливье, стол, пельмени, вкусная еда, шампанское, голубцы, бусы, алкоголь, торт, сладости, селёдка под шубой [Зырянова 2019: 300]. Всего **104** реакции.

Атрибуты праздника: ёлка, Дед Мороз, подарки, Снегурочка, гирлянда, мишура, ёлочные шары, игрушки [Зырянова 2019: 300]. Всего **98** реакции.

Традиции празднования: тост, тройка-лошадь, Путин / президент, обращение президента, бой курантов, новогодние песни, петь, собираются, посещать, загадать желание, танцевать, салюты, фейерверк, бенгальские огни, петарды, хлопушки [Зырянова 2019: 300]. Всего **79** реакции.

Дифференцированность понятийных ассоциатов в этом блоке также

доказывает важность и универсальность Нового года для всех людей. В русском языковом сознании с Новым годом связан сказочный персонаж Дед Мороз и Снегурочка, Дед Мороз ездит на сани и приносит людям подарки. Обращение президента – не вечный обычай, а только последние годы. Новогодний стол – важнейшая часть русского Нового года. Это совпадает с обычаями многих стран, таких как Китай. В Китае есть такая поговорка: Люди считают еду своим раем. Это также подчеркивает высокий статус еды в жизни людей. Алкоголь или напитки, такие как водка, пиво, шампанское и т. д., необходимы в Новом году. Стоит отметить, что шампанское, когда-то являвшееся одним из символов Нового года, сейчас пользуется у россиян меньшей популярностью, чем водка и пиво.

Блок образных ассоциаций «связан с диалектическим единством чувственного и рационального в человеческом сознании. Образные ассоциации возникают под влиянием денотативного и коннотативного компонентов значения слова, а также индивидуальных представлений носителей языка» [Жигачева 2015: 206–207]. В эксперименте количество реакций в этом блоке наименьшее. Всего только 3 образных ассоциации: собака (Наименование года по восточному календарю) (1), зеленый (1), белый (1). Связь с цветом, очевидно, исходит от зеленой новогодней елки и белого снега, кроме того, Снегурочка тоже в белом. По мнению авторов эксперимента, если цветовые реакции являются предсказуемыми, устойчивыми, то метафорическая реакция собака не является таковой, поскольку связана с наименованием года по восточному календарю и могла

возникнуть у реципиентов только в 2018 г., так как 2018 год – это год собаки по восточному календарю [Зырянова 2018: 78]. Другими словами, при смене года собака как метафора Нового года будет заменена другими единицами.

Ценностные ассоциации в основном включают большое количество описательных, оценочных или пояснительных выражений. Всего в этом блоке выделены 64 реакции, составляющих 15% от общего количества реакций. Слоты (ЛТГ), следующие:

Настроение / эмоции / оценки. Русские респонденты дали 39 реакций: Радость, удача, красивые дома, прекрасный, счастье, волшебство Ура!, Ой!, чудо, веселье, особая атмосфера [Зырянова 2019: 301].

Семья / друзья. Русские респонденты дали 14 реакций: Семья, друзья, близкие, дом, долгожданные встречи [Зырянова 2019: 301].

Тематическая группа Планы / Итоги года представлена реакциями русских респондентов на слово-стимул (8 реакций): загадать желание, новые планы, исполнение желаний, итоги за прошедший год [Зырянова 2019: 302].

Тематическая группа / Отрицательные явления представлена реакциями русских респондентов на слово-стимул (3 реакции): драки, суматоха, много людей в очереди [Зырянова 2019: 302].

Новый год – веселый праздник, поэтому на слот «Настроение / эмоции / оценки» приходится большая доля (60,9%). Реакция семьи также оправдывает наши ожидания – как все мы знаем, Новый год – это семейный праздник. Стоит отметить, что в эксперименте возникли и отрицательные реакции. С определенной точки зрения, эти три негативные реакции связаны

со сбором людей в Новый год.

Таким образом, распределение ассоциатов на три блока показало, что наибольшее количество реакций получили понятийные ассоциации. Объясняется это тем, что опрашиваемые сначала стремились дать фактические энциклопедические знания о празднике, ответить на вопрос «Что это?». По определению и особенностям самого праздника, Новый год и праздничный стол, атрибуты праздника и традиции празднования неразделимы. В языковом сознании людей концепт Нового года не статичен. С обновлением времен и развитием общества, а также с изменением условий жизни русского человека меняется и народный концепт «Нового года». Из общих данных, полученных в ходе эксперимента, ассоциации к концепту «новый год» выстраиваются по принципу от общезначимых в национальном, культурном отношении до проявления эмоциональных, индивидуальных переживаний, связанных с празднованием Нового года [Зырянова 2018: 81].

Выводы

Понятие «фрейм» задействовано во многих областях науки. Теория фреймов имеет высокий статус в семантических теориях конца 20-го и начала 21-го веков. Статус теории обусловлен ее интердисциплинарным характером и интеграцией различных областей лингвистических и нелингвистических знаний.

Выявлено, что фрейм обладает определенной универсальностью, поскольку любое знание можно структурировать на основе имеющегося у человека опыта. Специфика исследуемого предмета обуславливает возможность обращения нами к фрейму-сценарию как некоему каркасу представляемого в динамике события, реализованного в языковых единицах.

Определено то, что каждый фрейм-ситуация представляет собой более или менее полный список понятий, позволяющий правильно и адекватно действовать в данной ситуации [Лесников 2011: 87].

Благодаря универсальности фрейма он используется во многих областях и может быть инструментом для междисциплинарных исследований. В нашем исследовании использование фрейма позволит облегчить задачу анализа языкового материала (рассказов), даст возможность систематизировать и подробнее рассмотреть концепт «Новый Год», который составляет тот или иной слот, входящий в структуру данной модели.

Использование концепта единодушно признается единицей ментального пространства. Он структурирует знания о мире и отражает национальную

специфику членения мира. Под концептом понимается единица мысли как способ и результат квантификации и категоризации знания, поскольку его объектом являются ментальные сущности признакового характера [Касьян 2010: 53].

Анализ русских традиций предполагает, наряду с другими факторами, осмысление взаимодействия языка и культуры, отражающих своеобразие национального менталитета. Это поможет углубить подачу материала. Ассоциации к концепту «новый год» выстраиваются по принципу от общезначимых в национальном, культурном отношении до проявления эмоциональных, индивидуальных переживаний, связанных с празднованием Нового года. При изучении праздников следует определить, с каких позиций описывается действительность страны, как передаются особенности их менталитетов.

Рассмотренные в этой главе проблемы обеспечивают теоретическую основу для следующей главы нашей работы, а также в определенной степени раскрывают теоретическую и практическую значимость исследования.

Глава II. Особенности вербализации фрейма «Новый год» в современном русском рассказе

2.1 Фрейм новый год в современной русской лингвокультуре

Характеристики фрейма позволяют использовать его во многих областях исследований. Изучение текста или его фрагментов как языкового отображения фреймового знания приобретает первостепенное значение в силу самой принципиальной возможности структурно-семантической идентификации текстовых отображений фреймов и их комплексного анализа [Грудева 2017: 97]. Как мы говорили в предыдущей главе, использование структуры фрейма позволит облегчить задачу анализа языкового материала, даст возможность систематизировать и подробнее рассмотреть концепт «Новый Год». Рассказы - очень популярный жанр в современном обществе, и они стали хорошим выбором для наших исследований. В этой главе мы будем использовать метод фреймов для анализа особенности фреймов «Новый год» в рассказах. И мы будем сопоставить и анализировать полученные данные с данными в современном русском языковом сознании, выявить структурно-семантические сходства и различия и объяснить их причины. Затем мы смотрим на состав фрейма с точки зрения автора и адресата в функционально-прагматическом аспекте.

2.1.1 Структурно-семантические особенности вербализации фрейма «Новый год» в современном русском рассказе

Основной вопрос, ответ на который ищет когнитивная лингвистика – как именно происходит взаимодействие структур знания, с одной стороны, и языковых структур – с другой. Фрейм как своего рода каркас, предназначенный для представления стереотипной ситуации, помогает составить научные представления о когнитивных основаниях процессов порождения и понимания речи, о механизмах актуализации долговременных структур знания в текстах. Как уже было сказано, рассказы очень популярны среди читателей благодаря их небольшому объему и в то же время художественному отражению действительности. Обращаясь к тексту рассказов, мы сузили круг рассматриваемой в нашем исследовании ситуации до культурного феномена «Новый год», важного для современного россиянина.

Понятие «фрейм» необходимо учитывать при изучении зрительного узнавания и репрезентации знания: процесс мышления человека основан на наличии в его памяти каким-то образом материализованного огромного набора разнообразных фреймов, с помощью которых человек осознает зрительные образы (фреймы виртуальных образов), понимает слова (семантические фреймы), рассуждения или действия (фреймы-сценарии), повествования (фреймы-рассказы) и т.д. Фрейм является одним из способов представления стереотипной ситуации, который отражает наиболее

характерные, основные моменты ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу [Минский 1979: 1-25].

Фреймы состоят из слотов (узлов). Слот (=узел) – компонент фрейма. Слоты используются для заполнения данных, связанных с конкретными ситуациями, и могут отражать конкретные языковые и культурные особенности.

Для сбора слотов мы отобрали десять рассказов. Эти рассказы разных современных писателей из одной книги, а название – Рассказы к Новому году и Рождеству. Мы выбрали семь рассказов из этого сборника, каждый из них имеет свою ценность, т. к. отражает бытование фрейма в разных социальных и возрастных группах современных россиян.

Есть еще три новогодних истории, для большей объективности берем из разных мест тексты, чтобы не быть в зависимости от редактора сборника. Это детский рассказ классика советской литературы В. Голявкина, рассказ из сетевой литературы от популярного блогера (размещен на сайте <https://www.chitalnya.ru/>) и рассказ советской писательницы С. Томских, который активно публикуется на современных сайтах для чтения (например, <https://libcat.ru/>). Важно, что эти три рассказа – немного другое время, не нынешний период, что дает нам некоторую глубину исследования, но эти рассказы востребованы нашими современниками.

На основании анализа отобранных десяти рассказов мы разделили фрейм на слоты, представленные ниже. Такие слоты формируются на основе словарных определений лексемы «Новый год». В процессе обработки

материала названные реакции были разделены на смысловые группы, пригодные для дальнейшей статистической обработки, а также, слова-ассоциации были объединены в более крупные блоки на основании семантической близости.

Полученные единицы мы классифицировали в соответствии с основными составляющими структуры концепта: понятийными, включающими в себя отличительные когнитивные признаки; образными, описывающими физические, пространственные, социо-культурные образы, возникающие у реципиента в связи с объектом, т.е. словом-стимулом; ценностными, которые соотносятся с ценностной составляющей концепта.

А) Понятийные ассоциации

1. Время: День или два до сочельника, тридцать первого декабря (2), за четыре дня до Нового года, часов в десять, в двенадцать часов, новогодняя ночь (2) – 6 единиц, 8 раз (Это означает, что в этом слоте 6 единиц, которые в общей сложности появляются 8 раз).

2. Атрибуты: ёлка (7), игрушки (3), Дед Мороз (4), чудо (3), пряничные домики, шары (4), гирлянда (5), еловая шишка, фонарь, крестовина, свет, новогодняя открытка, подарки (6) – 13 единиц, 38 раз.

3. Традиции, ритуал: Приглашать гостей (3), тост, наряжать елку, заворачивать подарки, петь, читать гимны, собираются, включить музыку, чокаться, веер денег, часы, куранты, приготовить (3), дарить подарки, бой часов, слушать новогодняя речь главы государства, бой курантов, загадать желания, обнимать, целоваться, танцевать (2), запускать фейерверки,

поздравлять друг друга, часы пробить двенадцать – 24 единиц, 29 раз.

4. Еда: пельмени, мандарины (2), икра (2), салаты (4), холодец, бутерброды, курица жареная, яйцо, торт (2), шоколад, печенье, конфеты, утка, свинина, закуска, пирог, оливье (2), запеченный с грибами цыпленок – 18 единиц, 25 раз.

5. Напитки: Яблочный сок, морс, водка, шампанское (3) – 4 единиц, 6 раз.

6. Погода, природа: Снега (4), звёзды (2), дождь, без снега – 4 единиц, 8 раз.

7. Мероприятия, акции: купить вещи и застолье, прибраться, распродажи, украсить (2) – 4 единиц, 5 раз.

Б) Образные ассоциации

1. Образ, цвет: Зеленый (2), красный, белый, серебро – 4 единиц, 5 раз.

В) Ценностные ассоциации

1. Люди/участники: С семьей (7), с детьми и товарищами по работе, с хозяевами, с друзьями – 4 единиц, 10 раз.

2. Место: В квартире, на улице, в детском ожоговом центре, в клинике, дома (2), во Дворце пионеров – 6 единиц, 7 раз.

3. Среда/атмосфера: Суэта, шумно, меньше машин на улице – 3 единиц, 3 раз.

4. Настроение: Повезло, радость, волнение, счастье (2), Ура!, веселье, весело и празднично, возбужденный – 8 единиц, 9 раз.

5. Прогнозы, ожидание: Девочка хотела чуда и праздника, ожидание

снега, мечтать о елке, мечтать получить подарок, планировать работу, планировать поездку, пожелать друг другу счастливого Нового года, встретиться с близкими людьми – 8 единиц, 8 раз.

Данные, несомненно, показывают, что наиболее разнообразным и объемным является блок понятийных ассоциаций. С этой точки зрения, новогодняя атрибутика, новогодняя еда и праздничные традиции составляют значительную часть – 24%, 16% и 18% соответственно. В рассказах часто упоминаются новогодние елки, Дед Мороз, подарки, гирлянды и другие элементы. Новый год как один из самых важных праздников каждый год ценится всеми. С конца декабря в каждом доме стоит наряженная елка, которую украшают различными красивыми орнаментами. Это больше похоже на ритуал, который люди выполняют в честь прихода Нового года. Люди начнут покупать новогодние товары заранее, будут составлять праздничное меню и выбирать подарки для своей семьи и друзей. Это передача знаков любви. Дед Мороз – символ сказки, созданной руками родителей. С практической точки зрения Дед Мороз не настоящий. Но для детей Дед Мороз существует. Детям не нужно знать правду. В Новый год в чудеса верят все. Не только дети, но и взрослые встретят Новый год с ожиданиями Деда Мороза и Снегурочки. В Новый год люди приглашают гостей прийти домой и вместе насладиться праздничным ужином. На столе незаменим салат оливье как традиционное блюдо. В силу географических и исторических факторов мандаринов мало, в прошлом мандарины были вообще единственными свежими фруктами, которые можно было подавать

на праздничные столы. Поэтому с 1890-х годов мандарины постепенно стали одним из символов Нового года. Торты и икра также являются обычными новогодними блюдами. Люди пьют шампанское и поздравляют друг друга. После ужина основные занятия – пение, танцы и фейерверк. В рассказах снег часто упоминается автором как понятийная ассоциация. Зимой в России никогда не было недостатка в наличии снега. В какой-то мере снег относится к авторскому описанию новогодней обстановки. Читатели с большей вероятностью будут чувствовать погружение в новогоднюю атмосферу.

Блок образных ассоциаций, в нашем исследовании количество и разнообразие наименьшее, а есть только слот «цвет». Цвет – это визуальное интуитивное ощущение, поэтому его сложно не заметить. В наших материалах часто встречается зеленый цвет. Во многом это связано с положением елки в Новый год. Единицы в этой группе помогают нам сформировать визуальную ассоциацию с Новым годом. Зеленый также считается цветом самой жизни. Весной и летом очень распространен зеленый цвет. Но Новый год зимой, и все в белом. Поэтому этой зелени часто не хватает в природе. Это тоже стремление и надежда людей на новый год и новое начало.

В ценностной ассоциации больше всего автор описывает участников Нового года и новогоднее настроение. Среди них количество семейных объединений намного больше, чем других единиц. Анализ показал, что авторы предпочитают показать, как их персонажи отмечают Новый год с семьей (это 70% ситуаций в отобранных текстах). Новый год – семейный

праздник, это неоспоримый факт для современного россиянина. Встреча Нового года дома с семьёй может стать прекрасной возможностью укрепить семейные узы. Для новогоднего настроения в наших материалах в основном используются положительные слова. В ожидании Нового года люди с нетерпением ждут необычных вещей, которые трудно получить в будние дни, или планируют дела на новый год.

Итак, в целом, согласно собранным нами данным, наибольшее количество и тип составляют понятийные ассоциации. Среди них наиболее часто встречаются слоты «**Традиции, ритуал**» и «**Атрибуты**». В слоте «**Традиции, ритуал**» большинство единиц являются номинациями событий и действия. Это связано с жанром наших материалов. Рассказы являются повествовательными, поэтому эти традиционные действия необходимы для формирования сюжета рассказа. Более того, поскольку Новый год – всеобщий праздник во всем мире, каждая страна имеет долгую историю и разнообразные новогодние традиции. Эти традиции достойны упоминания в рассказе. Новогодний атрибут – самая заметная ячейка в Новом году. В остальное время эти атрибуты необычны, например, новогодние елки, Дед Мороз и подарки. Эти атрибуты обогащают рассказ и подчеркивают конкретное время рассказа – рубеж годов. На таком особенном празднике люди желают всех чудес и принимают их. Эта ситуация может помочь читателям принять постановку информации в рассказе и понять центральную идею рассказа. Они помогают читателям связать рассказ в тексте с реальностью и передать новогоднюю атмосферу.

2.1.2 Специфика вербализации фрейма «Новый год» в художественном тексте на фоне русской языковой картины мира

Художественная литература является важным сегментом действительности. Так что можно сказать, что художественный текст эстетически отражает действительность и одновременно показывает национальную культуру читателя. Однако из-за намерения автора завершить художественный текст и ограничений жанра автор не обязательно может дополнять текст в соответствии с общепринятыми выражениями. В нашем исследовании это отражается в специфике вербализации фрейма «Новый год» в русских рассказах и фрейма «Новый год» в современном языковом сознании. Как мы уже упоминали, в 2018 году Е. И. Зырянова опубликовала анализ поля ассоциации концепта «Новый год» в русском языке. Это также служит для нас сравнительным материалом.

На основании данных, которые мы привели выше, смоделирован концепт «Новый год» в русских рассказах, представленный в полевой модели на рис. 1. Мы делим собранные единицы на четыре градиента по частоте появления в рассказах.

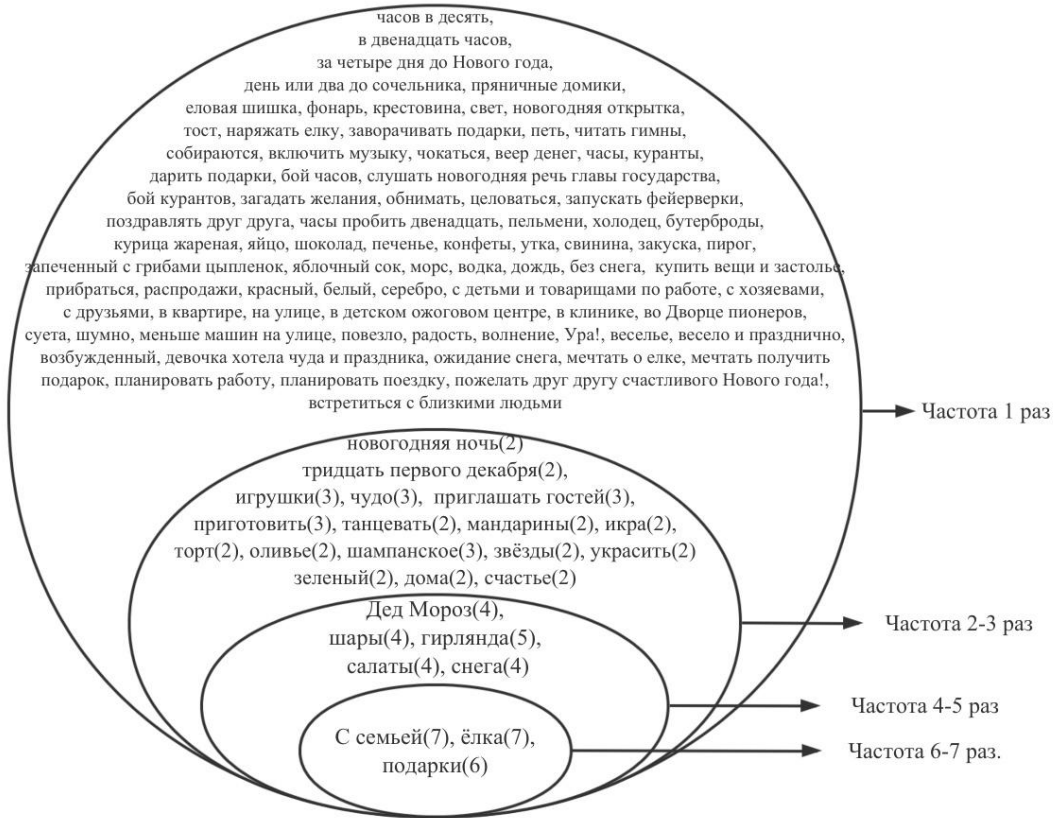

Рисунок 1. Полевая модель концепта «Новый год» по данным, полученным в результате анализа русских рассказов

Благодаря информации, представленной на рис.1, мы можем понять, что ядро концепта «Новый год» в русских рассказах составляют ассоциаты с наибольшим количеством реакций – ёлка, с семьей, подарки. Это очень похоже на выражение ядра концепта «Новый год» в современном языковом сознании: ёлка, Дед Мороз, подарки. Очевидно, высокий статус елей и подарков в «Новый год» не вызывает сомнений. Персонажи – незаменимый ключевой элемент в каждом рассказе, поэтому члены семьи как персонажи рассказа выделяются в ассоциативном поле концепта «Новый год». Базовый слой концепта во многом отражает национальное сознание. Это результат длительного формирования. Так что в целом базовый слой концепта «Новый

год» похож в рассказах и современном языковом сознании.

Зону ближней и дальней периферии составили реакции, отражающие индивидуальное восприятие слова-стимула «Новый год». Следовательно, из-за различий во времени и местоположении единиц сбора и реагирующих объектов, эти единицы также имеют индивидуальные явления. Например, в ассоциативном эксперименте (Зырянова 2018), человек дал реакцию «буузы». «Буузы» – это название национального бурятского блюда. Такое блюдо можно назвать знаком застолья в Бурятии. Это влияние географических факторов на исследования. В русских рассказах такая особая единица тоже существует в фрейме «Новый год». Например: «без снега». Известно, что зимой в России нет недостатка в снеге, но в рассказе «Майка и Тасик» есть отрывок: *«Опять дождь. Небось и праздники будут без снега. Вот ведь напасть»*, – думал Тасик. В этом рассказе автор вначале предполагает, что пара находится в противоречивых отношениях. А приближается новый год, в их жизни полный беспорядок. Снег – красивый символ Нового года. Главный герой рассказа находится в плохой обстановке и плохом состоянии. Он встречал новый год, возможно, без снега, что, по его мнению, было плохо. Но даже на этом полном чудес празднике он не хотел думать о светлой стороне. Так что его представление о Новом годе связано с личными обстоятельствами. И главный герой повествования считает, что отсутствие снега в Новом году. Это негативное отношение зависит от авторской пресуппозиции.

В своем исследовании мы начали с общности единиц и детально сгруппировали их. Полученные единицы мы классифицировали в

соответствии с основными составляющими структуры концепта: понятийными, образными и ценностными. Затем в этих трех блоках мы выделили их на более точные лексико-тематические группы (ЛТГ). В нашем исследовании эти группы называются слотами фрейма и подробно описаны выше.

А) Понятийные ассоциации

По количеству единиц понятийные ассоциации наиболее разнообразны в русских рассказах и современном языковом сознании. Но думается, что причины этой общности у них разные. С точки зрения языкового сознания, когда люди слышат слово-стимул «Новый год», они всегда пытаются ответить «Что это?». Затем они думают о понятийных ассоциациях, неотделимых от нового года. Но с точки зрения рассказов автор использует понятийные ассоциации, пытаясь передать больше новогодней атмосферы.

С другой стороны, авторское описание понятийных ассоциаций не только активное, но и пассивное. Авторское творчество ограничено конкретным временем Нового года. Процесс повествования автора в рассказах основывается на реальности и также является оценкой явления, что понимается как общественно закрепленное отношение носителей языка к внеязыковому объекту. Другими словами, авторские стереотипы о новом годе влияют на лексические единицы, используемые автором. Понятийные ассоциации наиболее ярко отражают характеристики Нового года. Среди них новогодние атрибуты, культура новогоднего стола и новогодние традиции – самые важные моменты в языковом сознании и рассказах.

Стоит отметить, что в общепринятом слоте «традиция» единицы в рассказах – это в основном глаголы (Например: приглашать гостей, наряжать елку, заворачивать подарки, петь, читать гимны, собираются, включить музыку и др.), а ответы в языковом сознании – в основном существительные. В рассказах большинство фрагментов текста представляет из себя повествование. Исследователь малых прозаических жанров С. В. Тарасова суммирует: «...рассказ в традиционном понимании – это повествование об отдельном, частном событии или ряде событий, небольшое по объему. В центре произведения может быть одно сюжетное событие, но чаще всего одна сюжетная линия... Для художественного воплощения может быть выбрано событие, которое не только раскрывает внутренний мир человека, но может вобрать в себя, как в фокусе, социальный, общественный фон. Собственно событие, действие в рассказе может быть вспомогательно, выступать на заднем плане [Тарасова 2003: 2]. Таким образом, автор использует глаголы для представления событий рассказа, отражая традицию Нового года.

Б) Образные ассоциации

Этот блок наименее важен для носителя русского языкового сознания, судя по данным эксперимента и по рассказам. Блок образных ассоциаций «связан с диалектическим единством чувственного и рационального в человеческом сознании. Образные ассоциации возникают под влиянием денотативного и коннотативного компонентов значения слова, а также индивидуальных представлений носителей языка» [Жигачева 2015: 206-207].

Общие слоты – «цвет». И специальный слот «метафора», который появляется в языковом сознании, в который входит только единица «собака». Эксперимент проходил в 2018 году, так как 2018 год – это год собаки по восточному календарю. Знание астрологических особенностей предстоящего года для жителей в Бурятии (место эксперимента) также является значимым.

В) Ценностные ассоциации

Перечисляя упомянутые выше единицы, мы видим, что в этом блоке, количество слотов «Настроение» в языковом сознании и в рассказах довольно большое (60.9% и 24%). В этом слоте присутствуют все слова с положительной оценкой (Например: радость, волнение, счастье и др). Можно себе представить, что в нормальных условиях настроение у всех в Новом году хорошее, человек может эмоционально переживать то, что отражает. В эмоциональном отношении человека к предмету речи проявляется это переживание. Эмоциональное отношение/состояние может само стать предметом отражения в языке и, следовательно, осознаваемым. [Ильюшина 2001]. Настроение людей в течение Нового года стало таким чувством, которое нельзя игнорировать при упоминании Нового года.

В рассказах есть специальный слот «Среда / атмосфера», которого нет в языковом сознании. Хороший дизайн сюжета служит каркасом, к которому крепятся другие элементы сюжета. Если авторы создают яркое описание атмосферы для места, в котором разворачивается действие, то буквально переносит туда читателя. Окружающая среда и атмосфера – это дополнительные описания окружающих сцен и событий. Поэтому этот слот –

группа, которую часто упускают из виду в языковом сознании.

Стоит отметить, что единица «чудо» часто встречается в рассказах, но упоминается только один раз в языковом сознании. Новый год полон ожиданий чудес, именно поэтому его любят и ждут. Во многом это связано с новогодней историей. Например, история Деда Мороза и Снегурочки, приносящих людям новогодние подарки, стала общеизвестной. В жизни люди стремятся получить удачу в этот особенный новогодний праздник. Но объективная реальность ясно показывает, что «чудо» не сильно реагирует на ожидание языкового сознания. Люди ожидают чудес, но вероятность чудес очень мала. При этом каждый рассказ должен быть уникальным и отличаться от других рассказов. В противном случае этот рассказ потеряет привлекательность для читателей. Так «чудо» стало нормой в сюжете новогодних рассказов.

Таким образом, наполнение фрейма «Новый год» в рассказе основано на новогодней традиции (на представлениях, имеющих в языковом сознании), и кроме того, на этот фрейм влияют элементы рассказа и индивидуально-авторские ситуации и идеи.

Периферийный слой влияет на формирование поля ассоциации, показывая различные ситуации в разных областях фрейма, такие как время, место и конкретный сюжет рассказа. Базовый слой концепта олицетворяет общую ассоциацию Нового года как важного традиционного праздника в умах каждого. Рассказ – жанр художественного текста, анализируя единицы в рассказах, нельзя игнорировать элементы короткого рассказа, которые

сильно влияют на формирование ассоциативного поля.

2.2 Фрейм «Новый год» в русском рассказе: функционально-прагматический аспект

С широкой точки зрения прагматика понимается как наука, "изучающая язык с точки зрения использующего его человека в аспекте выбора языковых единиц, ограничений на их употребление в социальном общении и эффекта воздействия на участников коммуникации" [Молчкова 2003].

Мы думаем, что прагматическим аспектом обладает и результат, и процесс речепроизводства, и предшествующий ему процесс формирования интенции и планирования речевых действий, и сопровождающий его или следующий за ним процесс интерпретации. Иными словами, в нашем исследовании прагматики мы изучали процесс применения лексических единиц (формирующих фреймы) в рассказах, чтобы понять истинный смысл, который передает адресант.

Прагматическое значение (или прагматический аспект лексического значения) Л. А. Новиков рассматривает как закрепленное в языковой практике отношение говорящих к употребляемым знакам и соответствующее воздействие знаков на людей [Новиков 1982]. Поэтому мы проанализируем роль фрейма в процессе кодирования и декодирования информации в тексте

с точки зрения адресанта и адресата, и какую прагматику он выражает.

2.2.1. Фрейм как способ репрезентации автора текста

В рассказах все факторы, относящиеся к автору, более или менее влияют на формирование текста. Как считает академик Ю. Д. Апресян, актуально в рамках прагматики исследовать «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату» [Апресян 1995: 136]. Это также объясняет, почему мы анализируем фрейм рассказов с точки зрения прагматики. В рассказах прагматическое значение содержит элемент субъективности восприятия сопутствующей ситуации, эмоции говорящего, его отношение к действительности (негативное или позитивное) в момент акта коммуникации.

Несомненно то, что сюжеты большинства рассказов развиваются во времени. Определив фрейм, представленный автором в рассказе, получатель может четко понять композицию рассказа. Это выражение может быть прямым или косвенным. Например, в рассказе «Лапа ищет человека» автор напрямую перечисляет временную шкалу: «*за четыре дня до Нового года*», «*следующее утро*» и другие. Мы легко можем проследить последовательность событий. Или традиционная последовательность событий, присущая Новому году, хорошо известна и используется - покупка елки должна быть перед украшением елки, уборка комнаты должна быть

перед приглашением гостей, планирование праздничного меню должно быть перед приготовлением праздничного ужина, и так далее.

В то же время есть косвенные языковые акты. Например, в рассказе «НЕ ОДНА. День седьмой. Новогодняя ночь» есть такой текст: *«Настоящий зимний морозец пощипывал щеки и беззастенчиво дергал за нос. На небе стояла полная луна, а звезды мерцали не хуже елочной гирлянды. Свежий, неведомо когда приваливший снежок хрустел под ногами приближавшихся...»*.

В этом отрывке автор не упомянул время, но по «звездам» и «луне» мы можем узнать, что сейчас ночь, а по «елке» и «гирляндам» мы можем узнать, что это «около нового года». Автор «антропоморфизировал» холод зимы и придал ему человеческое действие. Этот языковое средство ярко отражает степень покалывания в носу главного героя. Автор использует холодную зиму, чтобы подчеркнуть одинокое душевное состояние главного героя.

Согласно Грайсу, полное значение текста состоит из того, «что сказано» и «что подразумевалось». Поэтому в рассказах автор хочет выразить больше, чем просто буквальный смысл.

Стоит отметить, что прецедентные феномены как единицы дискурса часто используется в рассказах на тему «Новый год». Прецедентные феномены существуют на когнитивной основе носителей языка и является сигналом узнавания. Г. Г. Слышкин отмечает, что прецедентные феномены полифункциональны, и выделяет у них четыре основные функции: номинативная, персуазивная (использование прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения), людическая

функция – игровые апелляции с концептом прецедентных текстов, часто к ним прибегают в начале коммуникации с целью «сломать барьеры» и установить контакт со слушателем, задавая тон и формат общения, а также парольная функция – распознавание «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших», когда прецедентный текст используется в качестве «пароля» для передачи определенного «кода» [Слышкин 2000: 92-112]. Поэтому мы думаем, что прецедентный феномен больше похож на концепцию, с которой люди согласились и которую можно понять и распознать без расшифровки. Прецедентный феномен стал важным инструментом общения авторов с читателями.

Например, в «Семья» Жука Жукова пишет:

«Все в дом, работающий, Шурку обожает. А все потому, что она мелко оливье режет, просто шедевр у нее, а не салат.

Я столько пальцев перерезала, пока научилась – не сосчитать. У меня очень мелко теперь выходит! Кусочек к кусочку. Просто пюре, а не оливье».

Буквальное значение, которое мы можем извлечь из этого текста: потому что Шурка хорошо порезала оливье и вызвала всеобщее восхищение. Оливье отличается от обычного пюре. Но для нерусских, которые не знают, что такое оливье, когда они слышат слово, сначала думают об имени человека. По сути, оливье – это салат, названный в честь его изобретателя. Для оливье требуются умелые руки – и деньги. Так что это не обычная дешевая еда. Оливье, как культурный код, существует во впечатлении каждого россиянина, одно из традиционных новогодних блюд у россиян. Таким образом, мы

можем понять его значение и объяснить, почему Шурка может вызвать всеобщее восхищение одним лишь салатом. Автор использует прецедентный феномен, чтобы донести до читателей необходимую информацию: у Шурки высокий уровень кулинарных навыков.

В этом рассказе автор приближает материал к узнаваемой реальности. Сценарии, описанные автором, — это все процессы, с которыми читатели хорошо знакомы в течение Нового года. Начните с повседневных мелочей, чтобы создать историю и персонажей, подходящих для читателей, тем самым побуждая людей обращать внимание и любить жизнь. Этот рассказ короткий и простой. Хронометраж истории также сосредоточен в рамках одного дня. Автор не описывает напрямую характерные черты персонажей, а в основном использует оценки прохожих, чтобы отразить, что за люди персонажи. Или персонажи раскрывают свои особенности через персонализированные действия и прямую речь, чтобы читатели могли сами почувствовать характеристики персонажей. Читатели могут сами сделать необходимые выводы. Автор хорошо объясняет всю историю в спокойной и объективной манере повествования. Жука Жукова хорошо владеет приемами реалистического повествования.

И в «Мандарины – не главное» Евгения Полянина пишет:

«– Только снега нет, – пробормотала она, уставившись в стакан с яблочным соком.

– Ну это дело поправимое, – дядя Гена хитро улыбнулся и глянул на часы, – выходите на балкон минут через десять, а я пока Деду Морозу позвоню. А

то, погляди на него, работает раз в год, и то халявит.

...

И вдруг откуда-то сверху полетела мокрая крошка, такая же, как и прошлой ночью у Алиски, а вместе с ней белые, кружащиеся звездочки – самый настоящий снег! Алиса посмотрела по сторонам – снег был только у них! Дед Мороз и правда расстарался. Нет, поняла она вдруг, задрав голову: не Дед Мороз, а дядя Гена. Да и какая разница? Если чудо случилось, не важно ведь, кто его делает!».

В этом рассказе маленькая девочка Алиса очень пристально смотрит на церемонию и атмосферу Нового года. Семья у нее небогатая. Но ей хотелось в этот радостный праздник походить на всех обычных людей. Так появилась тоска по елке, тоска по икре, тоска по чудесам. Своими усилиями она получила то, что хотела, но снега не было. Узнав о мыслях Алисы, дядя сказал, что позвонит Деду Морозу. Дед Мороз исполнит желание Алисы. Потом дядя создал искусственный снегопад. Алиса обнаружила, что чудо принес не Дед Мороз, а ее дядя.

В присущем россиянам сознании Дед Мороз приносит людям удачу, подарки и чудеса. Но действительно ли в мире есть Дед Мороз? Никто не объяснил внятно. Дядя Алисы знал только, что в такой особенный день, как Новый год, он не хотел разочаровывать своих близких. Автор использует прецедентный феномен Деда Мороза для сравнения с образом дяди Алисы. Окончательный вывод: если чудо произойдет, неважно, кто это сделал. Так автор показывает читателям любовь своего дяди к Алисе, даже если желание

трудно осуществить, для его реализации может потребоваться помощь Деда Мороза. Но дядя Алисы постарается. Настоящее чудо исходит от того, кто тебя любит!

В название этого рассказа также входит единица фрейма «Новый год»: мандарины. Автор может использовать мандарин как название рассказа «Новый год», что также показывает, что мандарин имеет особое значение для особого праздника Нового года. Это правда. Если бы мы спросили любого русского, он бы наверняка ответил, что в Новый год на столе обязательно должны быть мандарины. Именно мандарины, а не другие оранжевые цитрусовые. Почему это происходит?

Родина мандарина – Китай. Около тысячи лет назад китайцы приносили этот ярко-оранжевый фрукт, когда приезжали сюда, в нем содержались благословения богатства и счастья. Позже мандарин распространился из Китая в другие страны, в том числе в страны Европы. До 1963 года мандарин прибывал в Советский Союз на большом корабле из Африки. Обычно мандарин созревает в ноябре. Так что это тоже стало редким фруктом на новогоднем столе. У всех свои разные воспоминания и оценки советского времени. Однако, какими бы разными ни были представления о советском прошлом, трудно отрицать, что дефицит в то время был. Так что люди, выросшие в Советском Союзе, помнят, что эти мандарины появлялись на обеденном столе только под Новый год. Бывали случаи, когда эти мандарины были доступны в ограниченном количестве. Из-за наличия железного занавеса торговля с другими странами была недостаточно активна.

Государство не могло обеспечить людей другими видами свежих фруктов. Людям может не хватать витаминов. Витамины в мандаринах особенно важны для людей в холодную зиму. Это также объясняет, почему люди так ждуют этих деликатесов из-за границы.

В других рассказах также фигурирует единица «мандарин». В рассказе «Ангелина» Лада Бланк пишет: *«С детства сохранившееся мандариновое ощущение само собой растекалось где-то внутри».*

Таким образом, мы можем предположить, что предыстория автора или предыстория персонажа, заданная автором для главного героя этого рассказа, – это человек, родившийся в Советском Союзе. Счастье от поедания мандарина за новогодним столом она испытала еще в детстве. И такая память надолго останется в сознании людей, сформировав у людей глубокое впечатление от нового года. Автор пытается сопереживать читателям и резонировать с новым годом со скрытым посланием, которое несет мандарин как прецедентный феномен. Но это также предполагает, что автор должен иметь такой же культурный фон и уровень знаний, что и читатель. Иначе читателям сложно прочувствовать все скрытые эмоции и смыслы. Например, такой иностранке, как я, не имевшей опыта ожидания мандарина в детстве, мне было трудно понять психологическое состояние героини в это время.

В фрейме «Новый год» автором также используются некоторые общие прецедентные феномены в качестве символов. В коротких рассказах этот вид символики может быть представлен последовательно с развитием сюжетной линии и с изменением ситуации, искусно формируя образец. Елка –

новогодний атрибут, который встречается чаще всего среди десяти собранных рассказов. В «Ангелина» Лада Бланк имеет два конкретных описания елки.

Первый раз: «И, совершенно чужая в этом мире, наполненном слезами и нашатырем, в центре зала вдруг выростала зеленая великаниша, пушистая, как гигантский длинношерстный кот, красавица елка. Она распахнула могучие ветки и будто бы слегка присела, делая реверанс больным детям и упорным врачам, снова и снова спасающим их жизни. Щедро распыляя лесные ароматы с нотами трескучих заснеженных тропинок, елка всем своим видом заявляла о возможности чуда.»

Второй раз: «Тридцать первого декабря, ближе к полуночи, их вместе ввезли в украшенный к празднику зал: Гелю на одной каталке, Витю – на другой. Обитатели ожоговой радостно обступили их и наперебой обнимали. А потом столпились вокруг елки-великаниши, такие живые, с блестящими глазами, болтая и предвкушая приближение праздника.»

Действие этого рассказа происходит в детском ожоговом центре, где дети получают ожоги разной степени. Основная сюжетная линия разворачивается вокруг героини и мальчика. Добрая героиня была тронута жизнелюбием мальчика и подарила ему свою здоровую кожу. Кажется плодотворным подумать об этом рассказе как о черно-белом и цветном. До того, как новогодняя елка появилась впервые, все, что описывала автор, было черным по белому: усталые доктора, напуганные подростки, стоны и крики детей и т. Д. Появление елки внезапно расслабило атмосферу рассказа. И позволило автору довести до читателей информацию: в этом новом году в этом детском

ожоговом центре произойдет чудо. Все добрые слова автор описал вместе с елкой. Елка появилась во второй раз после того, как героиня успешно пересадила мальчику кожу. 31 декабря все собрались здесь, у елки. Мальчик снова получил свою жизнь, а жизнь героини приобрела новый смысл благодаря ее поступкам. Из контекста мы можем обнаружить, что новогодняя елка – это символ надежды в авторском понимании. Зеленый – цвет жизни. С появлением елки к каждому приходит хорошее.

Позитивное отношение автора к жизни пронизывает весь рассказ. В таком печальном месте, Детском ожоговом центре, продолжают происходить чудеса и сюрпризы. Героиня отдала свою драгоценную кожу, а также получила хорошую возможность трудоустройства. Добрые люди будут хорошо вознаграждены. Это также может быть в списке того, что автор хочет выразить. Поэтому автор хочет через текст донести до читателей не только эмоции и информацию, но и позитивный настрой и жизненную философию.

Жизненный опыт и характер автора также влияют на авторскую выразительность текстового фрейма. Например, Марина Гай – блогер. В ее рассказе новогоднее ожидание, которое она предназначила для главной героини, – посетить близкого человека на севере Шотландии. Сначала мне было интересно, имеет ли Шотландия особое значение для русских, но, проверив блог автора, я обнаружил, что это не так. Это связано с тем, что автор и ее муж переехали жить в северную Шотландию. Благодаря любви автора к "горам" с 2013 года она работает гидом в Шотландском нагорье. Она надеется, что у ее читателей будет возможность поехать в Шотландию, так

что эта идея пронизывает ее работу.

С другой стороны, есть рассказ Наринэ Абгарян – это российская писательница армянского происхождения. В ее рассказе «Юбилей» единицы фрейма, которые мы собрали, являются самым маленьким объединением слов из фреймов в текстах десяти рассказов, всего их четыре. И появился особая единица – друг, принадлежащий «участникам» слота. Автор изображает главную героиню сиротой, а это значит, что у нее нет семьи, поэтому праздновать она может только с друзьями. У главной героини Веры несчастливая жизнь – без сбережений, потерянная работа, потерянный любовник. Но в конце концов она снова стала собой, и у нее снова появилась надежда на жизнь. Это связано с отношением автора к жизни, как прокомментировали ее читатели – даже в самых трагичных, скорбных событиях, даже в старости, голоде, недугах Абгарян умеет увидеть свет. Это как-то связано с жизнелюбием автора. В отличие от других авторов, она не использовала много элементов новогоднего фрейма, чтобы подчеркнуть новогоднюю атмосферу. Есть даже одно предложение: *«Вера ушла с неожиданно легким сердцем. Город готовился к Новому году»* – витрины перемигивались гирляндными огоньками, на площадях возвышались елки. *«Праздник к нам приходит, праздник к нам приходит. Вот и ко мне пришел»*, – с горечью подумала она, но тут же одернула себя – не смей расстраиваться». У Веры неправильные отношения со своим директором. Этот рассказ начинается с момента, когда тесть директора обнаружил неправильные отношения между ними и уволил Веру. Вера была вынуждена

сделать выбор, хотя она и не хотела, но выбор был правильным. Так что, хотя ей было грустно, она также чувствовала себя расслабленной. Живую атмосферу праздника автор противопоставил одиночеству Веры. Такая аранжировка подчеркивает настроение Веры. В то же время он открывает дорогу для следующих счастливых посиделок Веры и друзей – в этом смысл праздника.

С точки зрения повествователя, она изображает героиню Веру гордой, сильной, непреклонной фигурой. В кабинете, когда она догадалась, что ее вот-вот уволят, она взяла на себя инициативу заявить о своем уходе, развернулась и ушла, ничего больше не сказав директору. Армяне – воинственный и гордый народ. В частности, отметим, что автор родился в Армении и что дед, бабушка и дедушка автора были армянами. Москва — лишь второй родной город автора. Таким образом, мы предполагаем, что армянская культура оказала глубокое влияние на автора. Христианство является государственной религией Армении. Это оказало большое влияние на характер, мировоззрение и национальную психологию армянского народа. С определенной точки зрения созданная автором героиня Вера не идеальна и допустила огромную ошибку. Она третий человек в чужом браке. Так она была наказана и потеряла многое из того, что у нее было. Но в конце концов она решила дать себе шанс начать все сначала. Это совпадает с христианской мыслью. Когда люди искренне покаются перед Богом, Бог смывает за них их грехи. В тексте также есть некоторые детали, отражающие следы христианства. Например, фреска «*Эдемский сад*» у входа в офис, секретарь

делал жесты, которые фигурируют в Библии, слова вроде «*бог с ним*» и так далее. Все это доказывает, что наши предположения основаны на тексте.

Пока что можно быть уверенным, что в категориях рассказа «Новый год», будь то с точки зрения количества элементов в фрейме или с точки зрения постановки сюжета, «Юбилей» действительно является особенным текстом. По оценке автора, этот рассказ предназначен для людей 12+ лет. Такие относительно взрослые люди имеют собственное понимание предмета и могут мыслить независимо. Поэтому автору не нужно много фреймов, чтобы выразить свою цель, чтобы читатель мог ее прочувствовать. Целевая аудитория автора имеет эту способность.

Таким образом, можно сделать вывод, что фрейм реализуется в сюжете, в художественном тексте, а не в самостоятельном существовании. Фрейм не является абстрактным выражением, но в сюжете можно сублимировать более глубокий смысл, чтобы выразить эмоции автора. Личность автора, его опыт и языковые средства – все это влияет на формирование фрейма. Среди них нельзя игнорировать роль прецедентных феноменов. Использование автором прецедентных феноменов может облегчить читателям понимание сюжета, получение информации и переживание эмоций. Прецедентные феномены помогают затрагивать глубинные ассоциации адресатов. Как считает Г. Г. Слышкин, прецедентные феномены являются мощным средством воздействия, и нередко манипуляции определяют набор ценностей и характеризуют уклад жизни, передавая при этом эмоционально-оценочную информацию читателям – то есть единицы из фрейма нужны автору, чтобы

объединиться с читателем, это эмоция и воздействие.

Образ автора побуждает автора к выбору требуемой текстом единицы фрейма, а единица фрейма может прямо или косвенно выражать тот реалистический смысл и духовную ценность, которые хочет выразить автор. Комбинация различных единиц вдохнет новую жизнь в эти рассказы. Существует неразрывный комплекс между литературным творчеством и обществом. От источника и мотивации литературного творчества: творческие мысли и эмоции автора исходят из чувств и переживаний общества. Творческий материал автора исходит из общественной жизни. Стремление писателя к творчеству исходит из влияния общества на писателя. С точки зрения цели и следствия литературного творчества: творчество писателя не может ограничиваться саморазвлечением и самоуважением. Писатели позволяют своим произведениям попасть в поле зрения публики, а затем войти в сердце публики и стать духовной движущей силой общественного развития. Намерение многих писателей писать исходит, очевидно, из этих соображений. Итак, очевидно, что для литературных произведений общественное значение выше личного.

2.2.2. Фрейм как способ репрезентации адресата текста

В рамках прагматики рассмотрено отношение говорящего к предмету рассказа, к действительности, к единице языка и показано, что автор своими

средствами прямо или косвенно использует фрейм передать эмоции и необходимую информацию читателю. Какое влияние эти единицы в фрейме оказывают на читателей? С точки зрения читателя, какую дополнительную информацию он получает в процессе декодирования помимо буквального значения?

Согласно исследованию в предыдущем разделе, мы предполагаем, что читатели могут получить соответствующую информацию о теме рассказа через фрейм, который, помимо того, приносит определенную эмоциональную пользу. Чтобы проверить эту гипотезу, мы провели два опроса российских читателей.

По сравнению с обычным методом наблюдения, анкетирование позволяет многократно наблюдать объект нашего исследования с объективной точки зрения, мы можем систематически и последовательно изучать отдельные условия одного и того же явления. И на основе нашего анализа материала идет речь о понимании текста, которое во многом зависит от субъективных факторов, характеризующих читателя. Таким образом, анкета должна быть лучшим выбором инструмента изучения.

Мы составили и распространили анкеты на основе десяти фрагментов из рассказа. Для этих десяти фрагментов мы задавали два общих вопроса:

О чем идет речь в тексте? (ссылка на опрос: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdDS008VF0147hrAFb2j1z-yGi_Czw0k0k8cQx91CM4T3vsXw/viewform?usp=sf_link)

Какую эмоцию вызывает текст? (ссылка на опрос:

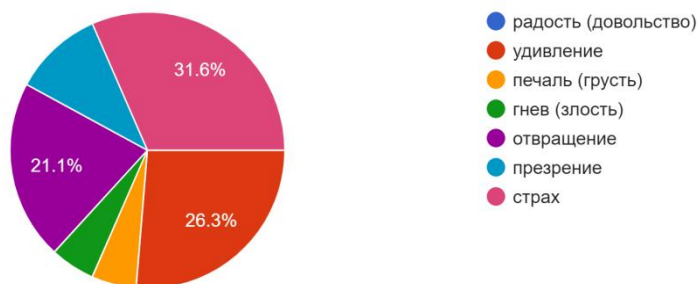
https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSej4i3tZmfz48Tyd02uTaxqeqfxYCrhzG1NTKVjYR7IFymB3g/viewform?usp=sf_link)

Мы подготовили анкеты для ответов на вопросы по темам коротких рассказов и получили 20 различных текстовых ответов (Материалы и краткие сведения об опросе см. в Приложении В). Это включает в себя такие сферы, как: какая атмосфера и эмоции, что произошло и в какое конкретное время происходит история (в основном, в канун Нового года). Мы обнаружили, что читатели, читающие отрывки единиц с элементами «Нового года», могут улавливать эти единицы в первую очередь и конвертировать их в предсказания тематической направленности текста в собственном сознании. Безусловно, эти элементы «Новогоднего» глубоко укоренились в сознании читателя. В целом голоса, появившиеся в ответах на анкету, были согласованными, и нередко были лексические ответы с русскими традиционными понятиями, такими как Новый год - семейный праздник, Новый год, полный чудес, символы Нового года и т.д. Читатели могут выносить суждения в соответствии с содержанием текста с помощью описаний во фрагментах. Не читая контекст, читатели могут дать «хорошую» или «плохую» оценку персонажу или событию в фрагменте.

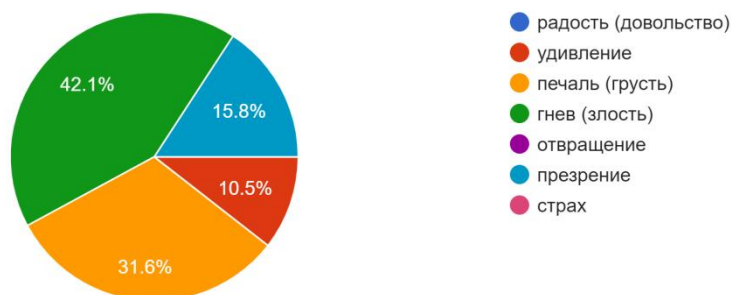
А для анкеты, направленной на изучение эмоции у читателей, мы задаем режим вопросов с несколькими вариантами ответов. Варианты основаны на семи базовых человеческих эмоциях [Пол Экман]. Основываясь на выборе читателей, мы можем нарисовать круговую диаграмму, четко отражающую процент от общей суммы для каждого варианта. 80 процентов фрагментов

вызывали общие эмоции у читателей (выбрали более половины). Только два текста вызывают у читателей разные эмоции. Давайте посмотрим на эти два текста.

– Дядя Леша пришел с мешком подарков в костюме Деда Мороза: «Ну, дети дорогие, встречайте деду...» – и упал прям в коридоре. Ты так испугалась, я тебя еле успокоил. Маме с папой не до нас было. Они дядю Лешу тащили в комнату вдвоем. Мама нам сказала, что Дед Мороз не пьяный, он просто устал. Переутомился.

— Мам, пап, не хочу вам мешать и удаляюсь на торжественную часть в другое место.— Куда ты удаляешься? — переспросил тоном, не обещающим ничего хорошего, Филиппенко.— К друзьям, — ответил Димка.— Я ухожу на дежурство, а мать что — одна будет?— Одна, — протянул Димка, — сами приглашали кучу народа, а теперь — одна.— То — чужие люди, — назидательно сказал Филиппенко, — а ты сын. Новый год, как знаешь, семейный праздник.

Мы видим, что в каждом из этих двух фрагментов появляются два или более персонажа, и происходит диалог. Читатели согласились с эмоциональным воздействием более чем двух персонажей, но мы не могли быть уверены, какой персонаж оказал большее влияние на читателей. Думается, в этом причина, почему они выбрали разные ответы.

Таким образом, мы можем быть уверены, что после того, как читатели получают дословную информацию от автора, читатели интегрируют информацию в своем уме и придут к своим собственным выводам, то есть к тому, чего автор не сказал. Эти выводы в целом схожи, но могут быть некоторые различия в зависимости от характера каждого человека.

26 декабря 2021 года, накануне Нового года, команда под названием «А поговорить?» на YouTube выпустила видео о культуре и истории русского Нового года. У команды 2,21 миллиона подписчиков, и она популярна благодаря публикации профессиональных и подробных интервью и документальных фильмов. Это видео о Новом году называется: «Сталин «украл» рождество? Почему наш Новый год именно такой?» После того, как видео было выпущено, оно привлекло множество просмотров и обсуждений. В апреле 2022 года у видео 817067 просмотров и 6083 комментариев. Почти

60 000 человек поставили лайк. Это видео длится около 25 минут. Мы можем разделить видео на 10 глав, перечисленных ниже.

1. Откуда взялась традиция наряжать елку?
2. Запрет рождественской елки в СССР
3. Без Рождества, но с Новым годом
4. Кто вы, мистер Дед Мороз?
5. Культурная революция открыток
6. Эволюция Санта-Клауса
7. Маленькая елочка и цензура
8. Появление Снегурочки
9. Церковь и православное Рождество
10. Смерть Сталина и рождение новых праздничных атрибутов

В начале и в конце этих десяти глав мы можем ясно видеть слоты «Традиции», «Атрибуты», описанные в нашем исследовании. Несомненно, что если упоминается Новый год, то нужно обязательно упомянуть эти два слота. Это совпадает с нашими результатами по статистике единиц в слотах в рассказе. В названиях этих глав мы также можем увидеть единицы, которые часто появляются в выбранных нами рассказах, например, елка, Дед Мороз, открытки. То есть даже при обсуждении Нового года с точки зрения политической и религиозной культуры эти атрибуты Нового года, хорошо знакомые россиянам, также принадлежат стереотипному фрейму людей «Новый год».

Елка, как ключевой атрибут Нового года, превратилась в России из

символа религиозного праздника в «пережиток прошлого» в антирелигиозных движениях, и в светский символ Нового года и вернулась в государственные учреждения. Как бы правительство ни подавляло его, оно никогда не исчезало. В годы богоборчества люди даже украдкой украшают свои елью дома. Такое традиционное представление о Новом годе глубоко укоренилось в сердцах россиян.

В этом процессе аудитория может рассматриваться как слушатель в речевой деятельности. Поэтому мы собрали топ-10 комментариев с наибольшим количеством лайков и попытались увидеть, какие моменты в видео больше обсуждались слушателями. Согласно статистике и сводкам, мы можем обобщить десять самых популярных комментариев следующим образом и выделить главный атрибут обсуждения «Новый год».

Два комментария с наибольшим количеством лайков выражают основную идею благодарности команде за такое отличное видео. И слушатели сказали, что они узнали что-то новое в дополнение к уже имеющимся знаниям.

В третьем комментарии рассказывается о том, как 30 декабря 1935 года Советский Союз заложил свою первую елку. Можем извлечь новогодние атрибуты - Ёлку, Снегурочку.

Четвертый комментарий говорит о том, что Новый год более практичен, чем религиозен. Мы приобретаем атрибуты - надежду, веру.

Пятый комментарий говорит о ностальгии по старым временам. Можем извлечь новогодний атрибут - открытку.

Шестой комментарий рассказывает о новогодних атрибутах – игрушках, елочках.

Основная идея седьмого комментария чем-то схожа с четвертым. Социалистические идеи больше соответствуют современным россиянам. Настоящий смысл нового года в том, что люди ждут чудес в реальной жизни, а не религиозных чудес. Люди просыпаются в отпуске с желанием быть сегодня лучше, чем вчера. Извлекаем новогодний атрибут - чудо.

В восьмом комментарии в основном говорится о влиянии Сталина на елку. Атрибуты - елка.

В девятом комментарии отмечено влияние императора Николая II на историю елки. Атрибуты - елка.

Десятый комментарий направлен на то, чтобы подвергнуть сомнению природу Нового года как праздника. Атрибут - праздник.

Таким образом, мы можем обнаружить, что эти укоренившиеся атрибуты могут найти отклик у слушателей, когда дело доходит до Нового года. Эмпатия является важным фактором в вербальной деятельности людей. То есть пусть слушающий вспомнит, что он знал или пережил согласно тому, что сказал говорящий. Слушатель чувствует эмоцию говорящего и в то же время генерирует новую эмоцию в соответствии с личной ситуацией. Это позволяет им завершить период информационного и эмоционального общения, охватывающего время и пространство.

Это видео доносит до слушателей культурные знания о Русском Новом годе с помощью видео, что стимулирует взаимное обсуждение слушателей

под роликом, а также виртуально увеличивает национальную сплоченность. В этот период времени эти русские чувствовали, что у них одно национальное происхождение и общий язык, и они без специальной договоренности следуют общим национальным традициям. Единица слота в этом видео явно пробуждает соответствующие рамки, давно сформировавшиеся в русском сознании. На данный момент они как одна большая семья. Это сплоченность.

Благодаря нашему анализу с точки зрения адресата мы можем сделать вывод о процессе декодирования адресата. Адресат помещает содержание сообщения отправителя в рамки личного стереотипа и деконструирует в уме то, что сказал адресант. Затем адресат связывает полученную информацию со своими знаниями и опытом. Структура знаний и опыта в собственном сознании реципиента сводится к одному фрейму за другим. Когда люди сталкиваются с правильным фреймом в собственном уме, они выбирают действие - активировать этот фрейм, то есть начинают понимать значение слов адресанта и резонировать с ними. Если они не могут найти нужный фрейм, то, что говорит адресант, для них ново. Поэтому они не могут понять слова адресанта, основываясь на прошлом опыте и знаниях. Так, В. Г. Дуркина предполагает такую последовательность в процедуре актуализации фрейма при прочтении текста: «Восприятие текста представляет собой опознание слотов как слотов конкурирующих фреймов, затем идентификацию фреймов и, наконец, воссоздание «паз-зла» всего линейного (нелинейного) содержания текста» [Дуркина 2013: 90]. Поэтому, если автор

хочет, чтобы этот коммуникативный процесс был эффективным, автор должен учитывать, какие способности к восприятию и какой опыт имеет читатель.

Выводы

Опираясь на приведенное выше теоретическое обоснование, мы делим единицы в собранных рассказах (то есть слова-ассоциации к стимулам, связанным с празднованием нового года) на разные слоты: время, атрибуты, традиции / ритуал, еда, напитки, погода / природа, мероприятия / акции, цвет, люди / участники, место, среда / атмосфера, настроение, прогнозы / ожидание. Всего выделяется тринадцать слотов.

С точки зрения структурной семантики важно, что наиболее часто в изученных текстах встречаются слоты «Традиции, ритуал» и «Атрибуты». Более того, поскольку Новый год – всеобщий праздник во всем мире, каждая страна имеет долгую историю и разнообразные новогодние традиции. Эти традиции достойны упоминания в рассказе. Новогодний атрибут – самая заметная ячейка в Новом году. В остальное время эти атрибуты необычны, например, новогодние елки, Дед Мороз и подарки. Эти атрибуты обогащают рассказ и подчеркивают конкретное время рассказа – рубеж годов. На таком особенном празднике люди желают всяческих чудес и с радостью принимают их. Эта ситуация может помочь читателям принять постановку информации в рассказе и понять центральную идею рассказа. Они помогают читателям связать рассказ в тексте с реальностью и передать ощущение новогодней атмосферы.

Стоит отметить, что изучаемые нами рассказы представляют собой жанр художественного текста, который в определенной степени ограничивает

формирование фрейма. Например, в слоте «Традиции, ритуал» большинство единиц являются номинациями событий и действия. И большинство частей речи этих единиц являются глаголами, что отличается от поля ассоциации, предложенного, в частности, Е. И. Зыряновой в 2016 году, где большинство частей речи единиц в слотах «Традиции» являются именами существительными. Это связано с жанром наших материалов. Рассказы являются повествовательными, поэтому эти традиционные действия необходимы для формирования сюжета рассказа. А в рассказах много необычных и специфических небольших частотных единиц. При написании рассказа автор хочет избегать сюжетных и речевых штампов. Поэтому, анализируя единицы фрейма, нельзя не учитывать жанр текста.

С точки зрения функциональной прагматики мы заметили, что автор и читатель, как адресант и адресат в коммуникативной ситуации, сыграли значительную роль в формировании фрейма. Автор использует новогодние ассоциации, чтобы выразить информацию и эмоции, которые он хочет передать, и даже некоторые известные элементы могут стать символами в авторском сюжете. Обычно это елки, символизирующие жизнь, снег как символ чистоты, подарки, символизирующие любовь, и так далее. Фрейм реализуется в сюжете, в художественном тексте, а не в самостоятельном существовании. Фрейм не является абстрактным выражением, но в сюжете можно сублимировать более глубокий смысл. Даже некоторые единицы используются автором как прецедентные феномены. Как считает Г. Г. Слышкин, прецедентные феномены являются мощным средством

воздействия, и нередко манипуляции определяют набор ценностей и характеризуют уклад жизни, передавая при этом эмоционально-оценочную информацию читателям. – то есть единицы из фрейма нужны автору, чтобы объединиться с читателем, это средство вызвать эмоцию и произвести воздействие. С помощью прецедентных феноменов автор избегает сложного процесса кодирования, а адресат может самостоятельно завершить декодирование и получить ответ после правильного декодирования.

Адресат помещает содержание сообщения отправителя в рамки личного стереотипа и раскладывает на составляющие в уме то, что сказал адресант. Затем адресат связывает полученную информацию со своими знаниями и опытом. Структура знаний и опыта в собственном сознании реципиента сводится к одному фрейму за другим. Когда адресат сталкивается с правильным фреймом в своем уме, он может активировать этот фрейм, то есть понимать значение слов адресанта и резонировать с ними. Если адресат не может найти нужный фрейм, то, что говорит адресант, для него ново. Поэтому он не может понять слова адресанта, основываясь на прошлом опыте и знаниях. Поэтому, если автор хочет, чтобы этот коммуникативный процесс был эффективным, автор должен учитывать, какие способности к восприятию и какой опыт имеет читатель.

С достаточной степенью уверенности можно определить, что общие фреймы «Новый Год» в художественном тексте опираются на традиционную русскую национальную культуру. Наиболее часто встречающиеся единицы можно понять благодаря русской истории и культуре, чтобы найти их

происхождение или причину, основные атрибуты «Нового Года» узнают все россияне. При этом особенно важно отметить, что выбранный жанр материала – рассказ – в определенной степени влияет на исход формирования фрейма. Индивидуально-авторские языковые предпочтения, культурный фон, жизненный опыт и т. п. личные факторы влияют на композицию фрейма в рассказе. Общие характеристики целевой аудитории также учитываются авторами в процессе кодирования.

Заключение

Данная магистерская работа посвящена анализу фреймов «Новый год» в рассказах со структурно-семантической и функционально-прагматической точек зрения.

Функция фрейма может отражать структурное многообразие всех знаний в мире, поэтому можно определить, что фрейм является универсальным, что определяет возможность использования фрейма для многих видов анализа текста, в том числе рассказов в нашем материале. Фрейм позволяет нам системно и всесторонне связать читательское сознание, язык и русскую культуру, чтобы помочь нам концептуализировать «Новый год». Послойное представление хранимой и обрабатываемой в концепте информации используется для отражения реального материального мира, что и является основной ролью фрейма в нашем исследовании.

Результаты исследования показывают, что общероссийский фрейм «Нового года» в русских художественных текстах, несомненно, формируется в соответствии с русской традиционной культурой и подвержен небольшим изменениям индивидуально-авторских установок и индивидуально-авторских стилистических предпочтений. Изменения в этой ситуации могут происходить без изменения реальности, которую она отражает. Нельзя игнорировать влияние выбранного материала на формирование фрейма. Художественный текст – это не личное частное творчество автора, а жанр текста, служащий обществу и всем. Поэтому автор

будет рассматривать выбор языковых единиц более комплексно, и стремиться донести до каждого более новое или самобытное содержание, завоевывая при этом признание и резонанс. Тем не менее авторы должны избегать шаблонных клише по схожим темам.

Особенную важность такие исследования представляют для преподавания РКИ. При обучении иностранцев русскому языку эксперты рекомендуют использовать «перевод русского языка на русский язык», т. е. вместо того, чтобы прямо сообщать учащимся абстрактные значения, содержащиеся в концепте, лучше сформулировать эти значения, разбив их на слои.

Для дальнейшего подтверждения влияния жанра на формирование фрейма в будущих исследованиях можно проанализировать тексты разных жанров. Например, публицистический текст (статья, колонка, репортаж и др.) также является распространенным типом в нашей повседневной жизни. Анализ одного и того же концепта, используемого в текстах разных стилей и жанров, способствует более подробному и всестороннему представлению о языковой картине мира, присущей современному носителю русского языка.

Список использованной литературы

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони – СПб., 1994. – 151 с.
2. Александрова П. Ж. Семантическое поле «Праздники» в говорах Архангельского региона : дис. ... канд. филолог. наук / П. Ж. Александрова. – М.: 2015. – 356 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение и концепт / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивная семантика: Материалы 2 Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2000. – Ч. 2. – С. 33–36.
4. Алефиренко Н. Ф. Художественный фрейм как средство интерпретации метафоры (на материале художественной прозы писателей Черноземья) / Н. Ф. Алефиренко // Русская филология – 2013. – № 13 – С. 24–30.
5. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1, Лексическая семантика синонимические средства языка Школа «Языки русской литературы». – М., 1995. – 136 с.
6. Арутюнова Н. Д. О движении, заблуждении, восхождении) // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003 – С. 3–12.
7. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. –

М.: Academia, – 1997. – С. 276–279.

8. Балашов А. Д. Нормальная аномалия / А. Д. Балашов // Молодая проза Черноземья. Повести. – Воронеж: Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 1987. – С. 65–136.

9. Баранов А. Н. Концептуальная модель значения идиомы / А. Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики: Немецкий язык: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. – С. 3–13.

10. Баранов А. Н. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Исследования по когнитивным аспектам языка: Тр. по искусственному интеллекту. Тарту, 1990. – Вып. 903. – С. 20–36.

11. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

12. Болдырев Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Проблемы современной филологии: Межвуз. сб. науч. тр. 2000. – Вып. 1. – С. 36–45.

13. Буданова С. Г., Рябина А. Г. Стереотипизация понятия «Новый год» в русской языковой картине мира (на материале вторичных текстов современной рекламы) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 22–32.

14. Васильева Е. В. День космонавтики как фрагмент концепта «Праздник» в языковой картине мира / Е. В. Васильева // Молодёжь и наука: сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции

студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию первого полета человека в космос / отв. ред. О. А. Краев – Красноярск : Сиб. федер. ун-т., 2011. – [Электронный ресурс]. – URL : <https://core.ac.uk/reader/38636519> (дата обращения: 08.12.2016).

15. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

16. Веденина Л. Г. Человек в лингвоэтнокультурном пространстве. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 661 с.

17. Волосухина Н. В. К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике / Н. В. Волосухина // Университетские чтения – 2010: материалы научно-методических чтений ПГЛУ / отв. ред. З. А. Заврумов. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – С. 41–46.

18. Глевкая Н. В. Праздники Рождество и Новый год в средствах массовой информации: речевая разработка темы / Н. В. Глевкая // Мир русского слова. – 2013. – № 3. – С. 52–57.

19. Голованова Н. И. Графическая модель фрейма «вооруженное столкновение» и лексико-грамматические средства его представления в тексте / Н. И. Голованова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2 (32): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 56–59.

20. Городецкая Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 1. Ростов н/Д: ИУБиП, – 2002. – С. 28–37.

21. Грудева Е. А. Лексический фрейм как тип лексического концепта (на примере фрейма "Вооруженное столкновение») / Е. А. Грудева, Н. И. Кизилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. – 2017. – № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 95–98.
22. Гусельникова О. В. Возможности фреймового анализа / О. В. Гусельникова // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5(17). – С. 29–32.
23. Дейк Т. А. Ван. Стратегия понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – 1988. – Вып. XXIII. – С. 186–187.
24. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–19.
25. Дубовая Т. А. Проблема несовместимости лексических единиц в терминах лексической семантики и семантики фреймов / Т. А. Дубовая // Лингвистическая мозаика: Наблюдения, поиски, открытия. – Волгоград, 1998. – Вып. 1. – С. 26–41.
26. Дуркина Г. С. Фреймовая организация художественного текста (на материале русской классической и современной литературы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – №9 (84). – С. 90–93.
27. Жигачева Е. С. Концепт Байкал в региональной лингвокультуре: Дис. канд.филол.наук. Улан-Удэ, 2015. – 274 с.

28. Зырянова Е. В., Люй В. Ассоциативное поле концепта «новый год» в русском языке // Филология: научные исследования. – 2018. – № 4. – С. 72–81. DOI: 10.7256/2454–0749.2018.4.27750 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27750 (дата обращения: 28.10.2018).
29. Зырянова Е. В., Люй В. Ассоциативное поле концепта «Новый год» в русском и китайском языках // Litera. 2019. № 6. – С. 298–305.
30. Извекова Т. Ф. Синхронно-диахронный аспект репрезентации концепта «праздник» в малых фольклорных жанрах русского речевого творчества / Т. Ф. Извекова, Е. В. Мишенькина // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 173–176.
31. Ильюшина Е. С. Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: Психолингвистический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. С. Ильюшина – Нальчик, 2001. – 186 с.
32. Карасик В. И. Модельная личность как лингвокультурный концепт / В. И. Карасик // Филология и культура: материалы III Международной научной конференции. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. Ч. 2. – С. 98–101.
33. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Гнозис, 2004. – 389 с.
34. Касьян Л. А. Термин «Концепт» в современной лингвистике: различные его толкования / Л. А. Касьян // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – № 2 (17). – С. 50–53.

35. Козлов Н. И. Базовые эмоции [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/bazovye-emocii> (дата обращения: 18.06.2014).

36. Кораблева И. С. Китайские народные праздники, их коммуникативные особенности, сплачивающие идеи и традиции / И. С. Кораблева // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2018. – Том 3. – №4. – С. 97–102.

37. Кошкина Е. Г. Понятие и сущность концепта как многомерного смыслового образования в коллективном сознании // В кн.: Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы IV международной научно–практической конференции, 23-24 июня 2009 г // Науч. ред.: Л. Костикова, С. Лобанов. Рязань: Рязанский государственный педагогический университет им. С. А. Есенина, 2009. С. 100–108.

38. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация / В. В. Красных; Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. – М. : Изд-во АО "Диалог-МГУ", 1998. – 352 с.

39. Лесников С. В. Фреймовое конструирование тезауруса метаязыка лингвистики / С.В. Лесников // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 84–88.

40. Лихачев Д. С. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.

41. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект : Монография / Е. В. Лукашевич; Ин-т языкознания Рос. акад. наук, М-во образования Рос. Федерации, Алт. гос. ун-т. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 233 с.
42. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
43. Минский М. О. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. О. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 281–309.
44. Минский М. О. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. / Под ред. Ф. М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
45. Минский М. О. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения / Под ред. П. Уинстона; Пер. с англ. под ред. В. Л. Стефанюка. – М.: Мир, 1978. С. 249–338.
46. Молчанова Г. Г. Некоторые языковые механизмы вариативной интерпретации действительности (эволюция метафоры – метафора эволюции?) / Г. Г. Молчанова // Вестник МГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – Сер. 19.
47. Некрасов С. И. Значение теории фреймов в современной науке / С. И. Некрасов, Н. С. Молчанова // Научные ведомости. – 2009. – № 16(71). – С. 14–19.

48. Никонова Ж. В. Фреймовый анализ как метод описания речевых актов / Ж. В. Никонова // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – №6. – С. 224–228.
49. Новиков Л. А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1982, – 272 с.
50. Одинцова И. В. «Фрейм» как понятие коммуникативно-когнитивного направления в преподавании русского языка как иностранного. Характеристика сильных и слабых фреймов // Вестник ЦМО МГУ. 2010. № 4. Методика. – С. 53–60.
51. Пименова М. В. Введение в концептуальные исследования: уч. Пособие / М.В.Пименова, О. Н. Кондратьева: ГОУ ВПО «Кемер. гос. ун-т». – Кемерово: Кузбассвузизд, 2006. – 179 с.
52. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: Научное издание [Текст] / З. Д. Попова, К. А. Стернин. - Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
53. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: Восток-Запад. 2010. – 314 с.
54. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки: сб. / В. Я. Пропп. –М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
55. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 351 с.
56. Радченко Н. Н. Празднование нового года в России в контексте национальных традиций (на примере Республики Саха (Якутия)) / Н. Н.

Радченко, Т. Р. Кузьмина // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 3. – С. 130–133. – Электронная копия доступна на сайте НЭБ eLibrary. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23032425_99745614.pdf (дата обращения: 28.11.2019).

57. Рогачева Ю. Н. Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке Текст. : автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. Н. Рогачева. – Белгород, 2003. – 17 с.

58. Ромашина О. Ю. Формирование фрейма эмоционального звучания и его репрезентация в глагольных лексемах современного английского языка / О. Ю. Ромашина: дис. ... канд. филол. наук: – Белгород, 2004. – 185 с.

59. Самарин А. В. Кросс-мобильность теории фрейма в системе научных знаний / А. В. Самарин // Вестник БГНИУ. – 2012. – №6. – С. 604–608.

60. Семенова И. В., Сун Ц. Концепт "праздник/ 节日 " в русской и китайской языковых картинах мира // Эпоха науки. – 2016. – № 8. – С. 327–335.

61. Слышкин Г. Г. Концептологический анализ институционального дискурса / Г. Г. Слышкин // Филология и культура: материалы III Международной научной конференции. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. Ч. 1. – С. 34–36.

62. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – 141 с.

63. Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 1. – С. 236–239.
64. Сухарев В. В. Осень лист сорвёт непременно...: Новеллы / В. В. Сухарев. – Белгород: «Везелица», 2004. – 116 с.
65. Тарасова С. В. Новый взгляд на малую прозу Текст. / С. В. Тарасова // Вестник Самарского гос. ун-та. Сер. Литературоведение. – 2003. – №1. – С. 68–74.
66. Тарасов С. Л. Воскресение и смерть Коли Коржикова: рассказы, портреты / С. Л. Тарасов – Белгород: Изд-во «Константа», 2006. – 144 с.
67. Уланова С. Б. Фрейм как структура репрезентации знаний / С.Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. А. Манерко. – Рязань: Рязан. гос. пед. ун-т им. С. А. – Есенина, 2000. – С. 133–141.
68. Фоменко И. Б. Концепт ВОЙНА в русской и китайской языковых картинах мира / И. Б. Фоменко // Языкознание и литературоведение – Хабаровск, 2021. Том 14. Выпуск 3. С. 910–917
69. Феоктистова А. Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, описывающих чувства-состояния: Дис. . канд. филол. наук: 10.02.01 / Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 1996. – 216 с.
70. Феоктистова А. Б. Культурно значимая роль внутренней формы идиом с позиций когитологии / А. Б. Феоктистова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – С. 174–179.

71. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.

72. Цыбина Ю. Ю. Лингвистическая сущность метафорических моделей в педагогическом дискурсе / Ю. Ю. Цыбина // «Ученые записки» Курского государственного университета // Электронный научный журнал. – 2011. – №1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvisticheskaya-suschnost-metaforicheskikh-modely-v-pedagogicheskom-diskurse> (дата обращения: 06.03.19)

73. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. № 1. – С. 91–105.

74. Шрейдер Ю.А. Информация и метаинформация / Ю.А.Шрейдер // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1982. № 4. С. 3–10.

75. Яскевич Т. В. Репрезентация фрейма «выбор» в современном английском языке // Филология и культура: Матер. II-й Междунар. конф. 12-14 мая 1999 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова и др. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – Ч. 1. – С. 196–203.

Список словарей и энциклопедий

1. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. – М., 2006. – 736 с.
2. Евгеньева А. П. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, Т. 4. – 1999. – 800 с.

3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с. [Электронный ресурс]. – URL:https://lingvistics_dictionary.academic.ru/4721/%D1%84%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%BC (дата обращения: 02.10.2015).

4. Китайская интернет-энциклопедия Байду [Электронный ресурс]. – URL : <http://baike.baidu.com> (дата обращения: 20.04.2006).

5. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузин Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка – М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп. – 944 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-25838.htm> (дата обращения: 15.09.2006).

7. Современный толковый словарь изд. «Большая Советская Энциклопедия» – М.: Большая Советская Энциклопедия, 1997. OCR Палек, 1998. – 800 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-39473.htm> (дата обращения: 26.01.2012).

8. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. – М.: Флинта : Наука, Т. 2. – 2010. – 576 с.

Источники

1. Голявкин В. В. Как я встречал новый год / В. В. Голявкин – М.: Советская Россия, 1963. – 12 с.
2. Гай М. НЕ ОДНА. День седьмой. Новогодняя ночь – Рассказ / рейтинг 90 / отзывов 25 / опубл. 31.12.2013 в 05:14 <https://www.chitalnya.ru/work/953115/> (дата обращения: 31.12.2013).
3. Томских С. В. Новогодняя ночь / С. В. Томских // Незабудки. Счастливым день везучего человека. Новогодняя ночь (сборник) – Челябинск, 1991, – 302 с.
4. Абгарян Н. Рассказы к Новому году и Рождеству / Абгарян Наринэ, Жукова Жука , Рупасова Мария Николаевна, Цыпкин Александр Евгеньевич, ЧеширКо Евгений и другие // РУССКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЯ – М., 2016, – 528 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Тексты рассказов, привлеченных к анализу

1. Виталий Сероклинов. Лю

...Да что ты со своими джеск-лондоновскими сюжетами пряничные домики выстраиваешь, ты послушай, как оно бывает в жизни, когда случаются настоящие рождественские истории...

Я вот, ты знаешь, много лет мечтала о Нью-Йорке, вырезки собирала, про «город контрастов» выписывала – и ведь сбылось, все сбылось! Да так повезло, что не только нам, но и папе в лотерее грин-карта досталась: такое тут часто бывает, есть даже статистика, там таких совпадений видимо-невидимо, но что нам до статистики, мы за себя счастливы были, что все вместе уедем.

Да нет, это еще не рождественская история, погоди, – ну повезло и повезло, чего тут такого, я же говорю – ста-ти-сти-ка! Слушай дальше...

В общем, приехали мы, устроились как могли. Не то время уже было, когда пособия раздавали не глядя: приехал – сам справляйся, тут тебе не богадельня, а пособие еще заслужить надо. Я подработок нахватала, где могла, муж с утра до ночи разгружал и язык учил; папа тоже помогал: у него руки золотые, он любую сантехнику с закрытыми глазами мог перебрать и понять, что с ней не так, хотя лет двадцать уже пенсионером был, да не каким-нибудь, а заслуженным, со степенями, – если бы они тут нужны кому-то были. Ну и за ребятней нашей присматривал, в школу провожал – чужой город, чужая страна, мало ли... Он вообще на этот счет мнительный, но его можно понять: все детство по детдомам, когда после бомбежки один остался, сестру и маму потеряв под Киевом, – меня от себя только на свадьбе оторвал, да и то еле руку у него отняла и женуху протянула, до того папа переживал...

Ну вот, все вкалывали, даже старшая моя бибиситтерствовала, а что, это тут в порядке вещей, даже у пуэрториканцев, мы у них в районе жили, потому что жилье почти бесплатно досталось, мой начальник с основной работы помог – не сразу, сначала присмотрелся к нам с мужем, потом с папой познакомился, тот ему разводку труб по всему дому переделал – вот тогда уже..."

"Да нет, это еще не та самая история, чего тут особенного: ну устроились, ну не голодали, так тут никто и не голодает даже не работая – такого в моих вырезках не писали..."

А дальше все как-то пролетело – месяц, другой, третий – и уже Новый год, оказалось, через неделю. А у папы насчет Нового года один бзик – должна быть елка! Втемяшил себе в голову, что если елки нет, то в этом году ему помирать, вот и... Ты же знаешь, мужики мнительные, чуть что – начинают хвататься за разные места и вдаль смотреть, с придыханием сообщая «последнюю волю», – вот и папа такой у нас. Да нет, он тоже не просто так, конечно, это, еще когда мама жива была, у него случилось: в тот последний ее год они без елки оказались, в санатории отмечали, – вот после этого он и...

Да нет, это я просто объясняю, иначе не поймешь предыстории.

И вот настает наш первый Новый год в этом самом «Большом яблоке», вернее, день или два до сочельника их: вокруг суета, во всех магазинах елки светятся,

рождественские распродажи, которые нам не по карману, – а у нас дома шаром покати, все выплаты слопали и расходы на всякое обязательное: ты не представляешь, сколько там перед Новым годом счетов приходит – только успевай расплачиваться. Да еще и муж заболел, а страховки не хватило. А папа при этом все надеялся, что с елкой получится, а в конце уж и надеяться перестал – только заплакал, когда понял, да повторял: «Лю... Лю...» Это он меня так называл, еще с малолетства – от Вали, Валюши, – и сестру его так звали, и бабушку, традиция такая в семье... Ну вот, плачет, не навзрыд, конечно, а как старики плачут, без слез, – и у меня аж внутри что-то перевернулось: он же верит, что все, последний год его, раз елки нет. Ну и ребятишкам непривычно – мы двадцатого обычно наряжали все вместе, а тут уже два дня после прошло, а у нас даже никаких разговоров на этот счет.

И тут папа мне говорит – я даже не ожидала от него, – давай, говорит, елочку унесем – и смотрит на меня, не мигая. И я понимаю, что он предлагает: тут у нас елки многие во дворах держат, до сочельника, вот про них он и говорил... «унести». Тут я и сама уже заплакала: дожили, называется, родной отец красть предлагает, а другого выхода-то и нет. И я пошла с ним, а что делать – не пошла бы, он и сам отправился бы, да мало ли что случилось бы... Да нет, сейчас-то я знаю, что елки эти народ выбрасывает уже двадцать шестого декабря, чтобы место в доме не занимали. И в магазинах их, бывает, раздают, и в организациях благотворительных, но мы же тогда не знали, вот и...

И вот мы кварталов шесть прошли, там приличный район начинался, не чета нашим латинским кварталам, тут люди традиции блюли, и можно было... унести, если повезет. А на пути у нас большой торговый центр стоит – мы и решили через него пройти, чтобы не обходить, заодно и погреться. А у центра, не на главной дорожке, чуть сбоку, старушка сидит на раскладном стульчике с каким-то котелком в руках и маленькой елочкой в здоровенном горшке, к стульчику прислоненном. То ли нищая, то ли кто – мы тогда и не разбирались, не знали, что в праздничные дни добровольцы собирают для благотворительных организаций пожертвования. А еще, я помню, меня удивило, что старушка та совсем уж древняя, а зубы все целые, судя по улыбке. Сейчас-то я привыкла, что зубы тут – первое дело, а тогда меня это очень удивило.

Старушка эта нам что-то сказала с улыбкой насчет пожертвований. А папа мой человек вежливый, он перед ней на ломаном английском извиняться стал, что какие уж тут жертвования, ни цента нет, на елку не хватает, хоть чужую уноси. Сдал нас, в общем, прилюдно сдал. А старушка еще больше разулыбалась, руками всплеснула да и наклонила в нашу сторону ту кадку с елочкой: забирайте, мол, для хороших людей не жалко – так и сказала, на чистом русском, вернее, с сильным акцентом, но довольно разборчиво. И тут суета началась, я разревелась снова, а папа стал по карманам хлопать и что-то той старушке предлагать, но что он мог предложить – карточку с телефоном соседей, у нас-то телефона не было, а в карточке про его сантехнические умения написано и тому подобное, тут все так делают, никто от руки записывать телефон не будет, визитки нужны...

Да нет, и это еще не совсем та история, хотя ну да, сбылась у нас мечта с елочкой, сбылась, мы часа два эту кадку до дома перли – зато настоящая, даже пахла чем-то хвойным, хоть и не совсем как там, дома. А на следующий день, прямо с утра, папе позвонила та старушка – прорвало там что-то у нее, а тут в Рождество и в его канун никого не допросишься поработать, совсем как у нас... у вас. А если

допросишься-дозвонишься, то такие деньги с тебя слупят, что год до следующего кануна икаться будет. Папа поехал помочь, конечно, – да и рядом это было, три остановки, старушка даже сказала, что дорогу оплатит, тут так принято, когда тебе помогают. И вот мы сидим, папу ждем, а его все нет и нет; а потом звонок соседям – и у меня все похолодело внутри: папе плохо, я у него записана в контактах, его увезли в больницу, что-то с сердцем, подробности позже, тут у врачей не принято незнакомому человеку, пусть даже и родственнику, сообщать детали по телефону.

Ну вот, приезжаю я в больницу, а там скандал: оказывается, им обоим плохо стало, папе и той самой старушке, сначала у нее сердце сбоило, а когда за ней приехали, то он ее руку не выпускал, уж не знаю, как его скорая с собой взяла, здесь это категорически запрещено; а когда привезли, он тоже не выдержал. И теперь их не могут положить в разные палаты, потому что он ее руку не выпускает и что-то, мне врач сказал, повторяет по-русски и плачет.

Когда я вошла, ему уже полегче было, она тоже улыбалась, вернее, старалась улыбаться да все по руке его гладила, пока он ей говорил: «Лю... Лю...» Ну тогда я и поняла, хоть и не сразу поверила, потому что так не бывает, – сестра это, та самая потерявшаяся сестра, в честь которой меня назвали.

Ты меня извини, я отключусь сейчас – не могу спокойно вспоминать эту историю, каждый раз плачу, даже на телевидение отказалась идти, они там хотели показать, что все в жизни бывает, а я – не могу, слезы лить начинаю. Папа скоро должен прийти, увидит меня с красными глазами, спросит: «Лю, ты чего, опять плачешь? А кто будет елку наряжать, подарки заворачивать – тетя твоя сегодня жаловалась, что на распродаже локтем стукнулась о дверь, так что на нас не рассчитывай...»

А я, как вспомню про тетю Лю, снова в слезы, так ни разу и не записала ту историю, хоть и на телевидении предлагали, и младшая просила для школы. Кулинарный конкурс у них там, рождественские сказки и истории, с песнями, гимнами и пряничными домиками. Только наша история, учительница сказала, все равно бы не подошла – у нас про пряничный домик ничего нету, а сама я только торт «Наполеон» умею печь, да и то – пересушиваю...

2. Голявкин В. В. Как я встречал новый год

Новый год в двенадцать часов приходил, а я в это время всегда уже спал. Прошло столько Новых годов! А я ни одного не видел. И мама, и тетя Вера встречали его, а я спал. Я всегда засыпал перед Новым годом. А просыпался утром, и мама мне дарил подарки и говорила: «Ну вот, Новый год!» Но я-то знал, что он ночью был. А сейчас его нету.

Я спрашивал маму:

— Ты его встретила?

Мама мне говорила:

— Встретила.

— И ты его видела?

Мама смеялась.

— Конечно, видела!

— И папа видел, и тетя Вера?

Так мне обидно было!

Я представлял себе Новый год в большой шапке-ушанке и в валенках. Как на новогодней открытке. В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то приехал!» Он вытаскивает из мешка подарки, всё дарит, кому что надо, и говорит: «Я спешу. Меня ждут в других квартирах». Все провожают его до угла, потом возвращаются и идут спать. Вот так представлял я себе Новый год.

Как старался я не заснуть в Новый год! И каждый раз засыпал где попало. А просыпался всегда в кровати. И рядом были подарки.

Мой брат раньше меня встретил Новый год. Несмотря на то, что он младше меня. Он вот что сделал. Чтоб не заснуть, он залез под стол. Сначала он там, конечно, заснул, а когда все сели за стол, стало шумно. И он моментально проснулся. И вы знаете, что он сказал мне? Он мне сказал:

— Его не было.

— Как так не было?! — сказал я.

— Очень просто.

— А ты там не спал под столом? — спросил я.

— Вот ещё! — говорит Котька. — Бой часов был, это верно. А Нового года не было.

Как только все стали кричать: «С Новым годом!» — я вылез.

— Кого же тогда вы встречали?

— Новый год, — говорит Котька.

— Как же так вы его встречали? Разве так в жизни бывает? Если ты, например, меня встречаешь, то ты видишь, что ты меня встречаешь. А то как же ты меня встречаешь, если ты меня не встречаешь?

— Сам увидишь, — говорит Котька. — На будущий год увидишь. Никакого там Нового года не будет. Бой часов будет. А Нового года не будет.

— Наверно, ты спал под столом, — говорю, — и сквозь сон слышал бой часов. А Нового года не видел.

— Я не спал, — говорит Котька.

— Значит, спал, — говорю, — раз не видел.

— Ты сам спал, — говорит Котька.

— Я-то спал, — говорю, — но ты тоже спал. Только я спал в кровати, а ты — под столом. Лучше бы ты уж спал в кровати.

— Я не спал, — говорит Котька.

— Почему же тогда ты его не видел?

— Его не было, — говорит Котька.

— Ты просто спал, — говорю, — вот и всё!

На этом наш спор закончился.

Он обиделся и ушёл. И хотя он на меня обиделся, всё равно я думал, что он там спал и не видел Нового года с подарками.

Вот так я себе представлял Новый год, когда был совсем ещё маленький.

3. Евгения Полянина. Мандарины – не главное

В квартире пахло лаком от Сережиных моделей, мамиными лекарствами, капустой из бабушкиной сковородки и мясным кормом Сэрки. А от Алисы ничем не пахло.

Она сидела на полу перед распахнутой дверью морозилки. Давно стемнело, и небо заволокли тучи, только луна выглядывала полосками. В таком свете кухня из

мятно-бежевой становилась синей, как будто давным-давно утонула, и Алиса сидит где-то под водой и где-то под водой ковыряет стенки.

Она даже высунула язык от стараний. Но зацепить намерзший лед никак не удавалось. На пол сыпалась и тут же таяла белая крошка. Голые Алисины ноги намокли и замерзли, но она упрямо продолжала ковырять.

Наконец ей удалось пихнуть вилку под слой намерзшего льда. Алиса протолкнула ее дальше и начала давить на ручку. Так напряглась, что не заметила, как запыхтела. Поднажать бы... еще совсем немножко...

Есть!

Лед хрустнул, и здоровенный кусок плюхнулся на пол. Брызнуло на лицо и шею. Алиса схватила лед в правую руку, левой подхватила терку и рванула в коридор. Едва остановилась у зала и дальше заскользила на цыпочках, чтобы не разбудить маму. Алиса была такой маленькой, что ее почти никогда не замечали. Только Сэрка поднял голову, мяукнул что-то невразумительное и снова сложился в идеальный круг.

Алиса, едва дыша, опустила ручку, юркнула на балкон и, прижавшись к стеклу затылком, выдохнула: фух, не разбудила. Сразу же запахло влагой, ногам стало еще холоднее, а правую ладонь жгло.

Алиса подтащила табуретку, вскарабкалась на нее, открыла балконное окно и, высунув на улицу руки, начала натирать лед. Вниз сыпалась белоснежная крошка. А Алиса все терла и терла, пока в руке не остался совсем крошечный комочек, и она не испугалась, что порежет пальцы.

Она поставила терку на подоконник, вцепилась руками в раму и перекинулась так, что почти согнулась пополам. Вниз летел снег! Алиса смотрела и смотрела, пока снежинки не утонули в серо-черном колодце двора. А потом услышала, что под балконной дверью тихонечко поскуливает Сэрка.

– Тихе! – шикнула она, вернувшись в зал. – Пошли есть.

Слово «есть» Сэрка знал так же хорошо, как и свое имя, он благодарно потерся об Алисины ноги и побежал на кухню. Алиса бросила тоскливый взгляд в окно, выдохнула и отправилась следом. Новый год уже завтра, а у них ни снега, ни елки, ни красной икры.

Она положила Сэрке корм, бросила на пол тряпку, слегка поелозила ею по луже – высохнет как-нибудь – и отправилась спать. Морозилка посвистывала, но Алиса ничего не услышала. Она так устала, что едва добралась до кровати, плюхнулась туда и укрылась уголком одеяла.

– Ну молодец!

Алиса открыла глаза. Над ней, оперев руки, стоял Сережа. На фоне окна он казался почти черным. В полшага подскочил к ее кровати и потянул одеяло.

«Ну нет!» – подумала Алиса, в Новый год ее еще не будили! Все отлично знают – в Новый год нужно как следует выспаться! Она схватила одеяло руками, обхватила ногами и потянула на себя.

После секунд борьбы Сережка проиграл – его руки соскользнули, и он рухнул, ударившись о стол. Стол затрясся, сохнувшая на нем модель самолета подскочила к самому краю и застыла, свесившись носом.

– Вот дура! – подскочил Сережа. Он бережно поправил модельку и злобно уставился на сестру: – Все ломаешь! Или чуть не сломала! Голову мне чуть не сломала...

– Так чуть же, – уперлась Алиса.

– А холодильник сломала! Без всяких «чуть»! Как сломала? Алиса и думать забыла про

сон, подскочила с кровати и побежала на кухню. Только краем глаза успела заметить, что мама не на диване. В последнее время мама вставала, только когда случалось что-то страшное!

«Что же я наделала, мамочки?» – Алиса ухватилась за косяк, чтобы завернуть в коридор, едва не поскользнулась на линолеуме, удержалась, добежала до кухни и так и замерла у порога.

Перед морозилкой, пыхтя и вздыхая, согнулась бабушка, она медленно собирала воду тряпкой. Низ ее юбки был насквозь мокрый и стал из нежно-голубого темно-синим. Мама стояла рядом, правой рукой держалась за стиральную машину, а левой перебирала продукты. Она с тоской посмотрела на банку замороженных ягод, на капающее из пакета мороженое, достала заляпанную мороженым упаковку и промыла ее в раковине.

– Ну что ж, на завтрак будем есть пельмени. Пахло чем-то незнакомым и гадким. Алиса смотрела на не замечавших ее маму и бабушку, хотела помочь, но так испугалась, что не могла пошевелиться. Она очнулась, только когда Сэрка ткнул в ноги мохнатую голову.

– Мяу, – требовательно сказал он. Он никогда не пропускал слово «есть» мимо ушей.

Алиса ковырялась в пельменях, а они – корявые и измазанные майонезом – как будто таранились на нее и косили глазами-морицинами на холодильник: молодец, Алиса, умница.

– Хо-о-спади, ну что за ребенок, – фыркала бабушка, – мать болеет, а она...

Дурацкие пельмени! Алиса со всей силы ударила вилкой. Сережке хорошо – Сережку все любят с его дурацкими моделями дурацких самолетов. Он для взрослых как ангелок – встанет, ручки за спину, в щечках – ямочки – все за них так и тянут, и волосы одуванчиком. Вот бы они скорее стали белыми, тогда Алиса их сдует, и Сережка останется лысым.

А она другая – длинная, тощая, темная, с вечно пыльными ногами и растрепанными волосами. «Обезьяна», – говорит бабушка. Алиса сначала смеялась, а теперь начала обижаться. Что-то ей в этом слове не нравилось. Особенно с тех пор, как она выучила другое, похожее – «изъян».

Только Алиса знала, какой Сережа вредный и неправильный. Вечно ползает за ней змеей и подзуживает, а потом: Алиска то сделала, Алиска это...

Вот и сегодня, пока бабушка и мама разбирались с морем проблем – а воды и правда было много, Сережка выдумал учить младшую сестру.

– Слу-шать, – командовал он, заложив за спину руки и прохаживаясь по коридору, пока Сэрка отчаянно пытался ухватить его за ноги, – вот холодильник. Холодильник – эт-что? Это техника. Техника – эт-что? Это не для девчонок. А ты у нас кто? Кто? – уставился он на Алиску.

– Девочка, – промямлила она, опустив глаза.

– Верно! К тому же девочка дошкольного возраста. Эт значит что? Что тебе с техникой играть нельзя. Видишь, что с морозилкой сделала?

– Хо-о-спади, ну что за дети, – фыркнула бабушка, разгибаясь. С этого она начала и повторяла до сих пор – прерывалась, только чтобы перевести дыхание.

Ну его, этого Сережку. Ну его, этот холодильник. И пельмени – ну. У Алиски были дела поважнее – тридцать первое! Даже звучит сочно: как округлившиеся пакеты с продуктами, как набухшие мандарины, с которых капает сок, и его потом можно слизывать с пальцев. И как кругляшии красной икры, толстым слоем намазанные на бутерброды. Звучит сочно, а в холодильнике ничего нет.

Алиса бросила вилку. Та ударилась о тарелку, отозвалась глухим стуком, и все повернулись. Заметили все-таки. Сережа уставился из-под нахмуренных бровей. Губы поджал, нос растянул и фыркнул. А Алиса точно-точно поняла, что он имеет в виду: дура. – Что за ребенок, хоспади, – всплеснула руками бабушка.

Алиса подскочила и бросилась с кухни: глаза мокрые, губы дрожат. Глупые! Какие же они все глупые! Тридцать первое. Тридцать первое! А они набросились из-за дурацкой морозилки.

Ну она им еще покажет.

Алиса с разбегу грохнулась перед кроватью на колени, нагнулась так, что торчала только попа, голову сунула за свисавшее одеяло – где в этой горе мусора нужное? Наконец заметила, повернулась, скрючила ступню, чтобы получилась клюшкой, ногу сунула под кровать: ловись, рыбка.

Первый раз ничего не зацепила, второй – хватанула слишком много. Вытащила разом и забытые Сэркины игрушки, и скатавшийся в перекати-поле ком пыли, и обломки Сережкиной модели Су – никогда не забудет, как он на нее кричал после великой ноябрьской авиакатастрофы: самолет пал жертвой огромной летающей головы пупса. Но самое главное тоже вытащила – пухлую розовую свинью из любимого мультика, с нарисованными щеками и пятном на левом глазу. В спине у свиньи была щелка, а внизу дыра, закрытая резинкой. Алиса затаила дыхание: неужели и правда придется открывать? Она ведь так долго копила! Уже четыре месяца бережно складывала каждую сэкономленную монетку, а бумажки сворачивала в четыре раза, чтобы пролезли. Она ведь себе на свадьбу откладывала! А тут беда.

И быстрее, пока не передумала, схватилась за резинку и подцепила ее короткими ногтями. На пол посыпались монетки. Три бумажки – одна в пятьдесят рублей и две по десять – застряли внутри. Пришлось доставать руками. А кроме них было совсем мало: десять кругленьких десятков, две пятерки, остальное – рубли и двушки.

Ну ничего. И этого хватит, если подойти к делу с умом. Нужно-то всего ничего – елку и красную икру. Мандарины, салаты и холодец, конечно, здорово. Но на них двухсот пятидесятишести рублей не хватит.

Зимой Алиса носила резиновые сапоги. Они были желтыми, с блямбами розовых цветов, но от них все равно было грустно. Грустно от темно-серого неба, нависшего над Питером, от луж, от стойкого запаха влаги. Алиса обходила лужи, вяло пинала носками, но даже это не приносило радости. Лужи должны быть осенью и весной, а зимой снег – что тут непонятного?

Рядом с домом, на перекрестке за низкой оградой стоял продавец. Его окружали мохнатые елки, приваленные к ограде и друг к другу, перетянутые некрасивой серой веревкой. Алиса каждый день проходила мимо и думала: скоро вас заберут, нарядят, будете краси-и-ивые. А сегодня даже елки выглядели грустными – повесили лапы. Наверное, уже понимали, что не всех заберут, и единственным украшением многих так и останется эта скучная серая веревка.

Алиса опустила руку в карман, выдохнула и побрела к продавцу, старательно оглядая лужи:

– Простите, а сколько стоит?

Продавец глянул из-под козырька. Он выглядел нелепым в огромной куртке до колен, наползшей рукавами до кончиков пальцев, из которых едва поблескивал огонек сигареты.

– Девятьсот.

Алиска потрясла мелочь в кармане.

– А есть со скидками?

– Нет, – равнодушно отозвался продавец, – скидки будут после шести. Пятьдесят процентов.

Алиса поджала губы. Вот так всегда. Хорошо хоть Сережки рядом нет – он бы обязательно посмеялся.

– А сколько будет в итоге?

Продавец снисходительно фыркнул:

– Четыреста пятьдесят.

Все равно не хватает! Алиска уже почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Что же делать? Можно попросить у Сережи, но он опять начнет вредничать. У бабушки – всплеснет руками, скажет это свое «хо-о-спади». У мамы она бы просить не стала. Да и, если узнают, что Алисавыскользнула на улицу, никого не предупредив, накажут. А ветки вообще не нужны. Или елка, или можно вообще ничего не праздновать.

Ладно, она обязательно что-то придумает. Алиса повернулась и со всех ног побежала в сторону магазина.

Небо треснуло и разразилось дождем.

Мокрая курица с растрепанными волосами. Она оттянула веки, чтобы глаза стали похожи на шарики, высунула язык и наморщила нос. Вот теперь точно обезьяна! Шапка с помпончиком – мама сама вязала – мокрая насквозь. С куртки течет. Даже резиновые сапоги не помогли – вода затекла внутрь, и всю обратную дорогу Алиса хлюпала.

Зато она купила банку красной икры. Двести сорок восемь рублей – еще восемь осталось звенеть в кармане. Совсем немного, но она вернет их в копилку и будет добавлять каждую неделю. Даже попросит бабушку вместо воскресного мороженого отдавать деньгами – так точно успеет скопить на свадьбу. Тем более – Алиска высунула язык еще сильнее, – кто ее такую обезьяну возьмет?

Она сняла шапку, начала стягивать сапоги, но тут в коридоре появился Сережка. Они стояли друг напротив друга, как в старых фильмах про ковбоев. Алиска тут же вспомнила про комок пыли. Если он сейчас прокатится между ними – она совсем не удивится. Приготовится прыгать от Сережкиного пистолета – тем более, он у него есть, и пульки тоже. Но вместо пыли между ними появился Сэрка. Посмотрел на хозяйина, на хозяйку и лениво мяукнул.

«Мяу» послужило сигналом. Сережка тут же сорвался с места и побежал в зал. Алиска – за ним, стаскивая на ходу сапоги.

– Стой! Не надо рас...

Закончить она не успела. Так и замерла перед мамой с компрессом на лбу, перед бабушкой, которая в очках-половинках разгадывала кроссворд из «никому-не-трогать» стопки. Замерла и выпучила на них глаза, а они дружно на нее уставились, и на их лицах было выражение мученического смирения: ну что опять учудила?

– Хоспади! – всплеснула руками бабушка. – Что за ребенок?

– Это она на улице так, – отчеканил Сережка.

– И никому не сказала? Али-и-иса, ну что с тобой делать?

– Ванну набери, – чуть слышно ответила мама, по голосу казалось, что она совсем не сердится, – надо согреть, чтобы не простыла.

Бабушка, кряхтя, поднялась с кресла. Убрала кроссворды в стопку и поманила пальцем:

– Идем, хоре ты луковое.

– Ой, подожди-подожди! – Алиса со всех ног помчалась в кухню. Распахнула холодильник – а там сверху вниз на нее смотрит полупустая пасть. Тарелка с недоеденными пельменями, плошка с яйцами, бабушкина сковородка с капустой, а вдоль нижней стенки колючие уголки соусов: кетчуп, горчица, тартар.

Алиса встала на цыпочки, приподняла соусы и сунула под них банку с красной икрой.

А медленное и кряхтящее тело бабушки уже плыло по коридору в ванную.

К вечеру дождь прекратился. Алиса снова брела по улицам – на этот раз предупредив, получив зонтик и указания не уходить далеко и к восьми возвращаться. Зонтик был не самым главным. Самое главное она держала в руках. И так волновалась, что на перекресток рванула бегом.

Слава Богу! Продавец все еще был на месте. Алиса подскочила к нему и со всей силы потянула за длиннющую куртку:

– А у вас скидки уже появились?

Продавец отскочил. Алиска заметила, как он что-то пробормотал, но так тихо, что ничего не было слышно. Потом выдохнул и прижал руку к груди:

– Ох, нельзя же так! Кондратий хватит!

«А кто такой Кондратий?» – хотела спросить Алиса. Но вовремя догадалась, что это не добавит ей очков – лучше притвориться, что она все-все на свете знает.

– Не хватит, – махнула она рукой, – а подкрадываюсь я всегда незаметно. Так как у вас со скидками?

– Ну четыреста пятьдесят, – протянул продавец, почесывая бровь.

– Ура! – Алиса чувствовала, как засветилась от счастья. Продавец, наверное, вместо ее лица увидел большую ярко-желтую лампочку. – Вот!

Она протянула сложенный в четыре раза листок бумаги.

– Эм, это что? – Продавец достал из длиннющих рукавов руки, развернул бумажку и заморгал.

На бумажке аккуратным детским почерком было написано:

ГОРАНТИЙНОЕ ПИСЬМО

Я, Зорина Алиса Сергеевна, обязуюсь, как только выросту и начну зарабатывать (или когда соберу деньги в копилке) вернуть Продавцу Елок на перекрестке проспекта Комендантского и улицы Шаврова 450 (четыристо пятьдесят) рублей.

Алиса поджала губы и упрямыми намокшими глазами уставилась на продавца. А вдруг она неправильно списала с Интернета? А вдруг без печати гарантию не примут? После долгой-долгой паузы, за которую Алиса успела решить, что все безнадежно, продавец, наконец, заговорил:

– А точно отдашь?

– Точно-точно! – обрадовалась она. – Вы меня засудите, если я не заплачу.

Продавец скривил губы, хмыкнул и выдохнул.

– Ладно, вон ту возьми, – кивнул он и ткнул рукавом на приваленную к ограде елку, – сама-то дотащишь?

– Дотащу-дотащу! Спасибо!

Алиса обхватила елку, как будто обнимала старого знакомого. Но елка оказалась тяжелой – Алиса изогнулась буквой «Г» – почти встала на мостик, и сапоги заскользили по лужам. Она бы грохнулась на спину, но извернулась и приземлилась на теплое, мокрое и колючее тело елки с резким смолистым запахом хвои, от которого почему-то страшно

захотелось есть. Алиса снова подскочила, прижала ствол к бедру, обхватила правой рукой и пошла, чтобы елка волочилась следом. Но елка осталась лежать – тяжелая, мокрая от дождя, перетянутая старой бечевкой. Никуда она не собиралась, ей и здесь – под серым небом – хорошо.

Ну что за упряmica? Тебя в квартиру отнесут – тепло, уютно, светло и ароматно, украсим тебя серезжками-шариками, обвесим бусами-гирляндами, а сверху – старую ребристую, сияющую, как рубин, звезду. У Алисы бус никогда не было, и она немного даже завидовала елке, а та – вот глупая – не хотела идти.

Алиска наконец наловчилась. Встала к елке передом, к дому задом, схватила ствол обеими руками и попятилась раком. Ну давай же, деревяха, тащись, краси-и-ивая будешь!

Елка скрипнула – будто фыркнула – и поддалась. Заскользила по лужам, поднимая грязные брызги, скоро и веревка стала грязно-коричневой, и Алисин голубой пуховик покрылся точками – коричневыми метеоритами, оставляющими за собой водянистый грязный хвост.

Продавец смотрел, пока она не исчезла в подъезде, мял сигарету и думал: «Во девах».

Самым трудным оказалось поднять елку по лестнице к лифту. Алиса медленно – ступенька за ступенькой – тащила, пытая и напевая, чтобы было не скучно: жил отважный капитан...

А когда капитан влюбился, а Алиске осталось две ступеньки, елка вдруг выскочила и поехала вниз.

– Стой-стой, ну куда же ты?!

И Алисе вдруг так захотелось плакать. То ли от того, что никак у нее эту дуру дотащить не получалось. То ли от того, что так и не удалось этой зимой, так же как елка, махнуть с горки, хватаясь руками за бублик, чтобы в ушах ветер, а в глаза – снег. А может, и от того, что мама месяц почти не встает.

Она плюхнулась на ступеньку, уперла локти в острые колени, спрятала лицо в ладонях и сидела так, пока не устала от безделья. А потом встала и, шоркая по грязному полу, попятилась к лифту. «Ну и не надо! – подумала она, нажимая прожженную кнопку, – ну и не нужно никакого Нового года. И елки не нужно! И красной икры на желтом жирном масле – Алиска ее тайно съест, чтобы больше досталось. Вот бы сейчас закрыть глаза и вдруг оказаться в другом месте!»

А когда лифт распахнулся, Алиска задохнулась на середине вдоха – дверь была не ее! Не черная и железная с садинами вокруг замка, а деревянная, с золоченым глазком и причудливо извернувшейся ручкой. Дверь была дяди Гены – соседа сверху. Да как же так, если она точно-точно нажимала на знакомую кнопку, в которую палец как будто проваливался?

Алиска, ни секунды не думая, запрыгала к звонку. И снова стало хорошо, и снова захотелось обрадовать всех красной икрой! Вот оно – самое настоящее новогоднее чудо! Ведь неслучайно лифт ее именно сюда привез. А дядя Гена обязательно поможет.

За дверью что-то заворчало и зашаркало. Интересно, какой у него пол в коридоре? Такой же желтый линолеум, как у них, или плитка, как у Олежки? Щелкнул замок, крутанулся ключ, и дверь легко, будто зевнула, распахнулась. А на пороге стоял дядя Гена. Какой-то он был низкий для своего обычно роста, с заспанными глазами и заляпанной красным пятном футболкой.

– Чего ва... – начал он, а «м» повисло где-то в воздухе, похожее на бабушкино «ммм»,

когда она сосредоточенно водит карандашом в кроссвордах, – Алиска? Что-то случилось?

Она смогла только схватить его за руку и потащить за собой:

– Там, там, дядя Гена! Елка! Я не достаю. Я ее поднимаю, а она катится.

– Ладно, погоди, дай хоть...

– Она же замерзнет! Ей в тепло нужно, к украшениям...

И вниз на лифте. А Алиска все говорила и говорила. И про елку, и про икру, и про то, что ей теперь свадьбу придется переносить. И про маму, и про бабушку, и про сломанную морозилку – почти со слезами.

– И я тогда снег на терке... на терке... на... – Алиске вдруг сдавило горло. Елки не было! Ее елки! Той самой, которую она тащила, которой обещала и бусы, и серьги, и звезду на перекошенную макушку.

Не было!

И никакое это не чудо!

Она сделала глубокий вдох, а на выдохе разразилась громогласным ревом. И как бы дядя Гена ни пытался, ему никак не удавалось ее успокоить. Обессиленный, он просто подхватил маленький, грязный, ревуший комок, отнес к квартире и передал бабушке из рук в руки. А Алиса все редела и редела, пока ее не раздели и не уложили спать.

Алиса проснулась от знакомого кисло-сладкого сочного запаха. Заворочалась в постели: неужели она так разоспалась, что теперь даже запахи во сне чувствует? А нет, пахло оттуда – из реальности.

Она приоткрыла правый глаз и лениво оглядела комнату. Перед ней, восседая на высоком стуле, уперев ноги в перекладину между ножками, сидел и гордо ел мандарин Сережка. Он то и дело совал свернутую спиралью кожуру Сэрке, тот нюхал, фыркал и пятился, сощурился в отвращении глаза. А потом опять подходил – уж очень аппетитно все это выглядело.

– А мне? – тут же подскочила Алиска.

Из-за набитого рта Сережка так и не смог сказать ничего вразумительного. Промямлил что-то и махнул рукой. Но Алиса все поняла: там, в кухне. Она на бегу натянула домашнее платье, выскочила в зал и так и замерла! Прямо за диваном стояла ее елка – ее! Потертая, с поломанными лапами, но зеленая, колючая, с терпким смолистым запахом, с легким поклоном макушки-головы, и самое главное – умытая, чистая и без удушливой грязно-серой веревки. А возле елки стоял дядя Гена – он переоделся в джинсы и светло-серую кофту и сразу стал и выше, и красивее, и даже каким-то родным сразу стал. Ловко подцеплял поломанные ветки, накручивал зеленой ниткой с катушки и привязывал к стволу, чтобы торчали как новенькие.

Бабушка, охая и фыркая – обремененная лишними делами, – ковырялась в коробке с игрушками и сухими руками вытягивала запутавшиеся дождики. А с закрытой кухни – подумать только! – тянуло мясом. И все эти запахи: мандаринов, хвои, фирменной бабушкиной стряпни и теплой «надышанной» комнаты – переплелись и закружили Алиску куда-то в совершенно другой мир.

– Ну, конечно, отметили б! – заворчала бабуся, когда Алиса невразумительно залепетала, едва борясь со слезами обиды и радости. – Без елки думали отметить. Я ж бы ее не потащила. Но без курицы жареной я б вас не оставила. И пюрешечку сейчас сделаем...

– И бутерброды с икрой! – обрадовалась Алиса.

– Ишь удумала! Денег нет, а ей икры захотелось. Без икры будем.

– Да я сейчас, сейчас!

Алиса побежала дальше, в кухню, проскользнула, дверь за собой закрыла – чтобы Сэрка не мешался – и принялась за дело.

Намазывать масло она умела – точно знала, сколько надо подождать, чтобы оно подтаяло – не крошилось, но и не растекалось водой. И сколько брать на один ломоть хлеба и как намазывать, чтобы вышло вкусно. А вот с икрой пришлось помучиться – сначала мало, потом много, да еще и Сэрка просочился через щель и начал тереться о голени теплой головой. Зато, когда Алиса вынесла все это великолепие на большой праздничной тарелке с синим ободком, когда все увидели бутерброды, на которых, как шарики на елке, блестели кругляши икры, все старания окупились сполна. Сережка так и замер с мандарином во рту. Да и все замерли, только Сэрка выписывал восьмерки и драл горло, требуя угостить.

А потом весь этот круговорот запахов, звуков и голосов закружил Алиску. Вон еще ту лапу привяжите, мам, курицу проверь, хоспади, в могилу бабушку загоните, ну что ты свои мандарины ешь и ешь, иди вон дяде Гене помоги звезду крепить. Ну что делать? Разбили так разбили. У тебя же клей от моделей остался – склеите как-нибудь.

И урчание Сэрки, и звон бьющихся друг от друга игрушек, шорох мишуры, хруст бабушкиных суставов, мамино тихое покашливание и даже «Джингл Бэлс» – который писклявым голосом затянул Сережка, – все это закружило, как ураган Дороти из мультика, и выбросило уже в ночь к бою курантов, к столу с белой скатертью, к прожаренной до коричневого цвета курице, к вазе с мандаринами, которые Сережа хватал зубами, потому что «ну что за ребенок, хоспади, все руки клеем заляпал», и, конечно же, к бутербродам с икрой на широкой тарелке.

– Ну спасибо за приглашение! – поднял бокал дядя Гена. – За хозяек, за хозяев, – он подмигнул Сереже, – и за Алиску, которая так захотела Нового года, что получила.

– Только снега нет, – пробормотала она, уставившись в стакан с яблочным соком.

– Ну это дело поправимое, – дядя Гена хитро улыбнулся и глянул на часы, – выходите на балкон минут через десять, а я пока Деду Морозу позвоню. А то, погляди на него, работает раз в год, и то халавит.

Мама укуталась одеялами, бабушка надела любимую «выходную» шаль. Сережу и Алиску заставили вырядиться в пуховики – так они и стояли на балконе, как два огромных новогодних шара. Даже Сэрка уселся на подоконник, распушился и тоже стал напоминать шар.

И вдруг откуда-то сверху полетела мокрая крошка, такая же, как и прошлой ночью у Алиски, а вместе с ней белые, кружащиеся звездочки – самый настоящий снег! Алиса посмотрела по сторонам – снег был только у них! Дед Мороз и правда расстарался. Нет, поняла она вдруг, задрав голову: не Дед Мороз, а дядя Гена. Да и какая разница? Если чудо случилось, не важно ведь, кто его делает!

На балконе пахло Серезиным клеем для моделей, бабушкиными духами с едким запахом розы и мамиными лекарствами. А от Алисы пахло мандаринами и хвоей. Она стояла на табуретке, схватившись руками за раму, и смотрела в глубь синего новогоднего двора.

4. Жука Жукова. Семья

Каждый год разговоры о том, что приготовить на Новый год, начинаются как минимум за месяц. Я всегда за утку. Брат лоббирует свинину. Мама робко просит готовить только закуски: «Ребята, не нужно ночью наедаться, салатиков легких побольше наделаем, я пирог испеку...», но мы строго осаживаем ее: «Мы не будем наедаться, но в доме обязано пахнуть по-новогоднему».

– Уткой с яблоками! – ору я.

– Фиг тебе! Пап, давай буженину.

– В прошлом году была буженина!

– Не ври! В прошлом году была утка, потому что ты расплакалась, как лялька, и папа тебя пожалел.

Мама качает головой:

– Ребята, не вздумайте свинину на стол, год свиньи наступает.

Я исподтишка, чтобы родители не видели, показываю брату язык. Брат бьет меня по башке ладонью. Папа строго качает головой.

– Сын, не смей бить младшую сестру.

– Она первая начала.

– Пап, а он все равно бьет.

Мой муж и жена брата смотрят на нас как на идиотов. Это мой сороковой Новый год, у брата сорок четвертый. Традиция.

* * *

Сегодня наряжаем елку, вернее планируем, что наряжать будут дети – преемственность поколений, а мы просто сядем в кресло и будем управлять.

Дети у нас с братом общие. Нет, мы, конечно, помним, кто чей, но разницы не делаем. Я считаю, тот ребенок свой, которому можно дать по жопе. Чужому не дашь.

Как раз сейчас младший напрашивается, он тянет елку за лапу, сейчас эта вся шаткая конструкция свалится ему на голову.

Елка у нас что надо! Папа сам ходит выбирать, никому не доверяет. Мама каждый год бухтит, пойдем вместе, тебе опять впихнут облезлую. Но папа – кремень.

Ставить елку тоже никому не доверяет. У него своя система. Елка ставится в большую белую эмалированную кастрюлю. Ствол между двух кирпичей. Елка падает. Папа матерится. Ставит елку обратно в кастрюлю. Матерится. Орет на кухню:

– Оля, неси веревки.

Мама тащит веревки.

– Держи за вершушку!

Мама держит елку, папа обвязывает ствол и закрепляет веревку на ручках кастрюли. Крепко-накрепко.

– Готово!

Мама, как художник, отходит назад, чтобы оглядеть творение.

– Криво.

Папа матерится.

– Ты криво держала!

– Я держала ровно.

Папа матерится и отвязывает веревку. Елка падает. Папа говорит, что его все достали в этом доме. Все! И чтобы он еще хоть один раз! Вот хрен. Никогда!

Папа уходит из комнаты и хлопает дверью. Я прибегаю на звук. Мы с мамой

поднимаем елку, пытаемся понять величие папиной инженерной мысли. Кастрюля, два кирпича... веревка. Мама говорит, что с помощью этого можно повеситься. Но в Новый год нельзя – примета плохая!

– Вообще-то давно придумали ставить елку в крестовину. Она продается в магазине. Вот я сейчас пойду и куплю ее раз и навсегда. Не поднимай. Оставь как есть. Надоело! Все! – ору я.

Папа снова вбегает в комнату, он явно подслушивал где-то рядом.

– Никаких крестовин в моем доме не будет. Оля, держи елку! А ты смотри, чтобы ровно было.

Папа крепит ствол между кирпичей, елка падает. Папа матерится. На шум приходит брат, он отчаянно делал вид, что ничего не слышит, но даже у него не хватает нервов.

– Так, Оля, ты держи верхушку. Сын, ты ствол. Ты смотри, чтобы было ровно. Я вяжу веревкой, – командует папа.

– Я все равно куплю крестовину, надоело каждый год одно и то же.

– Только попробуй. Сейчас брошу все, вообще никакой елки не получишь.

* * *

Я не могу смотреть, как дети наряжают елку. Без души, чтобы отделаться и пойти смотреть мультфильмы. А у нас с братцем каждая игрушечка особенная, что-то напоминающая. Мы их еще в Казани начали собирать. Покупали по одной, по две в год, денег лишних никогда не было. Стояли у витрины как замороженные. Спорили: серебряную башенку или красный перчик на зеленой ножке. Брату ужасно хотелось большой шар, а в нем кусочки дождика, но на шар не хватало. Уже мало осталось этих игрушек. Небольшая коробочка. А дети хватают их абы как. Ничего не ценят! Мы прогоняем детей от елки и сами наряжаем.

– Гном! Ура! Почти целенький, только снизу немного отбился. Его повыше, я его просто обожаю. Дядя Леша подарил, помнишь?

– Я-то помню, а вот ты откуда, тебе трех не было.

– А вот помню.

– Не помнишь ты ничего. Не ври. Это я тебе рассказал.

– Ну расскажи еще.

– Дядя Леша пришел с мешком подарков в костюме Деда Мороза: «Ну, дети дорогие, встречайте деду...» – и упал прямо в коридоре. Ты так испугалась, я тебя еле успокоил. Маме с папой не до нас было. Они дядю Лешу тащили в комнату вдвоем. Мама нам сказала, что Дед Мороз не пьяный, он просто устал. Переутомился. А я спросил, почему Дед Мороз под бородой дядя Леша? А она сказала, чтобы я не лез, сейчас вообще не до этого, но, если позвонит тетя Марина, дверь не открывать.

Дяди Леши больше нет...

– Вот эту сосульку вниз повесь, она от света гирлянд переливается.

* * *

На Новый год готовим только мы с папой. У нас отлаженная система. Папа по горячему.

Я по салатам и холодным закускам – лучше меня никто не сделает. Меня в детстве бабушка натаскала. Говорила, что замуж можно выйти, только если мелко салат оливье научишься резать. «Вот Шурка неказистая совсем, да еще прихрамывает. А муж у нее

какой? Петр Алексеевич? Все в дом, работающий, Шурку обожает. А все потому, что она мелко оливье режет, просто шедевр у нее, а не салат».

Я столько пальцев перерезала, пока научилась – не сосчитать. У меня очень мелко теперь выходит! Кусочек к кусочку. Просто пюре, а не оливье. Мне кажется, что муж меня не за это полюбил, но наверняка ведь никогда не знаешь!

Система у нас такая: я режу-заправляю-творю. Папа в это время натирает утку специями и скептически говорит:

- Не получится.
- Что не получится?
- Ничего не получится.
- А как?

Тогда папа достает из холодильника водку и наливает нам по полрюмки. Рюмки у нас спрятаны в шкафчике, чтобы, если мама зайдет, сразу дверцу шкафчика закрыл и опля! Что было? Ничего не было. Готовим, Оль, тебе чего?

Мама ужасно расстроится, если узнает: «Ты сдурел, ребенка спаиваешь?»

И губы подожмет. Для папы хуже нет, если мама губы поджала. Для папы это Армагеддон.

Но мама еще ни разу нас не засекала.

Радуется, что мы такие веселые, суетимся с румянцем и праздничным настроением.

А мы тихонько чокаемся, раз – выпили, закусили крохотными бутиками, я делаю, черный хлеб, сверху сало, кружок огурчика и кусочек лука.

Жена брата приходит к нам на кухню, с нами весело. Мне сначала жалко было нашим маленьким мирком делиться. Мое! Но я все равно делюсь и учу ее мелко-мелко резать салат. Она с нами выпивает, это большой плюс. Братец-то вообще не пьет, он зануда.

* * *

Часов в десять мужчины тащат огромный стол из кухни в гостиную. Стол не пролезает в дверь, мама командует, что его надо на попу поставить и тихонько втиснуть. Мама изображает, насколько тихонько: проходит боком в дверь туда и обратно. Вот так, аккуратно, видите? Папа матерится.

Накрываем на стол все вместе. Белая скатерть, начищенное серебро и блестящие тарелки. Дети таскают с кухни миски с салатами. Мама следит, чтобы всего вдоволь было. Нужно, чтобы стол ломился, тогда и весь год ломиться будет.

- Не маловато? Вот тут еще свободное место.
- Так икру же еще не положили.
- Ну а чего же? И рыбу не нарезали. Ну вы даете, чем занимались там полдня? Рассаживаемся.

Дети кланчат сладкое шампанское.

Мама резко встает и выбегает из комнаты и тут же возвращается с веером денег в руке.

- Чуть не забыли, а то бы весь год псу под хвост. Кладите деньги под тарелки.

Мы послушно запихиваем деньги под скатерть под тарелку. Я вырываю у брата тысячную купюру, он бьет меня ладонью по башке.

Вспоминаем, что хорошего произошло за год. Мама нервно смотрит на часы – главное не пропустить куранты, а то весь новый год псу под хвост!

В этом году брата повысили на работе до небес, он сказал, что на Новый год покупает нам всем путевки на Бали. Отпразднуем в раю. Думали-думали, планировали.

Не поехали. Да ну!

5. Лада Бланк. Ангелина

Новый год в детском ожоговом центре – праздник специфический. Огонь не знает правил. Он делает свое дело напористо, сурово, невзирая на нежный возраст, праздничные даты или людские представления о справедливости.

Из узких щелок между повязками, скрывающими лицо, Витя смотрел на нее в упор, не моргая. В уголках глаз застыли бусинки усталых и испуганных слез. По стенам широкого тусклого коридора распластались другие маленькие обитатели ожогового центра. Они провожали глазами каталку, на которой лежал мальчик, целиком обмотанный белыми бинтами, застывший, словно мумия. Врачи бесконечно латали его тело, чтобы собрать хотя бы подобие черненького глазастого пятиклассника Вити, с ямочками на лице и шустрыми ногами.

Пятая пересадка кожи за два месяца. Теперь на лице. Искать доноров становилось все сложнее.

– Геля, – едва выдохнул мальчик и слегка пошевелил рукой. Ангелина накрыла культию теплой ладонью, молчаливо следуя за каталкой по коридору, и наклонилась к отверстию для губ. – Я его простил.

Он всегда говорил это перед операцией.

Она отвела глаза.

Отец Вити в пьяном угаре поджег дом и оставил сына в огне. Где сейчас родитель, было неизвестно; мальчик надолго поселился в больничной палате напротив сестринской подсобки.

Двери операционной захлопнулись, и в общем просторном зале с высокими потолками повисла осязаемая мрачная тишина. Было позднее утро, но в отделение почти не проникало солнце.

По обеим сторонам комнаты стояли желтые покатые скамейки с черными железными ногами, на которые потихоньку, пятясь из коридора, заползали малыши. В углу примостился низкий длинный столик с разбросанным конструктором. У окна пригорюнился стеллаж с небольшой библиотекой детских книг. Из палат сочился приглушенный свет, были слышны стоны и детские взвизги, а нянечка развозила полдник на громоздкой лязгающей тележке.

И, совершенно чужая в этом мире, наполненном слезами и нашатырем, в центре зала вдруг выростала зеленая великанища, пушистая, как гигантский длинношерстный кот, красавица елка. Она распахнула могучие ветки и будто бы слегка присела, делая реверанс больным детям и упорным врачам, снова и снова спасающим их жизни. Щедро распыляя лесные ароматы с нотами трескучих заснеженных тропинок, елка всем своим видом заявляла о возможности чуда.

Ангелина подошла к окну, подняла плотные жалюзи и прижалась лбом к стеклу, покрытому зимними узорами.

В детстве ее дразнили каланчой и горбатой вороной. Высоченная, тоненькая, с длинным узким носом, каштановыми густыми волосами до плеч, оттеняющими фарфоровый цвет лица, и прямой непокорной челкой, девушка действительно была похожа на ворону. Она избавилась от сутулости, когда училась ходить по подиуму. В

юности Геля думала, что станет моделью и покорит мир, а потом будет разъезжать по свету, учиться в институте и участвовать в благотворительных проектах.

Но блестящего будущего не случилось. Ангелина приехала в город, но не смогла поступить в экономический институт, куда мама так хотела ее пристроить. Мечты о карьере модели казались теперь несусветной глупостью. И когда мама умерла, она начала работать то тут, то там. Еще пару лет Геля судорожно и безуспешно пыталась поступить хоть в какой-нибудь вуз, чтобы зацепиться, встроиться в систему. А потом и вовсе оказалась в больничных сиделках.

Ангелина смотрела на свое отражение. Два года в больнице почти разрушили ее нервную систему. Зеленые глаза запали, щека подрагивала. Лицо как будто выбелили, стерли девичий румянец. Вместе с ним исчезли желания и силы. Она чувствовала себя старой и разбитой. Уже несколько месяцев подряд Геля заканчивала смену стопкой со смесью валерьянки и пустырника. Каждый день она видела, как по недосмотру родителей или по жестокой случайности в ожоговый центр попадали дети. У них были обваренные подбородки, ручки и ножки, ожоговый шок и лихорадка. Родители были от ужаса, ожидая пересадки кожи.

Витя.

В этом мальчике таилась удивительная сила. Как только боль отступала, в худеньком изувеченном тельце разгоралась жизнь. Большие карие глаза раскрывались, и Витя начинал чертить на компьютере какие-то схемы, запоем проглатывал технические журналы. У него уцелела большая часть рук, на правую поставили протез нового поколения, он мог видеть. И говорил, что это – главное. Только ребенок мог не отчаиваться и так искренне любить жизнь, взрослый давно бы озлобился, затаил обиду.

Запертый в белом коконе, мальчик верил, что когда-нибудь обязательно вылупится из него на волю. Втайне мечтал, что Геля заберет его к себе. Но потом пугался своих мыслей и переключался на что-то более понятное, возможное.

Геле хотелось сорвать с Вити белые тряпки и посмотреть, как он побежит по дорожке напротив больницы и будет махать ей на прощание. Она так четко видела эту сцену, что ей казалось, будто она реальна.

Тем отвратительнее было вдруг вернуться из своих мыслей в реальность, ощутив запах свежей мочи с оттенком гари. И услышать крики детей из перевязочной.

– Чай хаачуу, паййдемм! – неожиданно повисла на ноге малюсенькая Аленка. – Пай-дем, пай-дем, пай-деем.

Геля собрала остатки сил, развернулась в зал, подняла малышку на руки и прижала к себе.

– Да, зайцы, и то верно! – Хватит грустить.

Они уселись вокруг столика, кто на скамейках, кто у Гелиных ног. Старшие принесли поднос с чаем в высоких стаканах и печеньем в белых пиалах. Потом пили чай, и Геля читала им сказки.

Спустя час Ангелина уложила малышкой на дневной сон, сделала перевязки и пошла в больничную ванную стирать нижнее белье своих подопечных. Нужно было как-то скоротать время. Еще полчаса – и Витю привезут из операционной.

По пути она заскочила в палату номер три рядом с сестринской. У высокой кровати сидела мама годовалого малыша и остекленевшим взглядом смотрела на его сонный профиль. Мальчик схватил кружку с кипятком со стола на кухне и вывернул себе на шею, пока мама на секунду отвлеклась на бестолковый звонок по мобильному. Геля подошла,

тихо опустила на корточки и заглянула ей в глаза:

– Вы ложитесь, полежите с ним рядом. Все будет хорошо.

Мама подняла опухшие глаза и с надеждой посмотрела на Гелю.

– Я... Мне так...

– Вы не виноваты. Этот ожог пройдет почти бесследно, поверьте, я видела разные случаи. У вас все будет хорошо. И не плачьте, пожалуйста. Тут у нас не принято, чтобы детей не пугать. Только улыбки и хорошее настроение.

Геля ободряюще улыбнулась и направилась к выходу.

Мама перевела взгляд на удаляющуюся девушку и подумала, что никогда не видела такой красивой, такой особенной улыбки. На сердце стало легче.

Геля зашла в больничную прачечную, присела на край облупившейся ванны. Пару лет назад она была полна сил совершить маленькую революцию. А сейчас чувствовала себя куклой, которую по недоразумению заставляет двигаться неугомонный кукловод с неизвестной целью. Незаметная, бесполезная одиночка.

Наконец двери операционной со скрипом отворились. Витю вывезли молоденькая ассистентка главврача и большой санитар в синем халате, не сходящемся на могучем торсе, с огромными ручищами и трехдневной щетиной. Витя еще не отошел от наркоза.

«Зачем же так складывать руки», – содрогнулась Геля от вида перебинтованного мальчика со скрещенными на груди руками.

Она встретила глазами с главврачом, который стоял в глубине операционной. Он стянул одноразовую шапочку, вытер пот со лба и еле заметно кивнул.

Геля чуть слышно вздохнула. Все кивки Виктора Анатольевича она выучила назубок. Этот означал, что операция прошла успешно и осложнений, скорее всего, не будет. Значит, совсем скоро Витя будет вместе со всеми встречать Новый год.

Ангелина забыла об усталости, схватила каталку и повезла Витю в палату.

На полпути остановилась и бережно положила худые Витины руки вдоль тела.

«Вот так гораздо лучше», – подумала она и, легонько улыбаясь, ввезла его в палату.

Виктор посмотрел на ее длинные точеные ноги в светлых балетках, торчащие из-под короткого белого халата. Потом вышел из операционной, почти сорвал халат, сунул его в руки белокурой маленькой сестре и порывистой походкой направился в кабинет.

Санитар зашел в палату и легко, как пушинку, переложил Витю на кровать.

День прошел незаметно, в черед нескончаемых больничных дел.

Марина Львовна, старшая сестра отделения, выключила из розетки развешенные по всему залу новогодние гирлянды, погасила верхний свет в больничных коридорах. Оставила гореть два торшера по бокам зала и настольную лампу на стойке дежурного поста.

Зашла в Витину палату.

«Совсем измучилась девочка», – подумала она сокрушенно.

Легонько потеревила Гелю за плечо и шепнула ей почти неслышно, чтобы не испугать:

– Иди домой, дочка. Давай быстренько. А то Виктору расскажу.

Виктор Анатольевич любил порядок, смена закончилась – домой, отдыхать.

Геля посмотрела на стенные часы. Почти час ночи. Она уснула в палате своего маленького друга, на соседней кровати.

Его палата была большой, но уютной. Старались всем больничным штатом. Цветастый чайник в углу, телевизор на стене. На кровати – новый матрац и яркое, не

больничное, постельное белье.

В палате стояло еще несколько детских коек, но с Витей никого не селили.

На стенах висели чертежи самолетов и каких-то новых летающих машин, которые Витя придумывал сам. Каждому самолету он давал имена. Любимым был красный лайнер Футуристер, на котором они все вместе когда-нибудь, по Витиному заявлению, отправятся на море.

«Надо идти, завтра будет непростой, решающий день», – подумала Геля и направилась к выходу.

По дороге она заглянула в приоткрытую дверь третьей палаты. Постояла полминуты и, когда глаза привыкли к темноте, увидела, как, тихо вздрагивая, беспокойно спит мама, скорчившись у кровати на коленях и положив голову рядом с головой своего малыша. Так они спали, дыхание к дыханию.

«Койки мамашам не полагаются», – сказала бы сестра Валя. И это было правдой.

На следующее утро Ангелина шла в больницу с твердой решимостью наконец поговорить с главврачом.

Виктор Анатольевич был красивым молодым мужчиной и неизменно будоражил сокровенное женщин самых разных возрастов и конфессий. Отец – какая-то медицинская шишка – в силу неясных причин запихнул его, молодого и перспективного, на эту должность в провинциальной больнице. И Виктор работал с размахом, талантливо, уверенно, к нему стекались пациенты со всей страны, его вызывали на медицинские консилиумы. Но понемногу невероятная несовместимость детей и ожогов четвертой степени источила душу и стянула ее железным кожухом защитного цинизма. Он совершенно выгорел и не мог уже вспомнить, что прежде был способен что-то чувствовать. Виктор выпивал, и следы злоупотребления дорогим виски начинали проступать на лице то отеком, то лопнувшим сосудом.

Он сидел в своем кабинете и никак не мог сосредоточиться.

Недавний звонок бывшей жены, по обыкновению, выбил его из наезженной колеи рабочего дня. Но уже не было ни злости, ни раздражения. Он посмотрел на вереницу дипломов на стене. Задержался на фото отца в золоченой раме. Тот вполоборота, величаво и с укором, поглядывал на Виктора, пожимая руку президенту на вручении очередного ордена. Они все от него чего-то хотели. Плевать.

Геля постучала в кабинет и, войдя, с облегчением поняла, что главный на месте.

– Виктор Анатольевич!

Она стояла прямая, взгляд в упор, и только руки выдавали волнение, неустанно тербя полу халата. Протянула ему слегка помятый листок с заявлением.

– Я ухожу. Детям не говорите. После праздника им сама объясню.

Пробежавший истории болезни взгляд Виктора на секунду переместился на Гелю. Он не помнил, чтобы та говорила так громко и решительно.

– Ненадолго тебя хватило, – сказал главный, размашисто подписывая заявление.

Спорить не было сил. Почему-то вдруг захотелось поддаться неожиданному порыву и обхватить темную голову Виктора. Положить ее себе на плечо. И гладить, гладить не переставая. И голову, и руки, жилистые, крепкие. Всегда, с самой первой минуты, она смотрела на него снизу вверх, как на небожителя, обладателя тайной врачебной и явной мужской силы. Перевела взгляд на лицо, стараясь запечатлеть в памяти каждую черточку. Он никогда не обращал на нее внимания. Пользовался, как и все вокруг, ее безотказностью и немым согласием с обстоятельствами.

Виктор Анатольевич посмотрел сквозь Гелю и как будто что-то вспомнил:

– Куда пойдешь?

– Лечиться поеду, в санаторий. – Она помолчала. – У меня лицо немеет, говорят, это нервное, – проговорила она в равнодушную тишину. – Ванны, грязи.

– Тут не только лицо немеет. – Он посмотрел ей в глаза и неожиданно для себя спросил: – Ну а потом?

– Ну а потом буду искать другую работу и поступать в медицинский. Не могу я больше на все это безмолвно смотреть. – И зачем только наболтала ему, подумала Геля.

Ни разу они не говорили наедине. Она даже не была уверена, что он помнил ее имя.

– Хм. – Главврач удивленно посмотрел на странную девушку и подумал, что ничего о ней не знает. Удобная, как дополнительная рука, она неизменно оказывалась там, где больничный организм вдруг начинал пульсировать, и срочно нужны были перевязка, лекарства или нежные объятия для испуганного ребенка. – Ну это вряд ли. Так тебя там и ждут. – Он помолчал. – Не найдешь работу – возвращайся. Дети любят тебя. Да и Витю выхаживать будет некому.

Надавил на самое больное.

Геля знала, что спасается бегством, но какой-то внутренний инстинкт гнал ее из больницы.

Она прикрыла дверь кабинета и нащупала в кармане распечатанные билеты. Путевка куплена, предоплата внесена. На карте накопилось прилично, она почти не тратила деньги. Ровно через две недели она уедет из этой зимней слякоти и будет бродить вечерами по сухим мостовым уютного чешского городка, ловить руками снежинки и мечтать о будущем. В уютном кафе рядом с санаторием она обязательно поболтает с какой-нибудь русской бабушкой, укутанной пледом, сядет в уголок с книжкой и будет потягивать глинтвейн, меланхолично глядя в окно на сказочный снежок. А потом вернется и начнет все сначала.

Виктор Анатольевич достал из ящичка стола желтую пачку крепких сигарет без фильтра, подошел к окну и нетерпеливо затаился. Что-то неуловимо екнуло у него в том месте, где по анатомической логике должно было быть сердце. Но, едва ощутив первую затажку, он начал думать о круговороте новых дел и тут же переключился на работу.

Геля вышла в зал, наклонилась к компьютеру, спрятавшемуся за елкой, и включила четвертую симфонию Шуберта. Буду учиться на дневном, а на выходных и по вечерам – вкалывать. Она подышала, ощутила внезапный прилив сил от собственного решительного шага и начала смену.

Близился праздник. С детства сохранившееся мандариновое ощущение само собой растекалось где-то внутри. Воспоминания о счастливых домашних посиделках, горках шоколада в цветных обертках и долгожданных новогодних подарках поневоле возвышали этот день над вереницей других, монотонных, безликих, запускали механизм ожидания событий, обязательно радостных, обязательно волнующих.

Новый год Геля собиралась встречать в больнице. Домой детей на праздник не отпускали. Родители приносили подарки и уходили с тяжелым сердцем, отдавая ребят на откуп врачам и медсестрам. А вот у отказников праздники заканчивались слезами, потому что получать новогодние подарки им было не от кого.

Но только не в этом году.

Ангелина добилась для своих детей подарков от благотворительного фонда, с которым вела переговоры целых полгода. И полгода спустя фонд исполнял мечты ее

маленьких отказников. Верочке со сгоревшими ногами – куклу-фею; Виталику, которого воспитательница детского дома случайно окатила кастрюлей кипящего молока, – новенький смартфон, а малюсенькой Аленке, на которой целиком сгорело легкое летнее платьице, – кукольный домик. И вот наконец за пару недель до праздника фонд нашел спонсора на баснословно дорогой 3D-принтер для Вити. Это был подарок, о котором он мечтал. Который даст ему силы переживать каждый новый день.

После праздника она уйдет, а потом станет навещать Витю и кормить его шоколадом, помогать Марине Львовне и приносить малышам печенье.

И попробует начать собственную жизнь.

Вечером, упаковав часть подарков, Геля подошла к ординаторской и услышала в чуть приоткрытую дверь сухой голос Виктора Анатольевича:

– Не дадут больше кожи, закрыли для него квоты. Тем более для лица не дадут. Сказали натягивать, как сумеем, и перестать лезть со своими запросами.

Геля боком вошла в кабинет.

– Жаль, конечно. Но вы сделали, что могли, Виктор Анатольевич.”

Холодная, как лягушка, врач детского отделения Евгения изобразила сострадание, больше похожее на заигрывание. Она была вся такая женщина-женщина, халат в обтяжку, большая грудь навывнос, туфли на высоких каблучках. Евгения давно пыталась заманить в свои сети холостого главврача, но, судя по его пустому, равнодушному взгляду, совершенно безуспешно. Тот как-то вскользь, по-врачебному сухо поглядывал на ее торчащую из халата грудь. И думал о Вите. О том, сколько труда и сил вложил в этого мальчика. И как все неудачно теперь складывалось.

Геля подошла поближе. Стало ясно, что пересадка оказалась неудачной. Справившись худо-бедно с другими частями Витино тела, для его лица специально приберегли самую лучшую кожу какого-то молоденького донора. И она не прижилась. И теперь Новый год и все ее планы летят в тартарары. Вите удалят неприжившийся лоскут, стянут старую кожу в невыразительный комок, и он будет отходить от наркоза. Потом очнется. Вялый, апатичный. Нет, он не покажет виду. Соберется с силами, будет отшучиваться и бахвалиться новым протезом, мол, он еще даст о себе знать. Но лицо его теперь навсегда останется месивом из шрамов. Гуинплен, никому не нужный, потерянный, одинокий, такой же, как она сама, только хуже, гораздо хуже. Все ее отчаяние – только в душе, а его – на лице, на теле, израненном и навсегда утратившем свою детскую нежность.

В этом городе больше не было хирургов, которые могли бы ему помочь. Возиться с брошенным мальчиком никто не станет. Жив – и бог с ним. Да, существовали фонды, но и к их помощи уже тоже прибегали. Шансов было ноль.

– И вы не будете бороться? – выкрикнула Геля.

Виктор Анатольевич бросил на нее усталый взгляд и медленно опустился в кресло. Он постукивал длинными пальцами, слегка пожелтевшими от нескончаемых сигарет, по пухлой папке с Витиной историей болезни.

– Кризис, плюс все квоты мы исчерпали, ты сама это знаешь.

– Он даже без повязки никогда ходить не сможет, это же невозможно так оставить! – Гелю трясло от негодования. – Как вы можете! – Нельзя сдаваться, нельзя!

Виктор молчал.

Она выскочила из ординаторской, вбежала в Витину палату.

Он лежал тихо-тихо, почти неслышно. Спал. Геля наклонилась к перемотанному

лицу и стала гладить его потихоньку, еле-еле, чтобы не разбудить и не сделать больно.

– Маленький ты мой, маленький. За что так, почему? Что же мне теперь делать?!

Марина Львовна зашла в палату, постояла рядом с Витей, поправила ему капельницу. Потом подошла к Геле и неловко погладила по голове:

– Пойдем, хватит рыдать. Пусть поспит.

Геля шепнула в ответ:

– Я посижу, не могу пока. Пожалуйста.

Сестра покачала полуседой головой и вышла из палаты.

И тут Гелю прорвало. Сначала еле всхлипывая, а потом в голос, она рыдала, сидя у кровати больного ребенка. Сетуя на жизнь, судьбу, ненавистные квоты, ужасную действительность, с которой совершенно невозможно справиться, которая обрушивалась, невзирая на календарь, праздники, детей; ей, этой неведомой руке, ведущей через страдания и боль маленькие жизни, не было до них никакого дела. А сама Геля такая бессильная, такая никчемная. Слабая одинокая сиделка, без образования, без связей, без власти. Никто.

Внезапно она выпрямилась от мысли, словно пронзившей ее насквозь.

«Нет. Кое-что я могу сделать. Кое-что у меня есть. И даже очень много, и даже более чем достаточно».

Она выскочила из палаты и отправилась на поиски главврача.

Виктор Анатольевич делал обход вместе с Евгенией. Виктор часто помогал врачам разбирать новые случаи, мог внезапно вмешаться в ход лечения. Он считал, только так может контролировать больничный кровоток. Быть близко и чувствовать его малейшие вибрации.

Геля зашла в палату, подошла к главврачу поближе и слегка коснулась рукава.

Он выпрямился, и они встали друг напротив друга. И стояли так, почти одного роста, глядя друг другу в глаза.

– Я буду донором, – громко сказала Геля.

Он медленно провел рукой по лбу, посмотрел на нее долгим глубоким взглядом и отчеканил:

– Нет.

Виктор отвернулся к Пете пяти лет от роду. Тот смотрел на них во все глаза, придерживая повязку крохотной пухлой ручкой. Светлые кудряшки рассыпались по подушке, и на них играло закатное солнце.

Геля повысила голос:

– Да. Я все решила, вы не имеете права отказать. Добровольное донорство. Я читала инструкцию.

Евгения удивленно уставилась на Гелю, как на обезьянку в цирке, которая вдруг начала вытворять неожиданные кульбиты. Как можно было пожертвовать куском своей здоровой кожи ради какого-то чужого ребенка, в ее голове совершенно не укладывалось. Тем более куском кожи с бедра – ведь это так видно на пляже. Или, того хуже, с шеи. У молоденькой девушки останется кошмарный шрам. И все ради того, чтобы лицо мальчика стало чуть менее страшным.

Геля посмотрела на Евгению и заявила:

– Моя кожа, что хочу, то и делаю.

Главврач положил ей руку на плечо:

– Геля, это слишком опасно для вас. А толку не будет никакого. Подрастет,

передадим его в пластику. Отдадите лоскут, а он не факт что приживется. Будет плохо и вам, и ему.

– Приживется. Моя кожа приживется, я знаю. У нас одна группа крови. И мы еще как-то совпадаем, я чувствую это. – Перед выходом из палаты вдруг повернулась, тряхнула челкой и проговорила: – Вы знаете мое имя. Как это мило.

Вышла и твердым шагом направилась в его кабинет.

В ней поселилась сила, сопротивляться которой было невысказано.

Виктор Анатольевич ошарашенно смотрел ей вслед и непроизвольно поддался порыву.

– Завершите осмотр, – бросил он Евгению и направился вслед за Гелей.

События развивались стремительно. Результаты анализов показали, что Геля полностью здорова. Причин откладывать пересадку не было.

Когда ее везли в операционную, она улыбалась.

Накануне Ангелина получила доступ к Витиной истории болезни и личному делу. Витин папа после смерти второй жены остался с мальчиком один. И, судя по всему, постепенно превратился в обыкновенного деревенского пьяницу. До того как произошло несчастье, его не раз вызывали в органы опеки и грозились отобрать ребенка.

На одном из документов Геля обнаружила его фото.

... Фотографию своего собственного отца она видела лишь однажды. Мама никогда не рассказывала о нем и только один раз поддавалась ее мольбам, вытащила откуда-то помятый черно-белый снимок и безмолвно, с перекошенным лицом передала дочери. В личном деле Вити было точно такое же фото.

...

Тридцать первого декабря, ближе к полуночи, их вместе везли в украшенный к празднику зал: Гелю на одной каталке, Витю – на другой. Обитатели ожоговой радостно обступили их и наперебой обнимали. А потом столпились вокруг елки-великаниши, такие живые, с блестящими глазами, болтая и предвкушая приближение праздника. Пахло шоколадными конфетами, морсом из черной смородины и еловыми шишками. Подвыпившие медсестры в хозблоке заигрывали с Сергеем Сергеевичем из перевязочного пункта, свеженареченным Дедом Морозом, ожидающим своего торжественного выхода.

Марина Львовна по Гелиной команде включила заготовленную новогоднюю фонограмму, сделала погромче колонки.

И началось, закрутилось.

Спустя полчаса весь пол был усыпан конфетти, подарки распакованы. Ее подопечные, все до единого, светились алыми счастливыми щечками.

Такого буйства красок и детских восторгов ожоговый центр не видел со времен своего основания.

Геля, будто в полусне, глядела на ребят повлажневшими глазами и чувствовала, как неизвестно откуда в нее вливаются новые силы.

Виктор Анатольевич неслышно подошел к Геле сзади и медленно проговорил, усмехнувшись:

– Ну что же, Ангелина... – Он помолчал. А потом наклонился и с непонятно откуда взявшейся нежной игривостью сказал: – Я долго молчал. Но теперь, когда я узнал вас, скажем так... с другой стороны, я скажу. Зад у вас – отменный.

Геля покраснела, зажмурилась и едва слышно хмыкнула.

Главврач отвез каталку чуть ближе к центру зала, и они вместе смотрели, как

ребята увлеченно играли подарками. От него приятно веяло терпким парфюмом с легким шлейфом сигарет без фильтра.

– И еще. Похоже, я смогу для вас кое-что сделать, – изменившимся тоном отрывисто бросил он.

Геле захотелось схватить и удержать сердце, зачастившее от его близости.

– У меня в первом меде приличные связи. Вы поступите и останетесь работать здесь. Ангелы в больнице – дело, знаете ли, нечастое, – хмыкнул он.

Гелю охватило осознание одновременно правильности и предопределенности происходящего. Как будто перемешанные в невыразительную массу детали пазла вдруг чудесным образом разместились по своим местам. Уютные чешские мостовые медленно таяли в тумане.

А проступали другие картинки, пока нечеткие, но наполненные таким важным для нее смыслом.

Витя, подлежав в своем кресле-каталке, медленно поглаживал коробку из-под принтера, которую попросил водрузить себе на колени. Геле было ясно, что где-то там, под повязкой, он улыбался.

В уголках его глаз носились неутомимые чертики будущих побед и разочарований, надежды и отчаяния, радости и грусти. Жизни.

6. Марина Гай. НЕ ОДНА. День седьмой. Новогодняя ночь

Из-за своих переживаний и хлопот Виолетта совершенно забыла прослушать прогноз погоды. Настоящий зимний морозец пощипывал щеки и беззастенчиво дергал за нос. На небе стояла полная луна, а звезды мерцали не хуже елочной гирлянды. Свежий, неведомо когда приваливший снежок хрустел под ногами приближавшихся...

Виолетта Петровна пригляделась и не поверила своим глазам... Дочка и внук спешили встретить Новый год вместе с ней. «Не одна!» - мелькнула радостная мысль. Виолетта со всех ног бросилась к ним навстречу и чуть не сбила малыша с ног.

Они вбежали в квартиру как раз в тот момент, когда «игрушечный» президент заканчивал свое, как всегда, очень правильное новогоднее поздравление народу. Под бой курантов едва успели наполнить бокалы, загадать желания и пожелать друг другу счастливого Нового года! Вот и второй бокал пришелся кстати. Оливье был любимым блюдом всей семьи, и половина салата исчезла за считанные минуты! Та же участь постигла запеченного с грибами цыпленка и сметанный торт.

Виолетта не стала спрашивать дочь, почему та так внезапно изменила свои планы, а обратилась к заскучавшему было внуку:

– Ну герой, что будем делать дальше?

– Как это что? – деловито переспросил малыш и помахал у нее перед носом неизвестно откуда взявшейся ледянкой. – Идем на горку, конечно! Переодевайся, мамама! – привычно скомандовал он.

Внук всегда называл ее именно так. Не бабушка, не бабуля, а именно мамама. Что значило – мама мамы.

И как она сама не додумалась? Ночь-то и впрямь сказочная. Грех дома-то сидеть!

Тут она заметила, что и дочка одета по-спортивно. Заранее что ли подготовились? Тогда и впрямь, сюрприз удался!

Виолетта Петровна была готова в считанные минуты. В подобных ситуациях ей помогало боевое геологическое прошлое. По такому случаю она даже залезла на

антресоли и достала настоящие салазки, почти такие же, на которых когда-то ее катала легендарная бабуля!

Виолетта никогда раньше не выходила из дома в Новогоднюю ночь...

Во Дворце пионеров оказалось полно народа. Запускали фейерверки, шумно поздравляли друг друга, как будто всю жизнь были знакомы и вместе отмечали Новый год! Шутили, смеялись, дурачились и катались с горок. У кого не было ледянок или саней, скатывались прямо на пятой точке. Вдали величественно светилась высотка московского Университета, как бы еще больше подчеркивая значимость момента. Кто-то принес шампанское и разливал всем желающим в пластиковые стаканы. Но и без шампанского всем было так весело и празднично, что Виолетта Петровна чуть не разрыдалась от счастья. Вот она где, настоящая-то жизнь! Сколько же подобных счастливых моментов она пропустила по недомыслию или просто из-за лени?

Катались до победного! Домой отправились только тогда, когда внук стал клевать носом.

Виолетта первым делом проверила сайт знакомств. Сообщений от Стива не было, и она, опять было расстроилась, как вдруг догадалась проверить почту. Ну как же она могла забыть, что дала Стиву свой электронный адрес? Общаться на сайте становилось тесновато.

Письмо было совсем свежим. Он писал, что только вернулся домой. У них в городе давняя традиция встречать Новый год всем вместе под бой часов на ратуше со звоном бокалов, обниманьем-целованьем и плясками под призывные звуки волынки! И еще Стив писал, что приглашает к себе в гости сразу, как только Виолетта сможет получить визу. Ух ты! И впрямь волшебная ночь!

Задумчиво, стараясь не расплескать переполнявших ее чувств, Виолетта забила в поисковой строке картинок Гугла уже не «хайленд», как делала это раньше, а «север шотландии», и в который уже раз за эту ночь не поверила своим глазам! Да вот же они! И одиноко стоящие посреди вереска каменные глыбы, и мирно пасущиеся на лугах овцы, и белоснежные гуси-лебеди, и даже северное сияние! Все, как сказала ведьма! Ну почти все... Погрешность-то не сильно невелика. Виолетта Петровна мысленно попросила у той прощения и вновь погрузилась в свои мечты.

Дочка, видимо, заметив ее расплывшееся в глупой улыбке лицо, подозрительно спросила:

– Мам, ты там часом не наследство получила? Давно тебя такой не видела!

– Нет, лучше, – еще больше заулыбалась Виолетта, – приглашение с далекого севера от одного очень близкого мне человека.

– Ну здорово! – обрадовалась за нее дочка. – Фотку-то покажешь?

– Эээ,- промямлила Виолетта,- фотку сейчас вряд ли найду, но... для ориентира он где-то между Джорджем Клуни и Квазимодо! – уже совсем бодро закончила она и счастливо рассмеялась.

7. Мария Артемьева. Майка и Тасик

Хорошее утро начинается с тишины.

Пусть поскрипывают сугробы под ногами прохожих. Пусть шелестят вымороженные, покрытые инеем коричневые листья дуба под окном, упрямо не желая покидать насиженных веток. Пусть булькает батарея у стены – кто-то из домовиков, несомненно обитающих в системе отопления старого дома, полощет там свое

барахлишко: буль-буль-буль. И через минуту снова: буль-буль...

БАБАХ! За стеной в коридоре что-то шарахнулось, обвалилось, покатилося. Тасик подпрыгнул на кровати. Благодушный настрой испарился в одно мгновение. Ворчливый одышливый голосок как ни в чем не бывало поинтересовался из коридора:

– Тасик, а ты не брал мои тапочки?

– На черта они мне сдались? – прошептал Тасик. И, почесав впальый живот под светящейся насквозь застиранной пижамой, зажмурился, почему-то решив, что он еще сумеет уснуть. Надежда была напрасна.

За стеной пыхтело, тужилось, скрипело... И вновь обрушилось с оглушительным грохотом. Тасик застонал:

– Майка, прекрати!

Возня за стеной усилилась.

– Майка, через колено тебя! Прекрати немедленно!!!

Никакого ответа. Сопение, кряхтенье, стук и возня.

Чертыхнувшись, Тасик приподнялся и сел в постели. Помассировал занемевший локоть. Помял коленку. Взъерошил седой ежик на голове. Наконец оторвал костлявую задницу от постели, постоял, согнувшись крючком... Медленно, хрустя суставами, распрямился.

И решительной походкой ржавого циркуля шагнул из спальни:

– Майка! Какого черта ты тут затеяла?

Майка (160–140–160) в цветастоям халате, задрав кверху необъятный зад и отвернув в сторону полное лицо, краснея и поте, изнемогала от усилий, правой рукой вытягивая что-то на себя из щели между обувной тумбой и стеной.

– Надо бы прибраться... перед праздниками! – стонала она. – А то как-то... нехо... ро... шо!

Сваленные с вешалки пальто, плащи, шапки, шарфы, зонты, варежки и перчатки большой кучей громоздились рядом, прямо на полу. Что-то за тумбой никак не уступало Майке.

– Та... сик... помо... ги! – попросила Майка.

– Тыщу раз говорил – не называй меня так.

Негнуцимися ржаво-циркульными ногами Тасик подошел к стене и заглянул в щель. Ничего опасного не разглядев, отважно сунулся рукой наугад, ухватил и потащил что-то.

Обувная тумба с натужным скрипом поехала от стены.

– Тасик, что ты делаешь?! – завопила Майка.

– Что ты просила, Майка, то и делаю, – огрызнулся Тасик и, напрягши сухие жилистые руки, покрытые редким седеньким пушком, дернул.

Тумба накренилась, неряшливо раззявив дверцы...

– Тасик, не надо!!!

БДЫЦ! ДРЫНЦ-ТЫНЦ-ТЫНЦ! БУЭЭЭЭ... Вся обувь из тумбы вырвалась на свободу, затопив крохотную прихожую. А дверца оторвалась и острым углом мстительно пригвоздила Тасикову ногу к полу.

Тасик взвыл, согнулся, чтоб пощупать больное место, и ему прострелило спину.

– Еть! Майка!!! Через колено тебя...

– Стой, не двигайся! Ох, горе луковое... Стой, я сейчас! Я бегу-бегу! Ты только не двигайся!

– Да не могу я двигаться! – завопил, раздражаясь, Тасик. – Давай уже действуй!

Толстая короткостриженная седая Майка, подбирая полы халата, начала действовать. Она заторопилась на кухню. Все ее пышные формы заколыхались, заволновались, пришли в движение. Шажок. Еще шажок.

– Да быстрее же, ешь твою дивизию!!!

– Бегу, бегу!

Она вправду торопилась: это было написано на ее лице. Мука, разлитая по тугим щекам, и отчаяние в глазах делали ее чрезвычайно похожей на спринтера, с искаженной физиономией пересекающего заветную финишную черту. Вот только расстояние, какое Майке удалось осилить...

– Уауу!!! – взывал Тасик из коридора.

Тюбик с обезболивающей мазью хранился на дверце холодильника в кухне. Кухню отделяли от прихожей ровно пять шагов. Еще три до холодильника. И обратно. Итого шестнадцать.

Майка героически преодолела все расстояние за пять минут. (Обычно она тратила не меньше десяти.)

Но неблагодарный Тасик остался недоволен.

– За смертью тебя посылать, перечница... – ворчал он, вздрагивая всем телом, когда Майка могучей красной лапой щедро разляпывала крем по его поясице.

– Я тебя предупреждала, – невозмутимо ответствовала Майка. – Я же говорила...

– Говорила, ешь! Со свету ты меня сживешь. Что это такое?

Обретший свободу Тасик осторожно разогнулся и с изумлением уставился на пыльный, грязный, жеваный лоскут неизвестно чего, зажатый в его руке.

Пронзенный радикулитом, он поначалу и позабыло своей добыче. Тумбу, между прочим, чинить придется... И не кому-нибудь, а ему – Тасику!

– Что это такое?! – грозно сдвинув брови, спросил он.

– Сдается мне, Тасик... что это коврик. Светочка мне подарила... Не помнишь разве? На пятидесятилетие.

Тасик угрюмо помотал головой:

– Тыщу раз говорил – не называй меня так.

– Вот. А я тоже забыла, – не слушая мужа, балаболила Майка. – А тут гляжу – чего у нас моли-то так развелось? Откуда?!.. Нехорошо как-то – перед праздниками... И ты представляешь – вспомнила! Как ты тогда подвыпивши пришел и тумбу задел, горе луковое! А я как раз перед этим Светочкин подарок положила на край. Оно и съехало!

– То есть вот двадцать... Раз, два, три, четыре... Десять... – на пальцах подсчитал Тасик. – Ну да! Двадцать два года! Это дерьмо тут за тумбой валялось...

– Какое же дерьмо? Тасик! Это ж Светочка подарила.

– ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ВАЛЯЛОСЬ! – Тасик поднял очи горé и возвысил голос примерно на октаву: – И ВОТ ТЕПЕРЬ СРОЧНО ТЕБЕ НА КОЙ ХРЕН ПОНАДОБИЛОСЬ?! А?! Ты меня инвалидом сделать хочешь?! Японский городовой, ешь растуды тебя поленом!!!

Майка не отвечала. Она спокойно пережидала его гнев, скучливо блуждая взором туда-сюда, вверх-вниз... Но вдруг замерла, как охотничий пес, учуявший запах крови:

– Эт-т-то что такое?

– Что? Что? Ты куда смотришь? – всполошился Тасик.

Глаза Майки сузились до состояния амбразурной щели. Тяжелый выдох. Голова ее наклонилась – словно башенка танка навелась на цель...

– Я так и думала! – свистящим змеиным шепотом произнесла она. – **МОИ ТАПОЧКИ!!!**

Тасик отшатнулся. Обливаясь холодным потом, взглянул себе на ноги. На нем действительно оказались Майкины тапочки – зеленые, с красным мохнатым кантом и помятыми задниками.

Тасик прижался спиной к стене.

– Грязный старикашка! Диверсант! – сказала Майка. И презрительно расстреляв мужа взглядом, ушла.

Глядя, как она колышется в направлении кухни, Тасик с облегчением выдохнул.

– Сама такая! Со своим склерозом! Все забываешь! – крикнул он ей вдогонку.

Майка вздохнула. От ее могучего дыхания взметнулся длинный обойный лоскут, оставший от стены и основательно разлохмаченный.

«Подклеить надо бы», – подумал хозяйственный Тасик. Лоскут болтался здесь уже лет пять, но как-то не очень часто попадался ему на глаза. Что называется, не мозолил. В отличие от Майки. Ох уж эта Майка!

* * *

Гаже бабы, думал Тасик, это еще поискать, да хрен найдешь. Как же он с ней намучился за эти годы! За все последние пятьдесят шесть лет. Умунепостижимо!..

Ветер сотрясал оконное стекло.

Тасик, вздыхая, стоял в кухне и наблюдал, как вспухает на горизонте серая перина огромной тучи, закрывая собой белые кучерявые барашки маленьких облачков и фарфоровую синеву утреннего неба. «Опять дождь. Небось и праздники будут без снега. Вот ведь напасть», – думал Тасик, кушал вареное вкрутую яйцо и вспоминал свои обиды.

...Ведь у них в доме дня не проходило, чтоб что-нибудь да не так! И никакого взаимопонимания. Вот вопиющий случай. В каком же это было году?.. У Светки ее – той самой, будь она неладна, – на именинах. Поехали тогда всем гуртом на генеральскую дачу ее предка. Шашлыки, водочка, то-се... Молодые были: мне сорок три, ей тоже сорок один... Ну что, казалось бы?! Дети подросли. Ванька с Илюшкой в армии, Инеска в институте. Живи – радуйся!

Нет. Эта дурица всю жизнь в комплексах, как муха в паутине.

Тасик даже крикнул от огорчения.

Ну что уж он такого, казалось бы, и сделал?!

Ну всего-то хотел Майку удивить. Насмешить немножко.

Если у этой окаянной бабы и было что хорошее – так это ее смех. Бойкий, всей грудью, открытый, ясный... Как звонкая песня в морозном поле – далеко слышать.

На генеральской даче их поместили во втором этаже – со всеми удобствами: комнатка возле лестницы, рядом – туалет и душ.

Там он и подстерег Майку – на лестнице возле душа. Встал в проеме между лестницей и коридором, руками уперевшись в балки, а ногами в стены – в позе витрувианского человека Леонардо да Винчи. В точности. То есть, значит, абсолютно голый...

Сделал одухотворенное лицо, повернулся в профиль и так замер.

Думал Майку повеселить.

Ага, щас!

На лестнице было темно. Он потом так и не узнал, чем Майка его саданула в солнечное сплетение (сама она утверждала, что рукой. Но разве может женщина

РУКОЙ так садануть под дых, чтоб здоровенный мужик упал и сознание потерял на десять минут?!).

А ведь так оно все и было.

Визг, темнота, удар. Вспышки перед глазами... И снова темнота. Очнулся от боли – Майка, разобравшись, с кем в бой вступила, побежала в ванную за водой, чтоб мужа в чувство привести, и по своей вечной слоновьей неуклюжести прищемила ему яичко. Ногой.

Тасик поежился и почесал свои печально обвисшие достоинства.

Она, между прочим, клялась, что ударила его с перепугу.

«Вижу, – говорит, – в темноте что-то белеется... Думала – то ли привидение, то ли Ковригин, папочкин любимый адъютант, повесился. Он все чего-то пистолет мне показывал... Ну, думаю, допился, диверсант, до зеленых чертей... Откуда ж мне знать было, что это ты?!»

«А кто ж, еть твою, здесь еще возьмется в три часа ночи! Чем ты думаешь, женщина?!» – язвил жену Тасик. Майка жалостливо кривила лицо и прикладывала ему к причинному месту холодную грелку. Глаза ее блестели от слез.

Но Тасик подозревал, что слезы катились градом по ее тугим красным щекам не столько от жалости, сколько совсем наоборот: Майку душил хохот. Кошмарная баба.– Просто кошмарная, – сказал Тасик в закрытое окно.

Ветер действительно сменился нудным холодным дождем, и Тасик поник плечами и духом. Очень хотелось снега. А зима, как назло, напрочь забыла свои обязанности. И вела себя как нерадивая хозяйка, которая перед самым приходом гостей разводит в доме грязь и мокредь, затевая генеральную уборку не вовремя.

А кстати! Тасик взглянул на часы.

«Кошмарная баба» ушла к соседке за трехлитровой банкой (зачем она ей вообще понадобилась?) уже больше часа назад.

Даже при ее черепашие-слоновьей скорости спуститься на третий этаж и подняться обратно на пятый в доме с работающим лифтом можно и до наступления полуночи. Или она решила заодно у соседки Новый год встретить?..

Тасик, сам не понимая почему, заволновался.

Сердась на отсутствующую жену, он в раздражении принялся расхаживать по коридорчику между кухней и большой комнатой туда-сюда. При ходьбе у Тасика явственно поскрипывали колени, и это раздражало его еще сильнее.

– Растуды поленом, японский городовой! И куда она запропастилась?!

Чтобы отвлечь голову, надо чем-то занять руки.

Тасик решил починить дверцу обувной тумбочки в прихожей. Все-таки на носу праздники.

Нагнувшись и оглядев повреждения – дверца болталась на одной петле, – Тасик понял, что для ремонта потребуется отвертка.

В поисках отвертки он перерыл стенной шкаф, используемый под всякие хозяйственные мелочи, взбудоражил мирно спящую на антресолях полувековую пыль, обшарил каждый уголок секретера и, только наведя устрашающий хаос в квартире, вспомнил, что нужная ему отвертка, должно быть, хранится в ящике кухонного стола: именно там Майка любит держать наиболее ценные вещи, которые всегда должны быть под рукой. А уж эту отвертку она особенно опасалась выпустить из виду, чтоб как-нибудь нечаянно не утратить власть над чудо-инструментом: этой отверткой ей

было очень удобно выковыривать мелкие вещи, регулярно падающие с кухонного шкафчика за холодильник. В узкий просвет между холодильником и напольной плиткой пролезала только эта отвертка – достаточно тонкая и длинная, но в то же время не острая.

Тасику вспомнилась та жуткая неделя, которую ему пришлось пережить позапрошлой осенью, когда спасительная отвертка куда-то запропастилась, и Майке поневоле приходилось импровизировать посторонними предметами, как то: портняжными ножницами, вязальной спицей, полуметровым хлебным ножом прабабушки и даже пластиковыми, потрескавшимися от старости Инескиными прыгалками.

Ни один из этих предметов не сумел в полной мере заменить ее волшебную отвертку. Майка ворчала и ругалась.

Она ворчала так, что у Тасика от напряжения отваливалась голова. Казалось, стены дома уже мелко подрагивают от ее злобного клекота. Еще чуть-чуть – и зараженный злым ворчанием дом задергается в агонии и рухнет, взметнув вверх кирпичи и похоронив под обломками и Тасика, и саму Майку, и все проклятые ею предметы, и всех соседей, и – вот это было б по справедливости – ненаглядную Майкину отвертку, которая, гадина, ведь скрывалась же где-то все это время! Лежала тихо, инкогнито, под слоем каких-то совершенно никому не нужных шампурови вилок (так оно оказалось впоследствии).

Довольный своей сметливостью Тасик проследовал в кухню. Встав к кухонному столу передом, а к стеклянной двери, соответственно, задом, Тасик потянул на себя ручку широкого ящика в столе.

Ящик дружелюбно выехал вперед на пять сантиметров и... передумал. Застрял. Тасик вцепился в ручку ящика, подергал. Бесполезно: ящик не сдавался. Он упрямо вгрызлся в стены стола – надежно окопался там и, судя по всему, решил стоять намертво.

Тасик потряс стол. Внутри ящика возмущенно загрохотали хранимые в нем предметы – это походило на коллективный протест или, возможно, попытку отстреливаться.

Усилив воли Тасик обуздал гнев и, стараясь действовать в рамках разумного (памятуя о судьбе обувной тумбочки в прихожей), попытался приложить силу в другой плоскости.

Если ящик не едет ни вперед ни назад, остается последнее.

Тасик собрался с силами и всем весом навалился на ручку ящика, пытаясь отжать конструкцию книзу.

– Еще! Чуть-чуть... Сама... пойдет...

Ящик жалобно скрипнул, малодушно сдал два сантиметра, и... ручка его отвалилась.

Со злости Тасик шарахнул кулаком по столу. Раздался гром, сверкнули молнии... Ящик грянул оземь, и все, что в нем таилось, брызнуло врассыпную по всей кухне. Чего тут только не было!

Добро, нажитое, накопленное и награбленное самой Майкой и всеми ее предками, возможно, ещесо времен татаро-монгольского ига, старинные предметы странного вида и непонятого назначения, о котором Тасик и догадаться не мог...

«Удивительно, что ящик не рухнул раньше. Как это все туда влезало?!» – ужаснулся Тасик и ощутил непонятную вибрацию возле своей голый беззащитной ноги. Глянув вниз, он увидел, что в его пластиковый шлепанец впивался стальной штопор и теперь, дрожа от возбуждения, пытается пробурить дыру в Тасиковой ноге.

Инстинктивно Тасик отскочил назад и угодил спиной в кухонную дверь.

Раздался такой звук, какой издает очень спелый арбуз, когда в него с размаху всаживают нож: «Хресь!»

– Тасик, я тебя не понимаю, – произнес сзади знакомый ворчливый голосок. Он звучал строго и взыскующе.

Тасик обернулся: сквозь потрескавшееся стекло кухонной двери на него надвигалось какое-то чудовище, сплошь покрытое сеткой морщин.

– Если б ты только знал, как ты мне надоел. Диверсант! – сказала чудовище...

** * **

Скандал затих только к вечеру.

Тасик первым сделал попытку к примирению, лично собрав все Майкино добро обратно в ящик.

Правда, поставить его на место не удалось: во-первых – не лезло, во-вторых – треснули деревянные планки, на которых он держался. Но Тасик уверил жену, что это пустяки: вместо дурацких занозистых деревянных планок он купит в хозяйственном комплект роликов, послечего ящик будет выпрыгивать из стола, как дрессированный.

– По первому твоему зову, – обещал Тасик и заглядывал Майке в глаза.

– Ага, – соглашалась Майка и отпихивала плечом Тасикову голову. – Конечно. Горе луковое.

Под присмотром Майки Тасик ненадолго завладел ее волшебной отверткой, снял с поломанной дверцы тумбочки погнутые петли и закрутил новые, запасенные с незапамятных времен в хозяйственном шкафу. Дверца тумбочки от новых петель немного перекосилась. Зато удалось наконец собрать и надежно запереть обратно всю обувь.

Майка, однако, не смягчилась. Когда она приходила в угрюмое настроение, выпихнуть ее оттуда было непросто.

– Ну что, идем спать? – спросил Тасик в одиннадцать вечера, в обычный их час отбоя.

– Иди. Мне тут еще... варенье закрывать, – буркнула Майка, перекидывая с места на место какие-то предметы в кухонном ящике. – Куда эта дурацкая машинка закопалась? Открутить бы ей...заразза!

В произносимом Майкой слове «зараза» было не меньше восьми или десяти «з». Еще бы парочку – и можно было бы считать, что это просто пчелиное жужжание. Но Майка соблюдала меру, не утрачивая окончательно дара человеческой речи.

Тасик вздохнул и ушел спать.

Вольготно развалившись в супружеской постели, широко разбросав руки и ноги, он лежал, тщетно жмуря глаза и созывая к себе приятные мечты... Сон не шел.

Он ворочался, елозя по всему пространству супружеского ложа, то свивая вокруг себя одеяло коконом, то развивая его, выкидывая наружу то ногу, то руку...

Когда Майка в три часа ночи соизволила явиться в спальню, Тасик едва успел забыться, зацепившись где-то на самом краешке сонного небытия, нацеленный головою и всем телом в черную пропасть, но еще способный слышать звуки по эту сторону реальности.

Майка, скинув халат и переодевшись в ночнушку с непомерно растянутым во все стороны Багзом Банни, зажгла ночничок и бросила короткий взгляд на мужа.

Тасик покоился на бочку, отодвинувшись в глубь двуспальной кровати, и, согнувшись крючком, крепко обнимал женину подушку.

Майка вынула подушку из его рук, взбила, положила себе под голову и, погасив ночничок, легла. Кровать тяжело заскрипела под ее телом. Тасик сладостно замычал и, обхватив круглые бока супруги, подтянулся вперед, притеревшись к ее мягким местам всеми своими мослами.

Майка пихнула его назад, брыкнулась и сбросила руки, посягнувшие на ее независимость. Но стряхнуть с себя Тасика было так же непросто, как снять с костюма прилипшую жвачку.

«Ммм... Моя попа пришла!» – пролетел сквозь сон Тасик и еще крепче вцепился в Майку.

«Зараза», – подумала Майка, но вступать в борьбу за свободу ей было лень. Очень хотелось спать.

Она шумно выдохнула и закрыла глаза.

Сны им снились разные.

Майка видела во сне, как Тасик, сидя за праздничным столом, поедает сваренное ею варенье, черная его сначала половником, а потом просто лакая из тазика, как собака.

Тасику снилась Майка: молодая, золотисто-загорелая, хохочущая. Она лежала с ним, голая, в траве, вздрагивала от удовольствия и смотрела широко распахнутыми глазами безо всякого стыда.

* * *

На следующий день деловитый Тасик встал пораньше и сразу же приступил к починке кухонного стола. Пока Майка досматривала сны, он перебрал все заскорузлое старинное добро, каким-то чудом уместившееся в кухонном ящике раньше, кинул в полиэтиленовый пакет наиболееодиозные предметы – вроде венчиков для взбивания омлета, косточковынимателя и советской электровафельницы с пятнами ржавчины на рукояти – и вознамерился снести все на помойку.

Ему хотелось сделать это до того, как Майка проснется.

Но он опоздал: Майка застучала его на пороге и подозрительно прищурилась:

– Куда это ты собрался?

– Вот это надо... необходимо выкинуть, – сказал Тасик, потрясая тяжелым пакетом.

– А ну-ка... Покажи!

Тасик был вынужден уступить пакет для досмотра своей большей половине.

– Та-а-ак, – протянула Майка, выбрав из пакета косточковыниматель, которым за всю свою долгую жизнь не успела воспользоваться ни разу. – Так. А если это понадобится? – спросила она.

В Майкиной душе желание порядка в доме всегда боролось с суеверным страхом перед вещами. Она по опыту знала: стоит расстаться с какой-нибудь наиболее никчемной финтифлюшкой из своих закровов, и эта гадкая мелочь тут же и всенепременно понадобится в хозяйстве. Вещи умеют мстить. Они, в отличие от людей, никому ничего не прощают.

Тасик со стоном возвел очи горе. Майка, не обращая на него внимания, ковырялась в пакете.

– А вот без этого царский омлет приготовить вообще нельзя!

– Если б я еще знал, что такое царский омлет, – заметил Тасик. – Живу с тобой тыщу лет и что-то никак не познакомлюсь с этим, еть, интересным блюдом.

– Нет, я понимаю, что ты человек легкомысленный, но выкидывать вафельницу!

Это же просто...

Майка воззрилась на Тасика, как на особь, способную зарезать белочку в парке.

– А это?!

В пухлой Майкиной руке красовалась большая хрустальная пробка от графина, блестящая и тяжелая, как граната.

– Сначала ты разбил мой-мамин сервиз, а теперь и последнее на помойку несешь?! И когда ты перестанешь мне жизнь портить?!

– Господи, – не выдержал Тасик, – неужели невозможно хотя бы последние годы провести спокойно?! Пожить без тебя. Нет, надо срочно разводиться! Может, человеком наконец стану. Анет – так, ешь, хоть здоровым до гроба дотяну!

– Давай-давай! Разводись. Я хоть любовника себе нормального заведу. Разбил мою жизнь... мой-мамин сервиз грохнул... Житья от тебя нет! Диверсант!

И Майка, и Тасик, не задумываясь, крутили давние записи времен своей молодости. Возможно, это навевало им приятную ностальгию. А с другой стороны, к чему менять эти пластинки?хлопотно и глупо.

Заряда хватило примерно до середины дня.

Пообедав еще по разные стороны баррикад, Майка и Тасик, как звери на водопое, сошлись на перемирие у телевизора. Вместе посмеявшись одной из своих любимых передач – одной из немногих, которые они любили оба, – они надумали подкрепить разгулявшиеся нервы.

– Хлопнем, что ли, корвалолу? – предложил Тасик.

– На брудершафт, – проворчала Майка.

Тасик, хихикая, пошел к холодильнику и обнаружил, что корвалол кончился.

– Ничего. В аптеку сбегаю.

Получив нужную сумму у своей хранительницы всего, Тасик бодро выдвинулся на передовую.

– Шарф надень. Там, кажется, подморозило! – крикнула ему вслед Майка. Но за Тасиком уже захлопнулась дверь. – Горе луковое.

Спустя час она называла его не иначе как «диверсант», «кровосос проклятуций», «хмырь мерзавчатый» и другими удивительными словами. У Майки их были несметные запасы.

У нее были собственные методы борьбы с неприятностями.

В ожидании запропастившегося куда-то Тасика она обычно распекала его во все корки, и ее ужасные проклятия срабатывали, как волшебные заклинания: Тасик являлся домой целым и невредимым, будто подгоняемый мощным вихрем ругательств, щедро рассылаемых ему Майкой по каким-то особым энергетическим линиям планеты.

Если на эти же линии случайно заступали еще чьи-то конечности – лапы, крылья, ласты, брюхоноги или что там еще бывает у живых существ, – они, должно быть, падали замертво, сраженные наповал Майкиной руганью, и, таким образом, при всей своей зловредности, ни одно из них не могло повредить Тасику – все они безропотно и безусловно уступали дорогу Майкиному мужу.

До ближайшей аптеки и обратно, до следующей за ближайшей аптекой и обратно, и даже при самом худшем варианте – если корвалолу не оказалось нигде – до третьей, и последней в округе аптеки – было не больше сорока минут самой медленной Тасиковой ходьбы.

Сделав скидки на очереди, сбой кассовых аппаратов, обмороки у кассириш и другие

стихийные явления, все равно больше двух часов Тасик в аптеку, по Майкиному рассуждению, ходить не мог.

Прошло три часа.

Майка, осознав, что ее ругательные заклинания утратили силу, перепугалась и растерялась.

Ее мысленному взору представляли мучительные картины, одна другой жутче: мертвое тело Тасика, не дождавшегося корвалола, у аптечной стойки; тело Тасика, разрезанное пополам колесами огромного автобуса; голова Тасика, размозженная битой грабителя; руки Тасика, отрезанные дверьми лифта, среди сплошной антисанитарии валяющиеся в шахте, – назад не пришьют...

– Чертов диверсант, – шептала растерянно Майка. И мучилась, мучилась, мучилась...

В пять часов неожиданно задрезжал телефон, одной своей обыденностью развеяв страшные грезы.

– Тасик?! – закричала Майка в трубку.

– Это Майя Ивановна? Из пятьдесят второй больницы беспокоят, – сухо сказала трубка. – Ваш муж, Станислав Николаевич, просил позвонить. Он подвернул ногу...

* * *

Да. Тасик поскользнулся на обледеневшем порожке аптеки. После дождя и впрямь подморозило. Тасик не был к этому готов.

Порожек аптеки был невысоким, но Тасик умудрился сверзиться так, что сломал ногу, вывихнул плечо и разбил голову.

По счастью, именно возле аптек в большом количестве водятся сострадательные люди. Тасика увезли на скорой, и теперь он лежал, весь белый, укутанный в бинты, словно личинка шелкопряда, в шестой палате хирургического отделения и чинно-благородно ожидал результатов рентгена.

Результаты, однако, превзошли все ожидания.

– Ну вы не бейспокойтесь. Ноги-то заживут. И ущипы тоже, – покусывая сухие губы, объяснил жгучий брюнет в белом халате – врач-аспирант с непривычным именем Жосе Хосеевич, иностранный специалист на стажировке. – Все будет каресе.

– Как-как? – не расслышал Тасик.

– Каресе, – повторил Жосе Хосеевич, хмуря брови. – Но вот это...

Он вытянул из пачки снимков один, где была запечатлена черно-белая Тасикова голова в профиль и как бы в разрезе.

– Вот видите? – Доктор потыкал в какую-то туманность в мозгу Тасика на снимке. – Возможно, это есть опухоль.

Тасик оптимистично улыбнулся доктору:

– Да?

– Надо сделать до-по-лни-телл-ные анализы. Ицо один снимок. Понаблюдать динамик... Но – ущтите, это есть только гипотетический сейицас прогноз, в настоящий момент я ницего утверздать не имею права, но...

– Что «но», доктор? – Заинтересованный Тасик всем телом потянулся вперед, подгоняя докторову откровенность. – Но?..

– Если это опухоль... И опухоль зло-как-чеественная... Прогноз неблагоприятный. Месяц. Максимум.

Доктор деликатно замолчал. Наступила пауза.

– А потом? – спросил любопытный Тасик.

Жозе Хосеевич виновато развел руками. Кроме того, что Тасик, по его предположениям, не дотянет даже до Рождества, он не знал, что бывает потом. Хотя, как у католика, у него имелись теории.

* * *

Когда Майка дотелепалась до больницы – с куриным бульончиком, морковным салатиком, сметанкой и черносмородиновым компотом (все вотдельных, тщательно запакованных баночках и сверточках, чтобы не разлить) – время посещения в больнице уже подходило к концу, и она еле уговорила впустить ее хотя бы ненадолго к своему «старика».

– Этот диверсант, черт свинячий, ходить по улицам не умеет, а мне с моим весом разве ж дотащишься досюда, разве ж успеешь? – жаловалась она, не отставая.

Медсестра с первого взгляда поняла, что единственный способ отвязаться от липучей старухи – уступить ей. Нельзя же кидаться в атаку на стихийное бедствие?

Сестра вздохнула и пустила Майку в отделение.

Майка ожидала застать в Тасике некоторые перемены, но полагала, что все они будут материального характера.

Однако ее встретил совсем другой Тасик. Белый и чистый от бинтов, он весь светился непонятным умилением. Блеклые водянистые глаза сияли от слез, лицо вытянулось, под глазами пали синеватые тени, нос заострился.

Завидев это странное существо ангельского чина, Майка перепугалась до икоты:

– Что?! Говори сразу, Тасик! Не тяни!

Она даже про сумки свои забыла: баночки, супчики и витаминчики были сброшены просто и безответственно на пол, словно чье-то почтовое отправление в грузовом вагоне Сыктывкар – Вологда.

– Майка, – тихо умилилось существо.

– Тасик, я тебя убью. Говори немедленно, горе луковое!

– Да вроде у меня опухоль в мозгу, – признался Тасик, и по худой щеке, по уже намеченной другими мокрой дорожке пустилась в извилистый путь сияющая слеза. – Доктор говорит, месяца не протяну.

– Теперь понятно, почему ты у меня такой идиот, – прошептала Майка.

Тасик скривил губу, чтоб не усмехнуться, но не удержался – фыркнул. Ангельское выражение слегка сползло с его лица. Он попытался нацепить его обратно. Но в присутствии Майки это оказалось непросто.

– Что ж теперь делать будем? – нахмурилась Майка. И принялась въедливо допрашивать мужа обо всех деталях того, что с ним случилось. Кто, когда, куда пошел, отвел, сделал, сказал, обещал, объяснил – и чтоб все в подробностях.

Тасик даже утомился – бинты, стягивающие ушибы на голове, ему мешали.

– Посещающие! – громко крикнула в коридоре сестра. – Больница закрывается. Все на выход!

Тасик испытал приступ беспокойства. Ему вдругпоказалось, что больница, вся целиком, сейчас отбудет куда-то. Отчалит и уплывет в темную, полную опасностей неизвестность. Надолго. Может быть, навсегда.

Не хватало только марша «Прощание славянки», чтобы он разрыдался, как ребенок, впервые отправляемый родителями в детский лагерь.

– Майка, я боюсь тут один!.. Останься со мной, пожалуйста! Все равно мои соседи

ночевать на дом уходят, – горячо зашептал Тасик. Он уже позабыл о своем ангельском статусе: подмигивал, щурился, моргал, дергал щеками от возбуждения. – А вдруг я ночью помру? Ведь это же опухоль! Кто ее знает, когда она там захочет лопнуть? Никто ж не знает. Помирать стану – никто мне тут даже воды не подаст, один я! Врачей не дозовешься. Майка! Останься, а? Майечка!!!

Майка в растерянности смотрела на мужа:

– Да как же?..

– А ты под кровать залезь. Я тебя одеялом прикрою... Сестра зайдет – скажу, что ты ушла. А ночью они тут все сами дрыхнут – не добудишься, это уж точно. А, Майечка?!

Майка вздохнула.

* * *

Тасик оказался прав. Медсестре не пришло в голову обыскивать палату.

Тасик, взволнованный, с фальшивым лицом, заготовил целую речь о том, что вот, дескать, супруга-то его уже ушла, побыла пятнадцать минут, и все: адье, салют, как ветрены женщины...

Он рассчитывал вызвать сочувствие к себе и тем самым окончательно замазать глаза медсестре, но о своих страданиях ему не привелось даже заикнуться. Девушка в белом халате едва заглянула в приоткрытую дверь и унеслась дальше по коридору.

Тасик был этим несколько разочарован. Но на всякий случай они все же терпеливо выждали, пока в больнице не погасили повсюду свет и в коридорах не установилась мертвая тишина. Тогда Тасик наконец встрепенулся.

– Эй! Майка! – шепнул он вниз. – Вылезай.

Кровать заходила ходуном, зашаталась. Тасик едва не слетел с нее. Ему пришлось вцепиться пальцами в железную раму.

Майка (160–140–160) с тихим стоном выбралась из-под Тасиковой кровати и кое-как пристроилась на краешке у него в ногах.

Кровать заскрипела, но в хирургическом отделении все кровати были прочными.

В больнице их никто не услышал.

Вместе они покушали из Майкиных баночек. Это был своеобразный пикник в медицинском духе, среди белых стен и одеял.

Они так давно никуда не выбирались вдвоем. Дружно пожалевав об этом, вполголоса они обсудили места, куда бы могли поехать. И каждый, разумеется, предлагал свое, не соглашаясь с другим.

И они смеялись шепотом, сетуя на собственную неспособность хоть о чем-то договориться.

– Хорошо, что хоронить нас будут дети. А иначе мы б и могилу не поделили, – тихо сказала Майка.

Тасик закивал, прыская от смеха в кулак.

В стенах больницы шевелились черные тени, и только рекламный щит где-то вдалеке, на проспекте, ярко переливаясь огнями, светло и неугомонно засматривался в больничное окно.

– Майка...

– Что?

– Какая же ты у меня красивая, – прошептал Тасик, любуясь Майкиным лицом, смиренным и перламутрово-розовым в свете рекламы.

– Болван, – смутилась Майка.

Тасик взял ее руку и потянул, заставив придвинуться ближе.

– Ну что? Что тебе? – сдавшись, залепетала Майка.

– Иди ко мне. Как я по тебе соскучился.

Он протянул руку и погладил ее лицо, шею, ухо...

Майка заплакала, обхватила его худые плечи, горячо дыша, бормоча что-то ласковое, невнятное, каким-то невероятным образом притерлась к своему Тасику... Он затрясся, сграбастал ее всю и крепко-крепко прижал к себе, ко всему вибрирующему от нетерпения телу.

Теперь они лежали на больничной койке вдвоем, уместаясь на ней чудом, словно им удалось силой воли ужаться в размерах и объеме. Они гладили друг друга, и каждое прикосновение вызывало в них трепет. Так включение вилки в розетку неизменно вызывает ток.

– Хорошая моя, Майка, хорошая... – повторял он.

– Тасичек мой, – шептала она.

– Я люблю тебя... Всегда любил...

– Я тоже...

– Я не могу без тебя!

– Счастье ты мое... луковое.

Они долго не засыпали, плакали, шептали друг другу какие-то признания, смеялись и утешали один другого изо всех сил, как могли. Если и вспоминали о смерти, то как о глупом, досадном недоразумении, которое могло бы стать им случайной помехой.

Но они ее не боялись. На смерть им было наплевать.

Настоящую любовь не заботит ни прошлое, ни будущее, ей не нужны ни воспоминания, ни надежды; каждое ее мгновение – как вспышка вечности, бесценно и восхитительно...

Они заснули, привычно обняв друг друга, и это было лучше всего.

Самодостаточные и цельно-замкнутые, как отдельная вселенная, объединенные родством общего чувства, они были и родителями, и детьми для самих себя. Всю энергию, которая была им нужна, они давали друг другу.

И у них оставалось еще много, чтобы щедро излучать в мировое пространство.

Может быть, где-то, в каких-то дальних уголках нашего мира, кто-то плакал от счастья, улавливая это незримое излучение любви, крохотные искры, которые единственные приносили облегчение его страждущему существованию, позволяя дышать, жить, верить... Кто знает?

* * *

На следующее утро в городе наконец выпал снег. Тасик и Майка, молчаливые и притихшие, сидели, взявшись за руки, в больничной палате и с детским изумлением смотрели на белые крыши, белые улицы, выбеленное, как лен, седое небо. И Тасиковы белые волосы, и Майкины серебристые глаза вступили наконец в совершенную гармонию не только друг с другом, но и со всем остальным исполненным света и сияния зимним миром.

Они даже не сразу услышали, как шаркает ногами и вежливо откашливается, переминаясь на пороге палаты, чем-то весьма огорченный иноземный доктор-практикант Жосе Хосеевич.

– Вы меня просытите, Станислав Николаевич, – старательно выговаривая русские

слова, сказал он. И, войдя в палату, прижал руку к сердцу, смущенно поглядывая на стариков. – Вы знаете, я русский язык еще не очень карасе понимаю... Вы по фамилья Новиков? – прищелкивая пальцами, спросил доктор. – Новиков Эс Эн?

– Да, – подтвердил Тасик.

– О! Так вац снимок в порядке. Карасе! Я есть фамилью перепутал.

– Да ну? – удивился Тасик.

– Ну да. С Носиков. Тоужже Эс Эн, но он Сергей... Просьтите! – Жозе Хосеевич краснел и мялся.

Тасик все еще ничего не понимал.

– Вы хотите сказать, Жозе Хосеевич... Что давеча это был не мой снимок? И у меня... Никакой опухоли в голове нет? Карасе, значит? – добивался он.

– Нет! У вас нишшего в голове нет. У вас карасе! – горячо закивал доктор-иностранец. И тут же ретировался, угрызаемый стыдом за свою ошибку.

– Ну что ж... – По лицу Тасика расплзлась довольная ухмылка. – Это карасе, что карасе. Чудо, Майка! Правда? Прямо рождественское чудо, а?!

Повернув голову, Тасик наткнулся на Майкин взгляд и, поперхнувшись, закашлялся.

Майка встала.

Проведя одну половину ночи под кроватью, а другую – на торчавших из кровати железках, она, безусловно, не считала, что тут все совершенно карасе.

Кое-что она готова была оспорить.

– Чудо? Чудо-юдо... Значит, ты даже снимок не удосужился проверить?! – свистящим шепотом вытолкнула она сквозь узкую щель рта. – Диверсант!..

Башенка танка самонавелась, стремительно изготовившись к бою.

8. Ольга Лукас. Лапа ищет человека

Лапу бросили за четыре дня до Нового года.

Медсестра Рая сразу заподозрила неладное. Так она потом рассказывала всем сотрудникам и посетителям клиники «Кошачий лекарь»:

– Я сразу заподозрила. Когда ребенка оставляют в кабинете одного – что это за хозяева такие?

«Ребенок» – значит, четвероногий пациент. Рая всех животных называет детьми. Особенно тех, кто нуждается в медицинской помощи.

Но Лапа ни в какой помощи не нуждался. Хозяева принесли его на осмотр, оставили в кабинете доктора Иванова, а сами пошли к Максиму, заводить карточку пациента.

Максим – администратор клиники и будущий ветеринар. На самом деле он хоть завтра может идти и лечить животных, он это умеет, и опыт у него есть. Но он хочет работать только в «Кошачьем лекаре». Вот и ждет, когда клиника расширится, и ему выделят отдельный кабинет для приемов. Пока же он консультирует хозяев по телефону, выписывает карточки, принимает оплату и ведет хозяйство. А помогает ему Подарок – серый кот дворовой породы, один из старейших сотрудников «Кошачьего лекаря».

Подарок успокаивает животных, которые пришли на прием, поддерживает их хозяев и деликатно удаляется на кухню, если в кошачью клинику приводят собаку. А один раз безутешные хозяева принесли попугайчика, которого потрепала соседская кошка. И потребовали, чтобы вслед за Подарком убрались все коты, ожидавшие своей очереди в коридоре! Ведь от этих хищников – одни когти чего стоят – всего можно ожидать, а бедная птичка уже настрадалась. Но Максим навел порядок, взял попугая под свою

защиту, и вскоре доктор Иванов уже осматривал пернатого пациента.

Так вот, когда хозяева Лапы подошли к стойке администратора, чтобы оформить все необходимые документы, Рая сразу заподозрила неладное, а Максим – нет.

– Порода – шотландский вислоухий. Цвет – дымчатый. – записал он в карточку пациента. – Сколько лет коту? Не больше двух, да?

– Где-то около двух, – кивнула хозяйка. – Мы точную дату потеряли. Понимаете, записали на бумажке, положили в секретер и потеряли.

– Понимаю, – сказал Максим, привычным движением смахивая на пол исписанные мятые листки, которым не место на стойке администратора клиники. – Как зовут?

– Ирина Владимировна. А мужа – Аркадий Кириллович.

– Котика как зовут.

– Понимаете, – смутилась Ирина Владимировна, – мы записали на бумажке его возраст, и паспортное имя, и породу, что там еще?

– Родителей! – подсказал Аркадий Кириллович. – Дипломированные медалисты!

– И положили в секретер? – догадался Максим. – Но называете же вы его как-то. Когда погладить хотите, например.

– Погладить? – удивился Аркадий Кириллович.

– Мы его зовем Лапа! – внесла ясность супруга. – Понимаете, когда нам его принесли, он был – ну вылитый лапоть. Такой, знаете, каким щип хлебают. Мы сначала назвали его Лапоть, а потом сократили до Лапы.

– Тогда я записываю: кличка – Лапа, – сказал Максим. Он не стал говорить, на кого, по его мнению, похожи сами хозяева шотландского вислоухого котика (Аркадий Кириллович – на лысого ежика в тесном костюме, Ирина Владимировна – на метелочку для пыли, сделанную из разноцветных синтетических волокон).

– У него и документы какие-то должны быть, у заводчика, – подал голос Аркадий Кириллович.

– Не надо. Сейчас мы заведем ему карточку. Какие жалобы?

– Жалобы? Вы знаете, он ковер царапает, – начала перечислять Ирина Владимировна, – потом – будит нас в выходные рано утром, чтобы поесть ему дали. Еще рассыпает в туалете свой наполнитель. Потом – топает по ночам по коридору. Один раз уронил с полки сувенирную фигурку.

– Из крана пьет, когда у него миска своя есть! – наябедничал Аркадий Кириллович. – Шерстью на брюки линяет! Вечером, как придем, – прохожу от него нет, все лезет, куда мы – туда и он! Под ногами шныряет!

– Значит, на здоровье жалоб нет, и вы решили удостовериться, что с животным все в порядке? – уточнил Максим.

– Мне сотрудница на работе сказала – отвезите вы его в клинику и осмотрите, чего он у вас бегаёт по ночам и всех будит, – пояснила Ирина Владимировна, – может, он психический.

– У сотрудницы свои коты есть?

– Что вы, нет, конечно. Ей только котов не хватало, с ее-то детьми. Все как один ненормальные!

– Вы только не волнуйтесь. Доктор сейчас осмотрит вашего котика, мы подлечим его, если понадобится. В дальнейшем будете привозить его раз в год на плановый осмотр. Ветеринары нашей клиники также выезжают на дом. Но к здоровому животному врача вызывать смысла я не вижу.

– Раз в год? – нахмурился Аркадий Кириллович. – Знаете, молодой человек, вы пока тут заполняйте все, а мы сходим в банкомат, снимем деньги. Чтобы заплатить вам за работу, за прием. За лекарства там всякие.

Максим кивнул, и хозяйева Лапы ушли. Отключили телефон и больше не вернулись. Оставили в клинике своего шотландского вислоухого друга. Решили, наверное, что это слишком дорогое удовольствие – раз в год на осмотр приезжать. А вдруг кот окажется психическим, как предрекала сотрудница Ирины Владимировны? Тогда вообще расходов не оберешься.

А Лапа-то об этом ничего не знал! Он терпеливо сносил все медицинские манипуляции: доктор Иванов умеет успокоить даже самого тревожного котика. Вот, только когда осмотр закончился и показал, что пациент совершенно здоров, некому было за него порадоваться. И заплатить по счету.

Рая, которая, как мы помним, с самого начала заподозрила неладное, но почему-то молчала, схватила «ребенка» в охапку и начала его укачивать.

Лапа обмяк у нее на руках, как плюшевая игрушка. Впервые в жизни он покинул квартиру, в которой жил почти два года, оказался среди незнакомых запахов, и хозяйева куда-то исчезли.

Появились новые пациенты, и Рая вынуждена была заняться ими. Лапу отдали Максиму. А тот перепоручил его заботам Подарка.

Увидев другого кота, по виду здешнего хозяина и начальника над всеми людьми, Лапа прижал и без того обвисшие уши, весь съежился и стал медленно отступать к выходу.

– Не бойся меня, пошли, – коротко сказал Подарок и повел новенького на кухню. – Ешь, пей. Туалет сам найдешь. Надеюсь, ты приучен? Захочешь отдохнуть – вон там шкаф со швабрами, на верхней полке сплю я, можешь устраиваться этажом ниже. Освоишься – приходи, поговорим.

Лапа хотел внимательно обнюхать кухню, но за дверью послышались шаги, и он прыгнул вверх, в сторону, снова вверх – и оказался в пластмассовой синей бочке. В сентябре в ней привезли песок, и доктор Иванов велел ее не выбрасывать: летом эта бочка пригодится ему на даче. Сейчас же бочка стояла в углу, занимала место и не приносила никакой пользы. До тех пор, пока в нее не прыгнул Лапа.

В бочке было уютно и безопасно. Пахло песком и пластмассой, но это были неопасные запахи. Весь мир оказался за пределами синих стен, и дымчатый шотландский вислоухий решил обдумать все, что с ним произошло. Но вместо этого уснул.

Лапы хватились лишь к вечеру: Максим каждый час звонил нерадивым хозяевам, но те, как видно, не просто отключили телефон, но для надежности еще и закопали его в землю на перекрестке трех нехоженых дорог где-нибудь в глухомани.

Подарок был занят важным делом: успокаивал сиамских котят, прибывших на первый в жизни осмотр. Доктор Иванов ушел сегодня пораньше, зато вернулась с выездов Анна Борисовна, чтобы закапать в глаза своей постоянной пациентке, престарелой болонке Кумушке. По правде сказать, хозяйка Кумушки, одинокая старушка, и сама прекрасно справлялась с этой процедурой, но ей нравилось приходить в клинику, чтобы поболтать с Раей.

– А где же кот-то ваш новый? Или его в карантин закрыли? – спросила разговорчивая бабулька, когда запас дневных сплетен был исчерпан.

Тут всполошился Максим: он оставил Лапу на попечение Подарка, потом приехали эти сиамские, и Подарок приступил к своим должностным обязанностям. Но котят уже собрали в переноску, клиника скоро закрывалась, и надо было решать, оставлять вислоухого подкидыша на ночь или временно пристроить к кому-то из сотрудников?

– Убежал, должно, – рассуждала хозяйка Кумушки, – коты по запаху дом находят. У нас жильцы из пятого подъезда забыли как-то раз кошку на даче...

Увлекательную историю о путешествии соседской кошки, преодолевшей все препятствия на пути к родному пятому подъезду, слушать было некому: Рая, Максим и Подарок отправились на поиски Лапы.

Но нашла его Анна Борисовна: зашла на кухню попить кофе, сняла с полки свою любимую оранжевую чашку, привычно споткнулась о синюю бочку, которую доктор Иванов будто нарочно поставил на дороге, и вдруг увидела в бочке кота, о котором уже столько всего сегодня слышала!

– Вы посмотрите на этого Диогена! – шепотом сказала Анна Борисовна, вернувшись в коридор, где обычно ждали приема животные и их хозяева, а теперь сидела только хозяйка Кумушки.

Все, кто еще оставался в клинике: сама Анна Борисовна, Рая, Максим, Кумушка и ее хозяйка, – на цыпочках зашли в кухню и по очереди заглянули в бочку. Для чего Кумушку, к примеру, пришлось поднять в воздух. Такое обращение ей не понравилось, о чем она сообщила посредством недовольного гавканья, переходящего в капризный визг.

Шум, возня и суета разбудили Лапу. Он ошалело огляделся по сторонам, выгнул спину и сиганул вверх.

– Вы на бешенство его проверяли? – испуганно спросила хозяйка Кумушки. – А то у одних тут из восьмого подъезда собака бешеный барсук покусал...

И снова слушатели разбежались, не захотели знать, что стало с собакой и барсуком, – может быть, они излечились от бешенства и стали большими друзьями?

Лапа заметил приоткрытую входную дверь и решил прорваться к ней во что бы то ни стало. Обманным прыжком заманил в тупик Анну Борисовну, распознал ловушку, которую приготовила ему Рая, но все-таки угодил в руки Максиму и затих, признавая поражение.

– Мы тебя, Максим, завтра тоже на бешенство проверим, а сегодня пора закрываться, – сказала Анна Борисовна, которой так и не удалось попить кофе.

– Идите, я с ним поговорю, – ответил Максим. – В случае чего – возьму к себе домой. Двери тут все закрою, электроприборы выключу.

– Тебе уже надо диван у начальства просить, – заметила Рая. – Поставим рядом с рабочим местом. Чтобы туда-сюда не мотаться.

Когда все ушли, Максим вернулся к своему столу, посадил вислоухого котика на колени и, машинально почесывая его за ухом, стал разговаривать с компьютером.

Прежние хозяева Лапы с компьютером разговаривали редко: только если он зависал на самой середине интересного фильма. Днем они очень много работали, а по вечерам смотрели кино с погонями и стрельбой. Лапа лежал рядом на диване, его как будто не замечали. И погладили всего несколько раз, словно по ошибке. Да здесь, в этой клинике, за один день он получил больше внимания и любви, чем дома – почти за два года!

Максим перестал гладить вислоухого подкидыша. Разговор с компьютером у него не клеился.

Лапа не очень понял, что к чему. Вроде бы администратор клиники просил, чтобы

компьютер его выслушал, а компьютер – неисправный, должно быть, – сердился и категорически отказывался это делать. Знаете, как сердится компьютер? Он кричит высоким пронзительным голосом: «Пусть коты тебя слушают, а мне не звони больше!» – и замолкает.

Ничего не добившись от несовершенной техники, Максим погасил экран, пересадил Лапу в ящик стола и принялся катать шарики из накопившихся за день листков. На этих листках он записывал телефоны и адреса пациентов, имена животных и их хозяев, названия лекарств, которые необходимо срочно заказать в клинику, и просто какие-то посторонние вещи, вроде списка покупок на ближайшие дни.

Воспользовавшись моментом, Лапа улизнул на кухню: теперь, когда и людей, и тревожащих запахов стало меньше, он почувствовал сильный голод и спешил подкрепиться.

Он не заметил, когда рядом оказался Подарок.

Старожил был крупнее и сильнее, он улегся, перегородив выход из кухни.

– Никто тебе так ничего и не объяснил, – спокойно сказал Подарок, – в нашей клинике это обычное дело. Но я умею объяснять, у меня работа такая.

– Работа? – повторил Лапа, укладываясь на пол напротив Подарка, но так, чтобы в любой момент подскочить и дать стрекача.

Кот Подарок был из числа животных, которые сами зарабатывают себе на миску корма и теплую лежанку. Он, как и Лапа, был подкидышем.

– Было у нашей мамы трое детей: двое умных, один – счастливый, – так всегда начинал свой рассказ Подарок. – Вернее, одна. Наша трехцветная сестренка понравилась соседям. Они говорили, что такие кошки приносят счастье. Может быть. Маркиза, во всяком случае, абсолютно счастлива. Раз в год мы встречаемся, когда ее приносят сюда на осмотр. Знали бы ее хозяева, что будет дальше, – взяли бы к себе и нас с братом.

Лапа мысленно перенесся в прошлое, в квартиру, где родились три маленьких котенка, одним из которых был его собеседник.

Недолго котята жили в теплой квартире: в одну холодную ночь, когда мама-кошка спокойно спала, Подарка и его брата положили в картонную коробку и отнесли на крыльцо клиники «Кошачий лекарь». К счастью, рассеянный доктор Иванов в тот день забыл выключить в своем кабинете обогреватель. Дважды его уже штрафовали за это, и платить третий штраф он не хотел – а потому, ругая свою забывчивость, вылез из теплой постели, оделся, вышел во двор, сел за руль и поехал в клинику. И обнаружил на пороге замерзающих котят.

На следующий день Рая обклеила все столбы, водопроводные трубы и доски грозным объявлением: «Кто подбросил на крыльцо „Кошачьего лекаря“ двух котят-мальчиков, серого и рыжего? Пусть сознается сам, я его все равно найду, и пощады не будет!»

Конечно, никто не сознался. Зато за рыжим котенком пришли печальные дедушка и бабушка, недавно потерявшие пожилого рыжего любимца, постоянного пациента клиники.

– Как вы их назвали? – деловито осведомился дедушка.

– Пока никак, – ответил доктор Иванов, – не до того было. Глистов гнали, глаза им промывали.

– А если глистам промыть глаза – они все поймут и уйдут сами? – заинтересовалась бабушка.

– Я зову их Подарок. И того и другого, – вмешалась Рая. – Они же нам бесплатно

достались. Вроде как в подарок.

– Нет, бесплатно животных брать нельзя, плохая примета, – сказала бабушка. – Давайте мы вам заплатим за глистов и за глаза. И возьмем себе этого, рыженького.

– Подарок остается у вас, – подытожил дедушка, – а наш будет зваться Неподарок.

Так и порешили.

Лапа молча слушал эту историю. Он уже несколько раз мог выскочить в приоткрытую дверь кухни: Подарок не успел бы его поймать, так он был увлечен воспоминаниями.

– Тебе повезло, что доставили сразу в клинику, – закончил он свой рассказ, – на крыльце было холодно. И крышки у коробки не было. Сверху мокрый снег сыпался. И вокруг столько опасных запахов, звуков, шорохов.

– Здесь их тоже много! – вставил Лапа.

– Чепуха. Если будет какая-то опасность – я тебе сообщу. А пока будь как дома. Тебе дома что запрещали делать?

– Под ногами болтаться. Но я все равно болтался, – признался Лапа.

– Тут под ногами болтаться можно. Персонал опытный, на хвост ни разу не наступили. Но в кабинеты во время приема не лезь – можешь напугать пациентов. И еще – не роняй цветочные горшки. Понимаю, что многого прошу. Но, пожалуйста, – горшки не сбрасывай. Даже не подходи к ним, чтобы не было искушения. И вообще – забудь, что тут есть подоконники. Никогда не знаешь, куда Рая приткнет свои алоэ и фиалки, а они с таким шикарным грохотом падают. Нет-нет, не думай про эти горшки! – Подарок, кажется, самому себе это пытался внушить, а лапы его делали такие характерные сбрасывающие движения.

– Цветы, кабинеты – это все? Или тут еще что-то запрещается? – напомнил о себе Лапа.

Подарок вздрогнул, пришел в себя, чуть не вскрикнул: «А, кто здесь?» – но вовремя спохватился, вспомнив, что он – старожил, дающий советы новенькому, и степенно продолжал:

– Нельзя разорять рабочий стол Максима. Там всегда в конце дня чашки стоят, блюда всякие, бумажки валяются скомканные. Ничего не трогай! Кажется, что это мусор и с ним можно поиграть, – а наутро выясняется, что заиграл важный документ. Не лезь туда, словом. Максим утром придет, все уберет, заодно и проснется.

Следующее утро и в самом деле началось с того, что Максим тщательно убрал и протер свой стол, унес на кухню чашки, вымыл их и поставил на место.

– И хоть бы раз вечером порядок навел, так нет же, все с утра! – попеняла ему Рая.

Она тоже приехала пораньше, привезла «ребенку» – Лапе то есть – мягкую лежанку, игрушечную мышь с колокольчиком, две миски и индивидуальный туалет.

Туалет и миски Лапа одобрил – ему было очень неловко теснить Подарка. Лежанку понюхал и отверг. Мышь взял в зубы, прыгнул с нею в синюю бочку – и был таков.

– Диоген! – снова сказала Анна Борисовна, заваривая утренний кофе.

Начался прием, пошли пациенты. Улучив момент, Лапа спросил у Подарка, что такое Диоген.

– Был такой философ, – небрежно пояснил Подарок. – Жил в бочке. Искал человека.

– Как это – искал человека? Что значит – философ?

– Подробности я не понял, – признался Подарок, – так, подслушал пару разговоров, сделал выводы. Но полагаю, что философ – это такая древняя греческая порода котов. А

человека он искал как все мы. Кто нашел своего человека – тот знает, что это такое. Я-то не знаю, по-моему, выдумки это все. Ну да сегодня здесь будет Неподарок, он объяснит тебе свою теорию.

Сказавши это, Подарок отправился встречать новую посетительницу – девочку, которая принесла за пазухой печальную морскую свинку. Пока Анна Борисовна и доктор Иванов были заняты, Максим быстро осмотрел свинку и сказал, что ей нужно поскорее подточить зубы, и все будет в порядке.

– Максим – тоже доктор? – спросил у Подарка Лапа, когда они столкнулись на кухне.

– Тут все доктора. Даже я уже немножко доктор. Но считается, что по-настоящему докторов у нас только двое. Первый доктор – Анна Борисовна. Это которая тебя Диогеном называет. Она ко всем пациентам обращается знаешь как?

Лапа не знал.

– Котик! Представляешь? Даже если это вот такенный мраморный дог. А она ему: «Котик, открой ротик!»

– И что?

– Открывает. А доктор Иванов – это наш доктор номер два – тот всех называет «больной». Даже если здорового кота привели на осмотр. Что там... у него и я вечно – «больной»! Поначалу я показал ему, какой я «больной», – порвал там кое-что, поцарапал, горшки цветочные покидал. Но он как не понимает, твердит одно: «Больной, не балуйтесь!»

Тут как раз на кухню вышел доктор Иванов.

– Ну что, больной? – весело спросил он у Лапы. – Обустроиваешься? Молоток. А я сейчас обедать буду. Кому сосиску вредную, но вкусную? Пока Рая не видит?

Сосиски они честно поделил между собой, и Рая, поборница здорового питания, как среди людей, так и среди животных, про то не узнала.

О том, что наступил вечер, Лапа понял по пустым чашкам и скомканным бумагам на столе у Максима. Пришла Кумушка в сопровождении хозяйки. Рая объявила, что сегодня ей некогда болтать, она решительно идет к зубному, и не хочет ли Подарок сопровождать ее и поддерживать на этом мероприятии? Подарок никак не отреагировал – уже почти час он не спускал глаз с входной двери. И вот – стены клиники огласил его победный мяв!

Так он приветствовал седого старичка, еле тащившего большую красно-белую переноску. Не успел хозяин открыть дверцу переноски, как Лапа уже знал, что сейчас его познакомят с Неподарком.

Два брата обнюхались после долгой разлуки. Лапа наблюдал за ними издали. Неподарок был бы точной копией Подарка – если бы не рыжая масть. Даже глаза у него были рыжие!

Доктор Иванов выглянул из своего кабинета и сказал, что готов принять «больного».

После осмотра Подарок представил брату новенького.

– Ищи своего человека, – внимательно осмотрев Лапу, сказал Неподарок, – ты не из тех, кто может быть сам по себе.

– Ищи да ищи! – сердито зашипел Подарок. – Где искать, можешь ты объяснить? Или рецепт ему выпишешь?

– Это не бывает по рецепту, – помолчав, сказал Неподарок. – Когда сюда пришли

мои хозяева, я понял сразу. Вот – мой человек.

И кот указал взглядом на старичка, который, сидя на скамейке, о чем-то разговаривал с хозяйкой Кумушки.

– Но их же было двое. Как я слышал, – робко подал голос Лапа.

– Их и сейчас двое. Но бабушка была человеком прежнего кота. Она и сейчас его вспоминает. Знаете, когда они пришли в тот раз, они ведь не хотели брать котенка. Просто гуляли, ходили туда-сюда и зашли погреться. А потом дедушка увидел меня, я увидел его – и все. Когда соседи пришли за нашей сестренкой Маркизой – они взяли ее не потому, что она трехцветная и счастье приносит. Это были ее люди. А она была их кошкой.

– А бывает, что человеку совсем не нужен кот? – совсем осмелел Лапа.

– Бывает. И часто! Кому-то нужна, к примеру, лошадь. Или вон, – он кивнул на хозяйку Кумушки, – собака. Каждому кто-то нужен. Только не нашему Подарку.

– Мне нужны они все! На кого-то одного я не согласен! – воскликнул Подарок, обводя лапой помещение.

– Конечно! Все – значит, никто! – фыркнул его брат. Как видно, такие споры были у них не редкость.

Лапа отошел в сторону – ему надо было все как следует обдумать. Он и сам не заметил, как очутился в синей бочке.

– Диоген снова на посту! – объявила Анна Борисовна. Ей очень хотелось, чтобы нового кота звали не Лапа, и уж тем более не Лапоть, а как-нибудь культурно. Все-таки интеллигентная клиника, а не склад готовых гвоздей. Но ее выдумку никто не поддержал.

Следующее утро Максим начал не с уборки – хотя за ночь поверхность его стола не сделалась ни на вот столько чище, – а с украшения клиники к Новому году. Достал из кладовки коробку с гирляндами и фонариками, принес белую пушистую елочку, навесил на нее синие стеклянные шарики. Включил музыку, навевавшую мысли о скором празднике.

– На штоле бумаги шобери, елку не видно! – прокомментировала Рая.

– Вижу, ваш поход к зубному состоялся, – вежливо кивнул Максим.

Потом, почти одновременно, пришли доктор Иванов и Анна Борисовна. Максим сказал им, что сегодня забезжит Лешка, и они очень обрадовались.

– Лешка – это тоже кот? – спросил у Подарка Лапа.

– Нет, он человек. Это наш практикант. Осенью работал в клинике, помогал Рае, а сейчас за учебу взялся, хвосты сдает.

Лапа вздрогнул. Нужно было сразу спросить у Подарка, какие такие хвосты сдает этот Лешка, но он не решился. А вскоре ответ явился сам собой. На прием пришли мама и дочка и принесли крепкого темно-бурого бесхвостого кота. Кот ни видом, ни запахом не походил на больного, но доктор Иванов все равно назвал его «больной» и пригласил вместе с хозяевами в кабинет.

– Еще один наш постоянный пациент, – сказал Подарок, когда дверь в кабинет закрылась. – Его зовут Медведик.

– Это его Лешка так? – с ужасом спросил Лапа. – За что?

Подарок помотал головой, выражая недоумение.

– Хвост отрезал, – выговорил Лапа страшные слова.

Подарок захохотал так, что даже на пол повалился. И рассказал Лопе, что «хвостами» у нерадивых студентов и школьников называются не сданные вовремя экзамены и зачеты. А Медведик – он из курильских бобтейлов. Это такая порода. Никто

этим котам хвосты не отрезает, они у них сами по себе растут короткие и пушистые.

Лапа устыдился своей необразованности. Он двинулся было к своей бочке, но Подарок остановил его:

– Ерунда, со всеми бывает. Поработаешь тут – привыкнешь к тому, что коты хоть и похожи, но все разные. Я, когда тебя увидел, решил, что тебе уши отрезали! – признался он. – Мне уже потом Максим объяснил, что у тебя порода такая – вислоухая.

Лапа помотал головой: уши как уши, у него с детства такие. Потом полюбовался своим хвостом и все-таки отправился отдохнуть в синюю бочку.

Он не слышал, как ушел курительский бобтейл Медведик, как двое мальчишек притащили с улицы кошку, нализавшуюся крысиной отравы, как всем сотрудникам, за исключением Подарка, пришлось держать большую собаку, которая до смерти боится уколов. Проснулся Лапа только к вечеру. И как раз к приходу Лешки.

Потягиваясь по очереди каждой из четырех лап, вислоухий котик выплыл из кухни. И увидел незнакомца, который держал в руках вяло подрагивающий лысый хвост!

– Вот, Лешка, смотри, взяли тебе на замену сотрудника, – сказала незнакомцу Рая. – Наши зовут его Диоген. Сокращенно – Лапа.

Лапа не спускал глаз с хвоста. Значит, это правда. Этот Лешка – никакой не студент, а просто мучитель котов. Сейчас поймает – и...

Не помня себя, Лапа побежал по коридору, свернул в темный пустой кабинет, где (так бесконечно давно!) его осматривали в первый раз, забрался на подоконник и затаился между жалюзи и оконным стеклом.

Очень скоро в кабинете зажегся свет, и вошли доктор Иванов и Лешка.

Лешка продолжал разговор, начатый в коридоре:

– Вышел из спячки, а она не знает, как его туда обратно загнать и надо ли. Ужик-то старый. В смысле, пожилой. Двенадцать лет ему. И главное, непонятно, зачем проснулся, всегда спал всю зиму, как паинька.

– Сейчас посмотрим, – сказал доктор Иванов, направляясь к раковине. – Давно проснулся? Ел с тех пор что-то? Какую активность проявлял?

Лапа слегка раздвинул жалюзи и выглянул в щелочку. Чудовищный Лешка положил отрезанный хвост на стол для пациентов, а добрый доктор Иванов собирается его осматривать!

Роняя по дороге горшки с цветами, Лапа кинулся прочь. Дверь, по счастью, была незаперта, он вылетел в коридор, пробежал его насквозь, ворвался на кухню и прыгнул в бочку, где чувствовал себя в безопасности. Здесь и нашел его поздно вечером Подарок, когда люди разошлись по домам.

– Молодец, показал себя, – беззлобно усмехнулся он. – Скажи, завораживающее зрелище, когда горшок медленно срывается с подоконника и летит вниз, а потом разлетается на миллион кусочков? Ну-ка, говори быстро, что это зрелище тебя заворожило! Заворожило или нет?

– Хвосторез ушел? – тихо спросил Лапа. – Тебя не тронул?

– Лешка-то? Да говорю тебе, не режет он хвостов.

– А почему с хвостом пришел? А доктор Иванов ему помогал!

– Да какой хвост – это он ужа принес на осмотр! Уж, понимаешь, змея такая. Не ядовитая даже. Знаешь, что такое змея?

Лапа не знал.

– Змея – это такой длинный голый хвост с головой, и он живой, как ты и я. Одна

такая змея, по прозванию уж, живет у Лешкиной знакомой. И вдруг этот уж проснулся, хотя зимой всегда впадает в спячку. А оказалось знаешь что? Рядом с его домиком протянули новогоднюю гирлянду, она светит, всякими огоньками переливается, ну и разбудила его. Придется ужу отмечать Новый год вместе с хозяевами.

В коридоре было темно. Только на столе у Максима мигал зеленой лампочкой невыключенный монитор.

– Давай на елочку поглядим? – предложил Подарок. – Только, чур, не сталкивать ее на пол.

– Так ты же сам говорил, что нельзя на стол Максима, – напомнил Лапа.

– Со мной – можно, – снисходительно ответил Подарок.

Коты осторожно запрыгнули на стул, потом – на стол, не потревожив ни одной скомканной бумажки. Шарик на елке тонко-тонко зазвенели.

– Меня на праздники к себе Максим возьмет, тебя, наверное, тоже, – сказал Подарок. – У Максима я еще не был. Вот у доктора Иванова несколько раз отмечал Новый год. Он любит, когда много гостей. Приезжают его братья, дети, племянники – полон дом народу, все так и норовят тебя потискать, погладить, помять. У Анны Борисовны я только один раз был. Там котов уважают, без спросу не мнут. Но никуда нельзя прыгать, кругом стеклянные безделушки. Вдобавок у ее мужа аллергия на шерсть, так что я несколько дней отсиживался в комнате дочери. А она меня все вычесывала и вычесывала, а я все урчал и урчал, как котенок. Никогда ни до, ни после я так много и громко не урчал.

– Может быть, эта дочка и была твоим человеком? – тихо спросил Лапа.

– Да ты что, поверил в сказки моего рыжего брата? Он кого хочешь взбаламутит. Не нужен тебе никакой человек! И мне не нужен!

Подарок от возмущения даже хлопнул лапой по столу. Задел компьютерную мышь. Экран осветился.

– Ты что делаешь! Положи как было! – испугался Лапа. И подвинул мышь обратно. Но, видно, нажал на какую-то кнопку, потому что на экране вдруг возникло недовольное женское лицо.

Подарок ничего не заметил, продолжая любоваться елочкой, а вот Лапа уставился в экран, как будто незнакомка была для него самым родным и важным человеком на свете.

– Прекрати уже мне звонить! Не надо ничего объяснять! Я прекрасно обойдусь без твоих объяснений! – послышался из динамиков сердитый голос.

И вдруг злость пропала. Как будто налетел сильный ветер и прогнал тучи, сгустившиеся над крышей.

– Ко-отик! – нежно сказали динамики. – Ми-илый. Кис-кис-кис!

Лапа, наверное, так бы и просидел всю ночь, разглядывая незнакомое-знакомое лицо, если бы не Подарок. Тот мгновенно среагировал на позывные «кис-кис-кис», оторвался от созерцания елки, понял, что их с новеньким застучали на столе, куда котам лазать нельзя, и взмякнул:

– Лапа, очнись! Влетит нам за то, что полезли на стол! Тут везде камеры слежения! В городе ведь живем, в двадцать первом веке! Ждем отсюда!

Коты грациозно спрыгнули на пол и разбежались в разные стороны, словно их уже пришли ловить и наказывать. Подарок решил отлежаться на своей любимой верхней полке, а Лапу все тянуло к месту преступления: полночи он уныло бродил вокруг стола, бросая опасливые взгляды на потухший монитор, но подойти к нему так и не решился.

Даже если Максим заметил, что коты забирались на его стол, то вида не подал. О разбитых вчера цветочных горшках тоже не вспоминал, решив, что для котика, вероломно брошенного хозяевами, Лапа держится молодцом.

Пациентов почти не было: все готовились к Новому году. Персонал «Кошачьего лекаря» собирался уйти сегодня пораньше, если не случится чего-то выходящего из ряда вон.

Максим достал из кладовки две переноски, открыл и поставил на кухне, чтобы Лапа и Подарок привыкали.

– В них он повезет нас к себе, – пояснил Подарок. – Новый год уже сегодня ночью! Хорошо бы на столе у него была курица, я очень курицу люблю.

Максим три раза подряд позвонил бывшим хозяевам Лапы – телефон их по-прежнему был недоступен.

– Зря стараешься, – сказала Рая, – кто ребенка один раз бросил, тот уже не одумается.

– Их может оправдать только одно, – заметила Анна Борисовна, – если по пути в банк их похитили инопланетяне.

– А где больные? – выглянул из своего кабинета доктор Иванов. – Или их тоже инопланетяне похитили?

– У нас по плану только Кумушка в четыре часа, – сказал Максим. – Пойду я для разнообразия пообедаю в кафе. Поем по-человечески суп. Приглашайте тут за хозяйством, цветочные горшки не бейте, на стол не запрыгивайте.

Это он Подарку и Лапе сказал. Значит, все заметил, но ругаться не стал. Вот человечиче!

Четвероногих пациентов не было, но люди в клинику заходили: прибыли два курьера с подарками от благодарных хозяев и их спасенных котиков. Зашли две соседки, поболтать с Раей, обсудить дела уходящего года. Примчался кто-то из детей или племянников доктора Иванова – принес ему забытые дома кошелек и ключи.

А потом появилось знакомое-незнакомое лицо, которое Лапа впервые увидел вчера.

– Я за тобой, – сказал приятный голос, – меня зовут Катя. Если у тебя есть хозяева, я их разорву, потом задушу, потом разорву. Потому что ты теперь – мой кот.

Не снимая теплой куртки и шапки, оставляя на кафельном полу мокрые следы, Катя подошла к Лапе, наклонилась и взяла его на руки.

– Ты самый лучший в мире кот. Ты самый любимый кот. И для меня ты – самый главный кот, – сказала она. И что-то еще в таком же духе.

Учуяв незнакомку, из кухни выглянул Подарок.

А вскоре вернулся Максим.

– Катя! – сказал он. – Раз ты пришла, то выслушай меня, пожалуйста!

– Я не к тебе, – ответила она, – я вот к нему. Если у этого кота есть хозяева, я их сперва разорву, потом задушу, потом разорву.

– Было бы неплохо, – сказал Максим, – они бросили его здесь несколько дней назад. И, согласно договору, могут в течение месяца забрать нашего Лапу.

– Не нашего, а моего! Пусть только попробуют! Тут-то я их разорву, потом задушу, потом разорву! – обрадовалась Катя. – А кота не отдам никому! И мне все равно, с кем ты обещал провести Новый год.

– Да с ним! Вот с ним! – закричал Максим, поднимая на вытянутых руках Подарка. –

Он у нас в клинике работает, и у него совсем никого нет! Я обещал провести Новый год с этим котом!

– А сразу ты не мог объяснить? – рассердилась Катя. – Пожалуй, я разорву тебя, задушу, а потом разорву раньше, чем бывших хозяев моего котика.

Открылась дверь, и вошла Кумушка в сопровождении хозяйки. Обе: и болонка, и бабулька-сплетница – замерли, чтобы не пропустить ни одного слова. Но Рая, доктор Иванов и Анна Борисовна подхватили эту парочку и повлекли в самый дальний кабинет.

– Вы подождите меня тянуть, а что Максим-то? – вырывалась старушка. – Я же с Максимом-то не поздоровалась, пустите-ка меня к нему!

– Капаем в глаза за счет заведения! В честь праздника! Хотите, вам тоже закапаем? – твердила Анна Борисовна.

– Я и челку могу задаром подровнять, в честь праздника-то! – подпевала Рая. – И вам, и собачке вашей. Анна Борисовна, хотите – и вам тоже?

Доктор Иванов вошел в кабинет последним и плотно закрыл дверь, чтобы не мешать разговору людей и котов.

– Машина у дверей, – сказала Катя. – Сейчас возьму моего кота и этого, второго. И повезу на дачу к родителям. А ты приезжай к нам вечером. Если захочешь. А не захочешь – то я...

– Знаю. Разорвешь, задушишь и разорвешь, – улыбнулся Максим и помчался на кухню за переносками.

На даче Лане и Подарку выделили для отдыха целый чердак да вдобавок разрешили бегать по всему дому. Коты договорились исследовать его поодиночке, чтобы потом сравнить впечатления.

Дом был просторным, но спрятаться в нем было негде: ни уголка потайного, ни стола с длинной, до пола, скатертью, ни укромной антресоли. Да Лапа и не думал прятаться – наоборот, он так и норовил оказаться на пути у своего человека – «болтался под ногами», как говорили прежние хозяева. Но Кате это как раз очень нравилось.

– Вот какой у меня кот! Куда я – туда и он! Прямо вот чувствует, что мне надо срочно его погладить! – с гордостью говорила она. Откладывала в сторону стопку чистых тарелок или коробку с гирляндой и наклонялась, чтобы погладить своего серого вислоухого друга.

Она не спрашивала, как Рая: «Ребенок, ты что, голодный? Тебе что-то нужно? Может, ты замерз?» Потому что понимала – ничего сейчас Лане не надо, он почти счастлив. И если его совсем немного погладить, то счастье будет безоговорочным и полным.

Исследовав дом и не найдя в нем ни одного стоящего укрытия, коты вернулись на чердак, сели возле круглого окошка и стали смотреть, как в свете жужжащего уличного фонаря снег падает и падает на заснеженные яблони и сливы.

– На ужин будет курица – я справлялся, – поделился своим открытием Подарок.

– А Катя меня все хвалила, гладила и даже за ухом чесала! – похвастался Лапа.

– Интересный человек эта твоя Катя. Ей бы кошкой родиться! Такая бы не допустила, чтобы ее котят ночью унесли на холодную улицу! Хозяев бы разорвала, а малышей принесла обратно домой.

– И тогда бы Неподарок не нашел своего человека. А ты – работу в клинике. А я бы

не встретил тебя, – заметил Лапа.

– Да и ладно. У тебя вон хозяйка есть. Зачем тебе я?

– А затем, что без тебя я бы ни за что не залез на стол к Максиму и не узнал, что на свете все-таки существует мой человек.

Коты замолчали и снова стали смотреть в окно. А потом на чердак ненадолго забежала Катя, чтобы занести четвероногим постояльцам маленькую пластмассовую елочку, которой не нашлось места внизу.

Когда она ушла (не забыв почесать Лапу за ушком), Подарок всерьез взялся за елку. Это, конечно, был не цветочный горшок, но повалить ее на пол все равно стоило.

Подарок легонько толкнул елку. Она упала, но тут же поднялась, покачиваясь на круглой подставке.

Подарок ударил елку лапой. Она снова упала и вновь вернулась в исходное положение.

Подарок прыгнул на елку, повалил ее – но та оказалась достойным противником и, поднимаясь с пола, отбросила кота к дальней стенке.

Подарок был в полном восторге от елки-неваляшки. Он ронял ее, швырял и опрокидывал – а ей все было нипочем!

– Это куда лучше цветочных горшков, – отдышавшись, сказал он Лапе. – Фиалки ни в какое сравнение с моей елочкой не идут. Да и алоэ, пожалуй, тоже. Попробуй повали ее. А я пока вздремну.

Подарок выбрал для отдыха самую высокую балку под крышей, ловко взобрался на нее и прилег, чтобы набраться сил перед праздничным ужином. А вот Лапа все никак не мог найти себе укрытие: ни закутка, ни щелочки, даже переноски куда-то убрали. Спать ему не хотелось, и он отправился вниз – «болтаться под ногами».

Спрыгнув с лестницы, Лапа сразу же наткнулся на Катю, которая схватила его в охапку и объявила:

– Не кот, а гений телепатии! Только я о нем подумаю – и он тут как тут.

– Это потому, что ты думаешь о нем все время, – улыбнулся Максим.

Он приехал на последней электричке и привез Лапе подарок – синюю пластмассовую бочку.

9. Светлана Томских. НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Около гаражей никого не было. Лунный свет, так рано появляющийся зимой, уже пробежался по железному покрытию гаражей и замер на них четкими светящимися пятнами, откидывая вытянутые тени на рыхлые нетронутые сугробы. Пустырь приобрел в этот предпраздничный вечер особую прелесть: ветки, опавшие с пронесенных по пустырю елок, напоминали о Новом годе и не выглядели сейчас такими невзрачными и жалкими, как утром.

Филиппенко, вдыхая свежий, насыщенный хвоею воздух, засомневался вдруг, стоит ли осуществлять свою затею, но рука уже нащупывала в просторном теплом кармане дубленки ключ от гаража. Он выкатил на улицу поблескивающую при лунном свете машину, полюбовался ее стройным силуэтом и завел мотор. Резкий свет фар словно откинул сугробы. Разрезая снег мощным корпусом, визжа и урча, машина выкатила на шоссе.

...В свой подъезд Филиппенко вбежал возбужденный, перепрыгивая через ступеньки, не дожидаясь лифта. С порога квартиры закричал:

— Лидочка, с Новым годом!

Жена Филиппенко, Лидия, вышла к нему неторопливой, плавной походкой, улыбнулась ему и, стараясь не нарушить наведенной гармонии косметики на лице, только легко прикоснулась к пылающей с мороза щеке мужа. Филиппенко протянул ей сверток, и Лидочка стала заинтересованно разворачивать его:

— Духи! Французские!

Филиппенко так себе и представлял это ее восклицание.

— Спасибо, милый, — она еще раз коснулась его щеки, — но почему так рано? Ведь до Нового года еще осталось время.

— Дело в том, — медлил Филиппенко, — что у меня сегодня дежурство на работе.

— Как дежурство? — духи были отложены в сторону, Лидия пошла следом за Филиппенко на кухню.

В кухне в подготовительном беспорядке стояли праздничные блюда.

— Ну что я, виноват? Назначили. Дай лучше пожевать что-нибудь.

— Так как же? Мы столько людей пригласили...

— Лидочка, — сказал нетерпеливым тоном Филиппенко, — ты пойми, что это не от меня зависит.

— Надо же, — сокрушалась Лидия, — в самый Новый год дежурство.

— Мне тоже очень жаль, — Филиппенко отодвинул немного кухонную занавеску и взгляделся в темноту, пытаясь различить силуэт стоящей там машины.

В кухню забежал их сын — Димка. Схватил что-то на ходу, запуская по-детски узенькую ладошку в салатницу.

— Мам, пап, не хочу вам мешать и удаляюсь на торжественную часть в другое место.

— Куда ты удаляешься? — переспросил тоном, не обещающим ничего хорошего, Филиппенко.

— К друзьям, — ответил Димка.

— Я ухожу на дежурство, а мать что — одна будет?

— Одна, — протянул Димка, — сами наприглашали кучу народа, а теперь — одна.

— То — чужие люди, — назидательно сказал Филиппенко, — а ты сын. Новый год, как знаешь, семейный праздник.

— А сам-то уходишь.

— То — я, — строго ответил Филиппенко, думая, что сын совсем разболтался, недаром говорят, что переходный возраст — 15 лет — самый трудный, — у меня дежурство на работе.

— Ну, ладно, — недовольный Димка ушел.

Филиппенко посмотрел на часы, стрелка подходила к восьми, с минуту на минуту должны быть гости. Филиппенко не хотелось с ними встречаться, чтобы не пожалеть, что праздник пройдет без него. Филиппенко сдернул с вешалки дубленку и, на ходу застегиваясь, выбежал во двор.

Машин становилось все меньше — водители спешили домой, всюду попадались такси с неумолимыми табличками «в парк». Все чаще машину Филиппенко останавливали люди с поднятыми руками. Он лениво притормаживал, пассажиры, весело галдя, усаживались, звонко хлопая дверцами машины. Все веселей становились компании, почти не считая, совали скомканные бумажки денег и исчезали. Филиппенко на ладони взвешивал пачечки мятых рублевков, так же не считая, заталкивал их небрежно в карман. Постепенно эта затея все больше нравилась ему, он радовался своей предприимчивости, смешны стали

сомнения. Праздников, в конце концов, он встречал в своей жизни достаточно, все они были чем-то похожи, а воспользоваться этим праздником ему пришла идея в прошлый Новый год, когда они сами сели вот так же к какому-то автолюбителю и сунули ему денег гораздо больше, чем следовало бы...

Филиппенко, насвистывая, ехал дальше. Не пренебрегал он и крупными компаниями. Платили они немало, а милиция в Новый год смотрит на нарушения сквозь пальцы.

Филиппенко вначале старался проехать по каким-нибудь темным переулкам, но безнаказанность опьяняла, и он оказывался на центральных улицах. В двенадцатом часу поток пассажиров схлынул, еще брели одинокие фигурки с шампанским в руках, но в машине они не нуждались. Последними пассажирами до встречи Нового года оказалась стайка девушек — совсем молоденьких. Филиппенко машинально отыскивал взглядом среди них самую красивую, прошелся взглядом по их раскрасневшимся личикам и отметил одну — в пушистой шапочке — не красивая даже, еще по-детски милая — курносая, с задорными темными глазами, она все смеялась, а Филиппенко поглядывал на нее в зеркальце — несколько покровительственно. Девчонки болтали, хохотали громко и старались вовлечь его в свой разговор. Филиппенко не отмалчивался, но поддерживал их разговор с некоторой солидностью, важностью, как бы снисходя до них. Ему вдруг захотелось еще раз увидеть эту девочку в пушистой шапочке, неизвестно даже зачем. Уже на площади, куда девушки и направлялись, решился и спросил у нее: «Может, встретимся?» Она покраснела, пожала плечами, Филиппенко вытащил блокнот с корочкой из натуральной кожи и записал ее телефон. С девушек денег пришлось не брать. Филиппенко сидел в раздумье, не опрометчиво ли он поступил, взяв у нее телефон. Может и не позвонит никогда, а путь неблизкий проехал, потом махнул рукой: да разбогатеет, что ли, девчонки небогатые, хоть праздник и располагал к щедрости, а все равно, видно, первокурсницы, со стипендии много ли денег? Рукой махнул, а сомнения остались. Филиппенко подумал, ехать ли за новыми клиентами, или дождаться начала Нового года — встретить тут на площади, под общее «ура!»? Он задумчиво смотрел на раскачивающиеся игрушки на елке. Подбежал мужчина:

— Довези, друг, очень надо.

Филиппенко оценивающе глянул на него: ничего, видно, при деньгах, но нет, надо Новый год не в машине встречать, и сказал твердо, вовсе не затем, чтобы набить цену:

— Посмотри-ка на часы, скоро двенадцать, я не человек, что ли?

Мужчина продолжал просить, стал протягивать ему двадцатипятирублевку.

Филиппенко покосился на нее: да что он — дурак из-за этого «ура» торчать здесь на площади, — раскрыл заднюю дверцу, правда, не сразу, еще некоторое время не отказывая себе в удовольствии послушать мольбы мужчины. Вскоре пассажир вылез из машины и, видно, даже не жалея своей четвертной, пожелал ему счастливого Нового года, пригласил было даже к себе, Филиппенко кисло поблагодарил и поехал снова в сторону площади. Теперь, когда часы пробили двенадцать, многие направлялись на улицу, и Филиппенко был нарасхват. Он не подвозил каждого желающего, а все что-то высматривал, выгадывал, как заправский таксист, и даже интонацию усвоил новую: приятельски-небрежную. И деньги сыпались на него, как из рога изобилия. Он устал уже от этих денег, мелькавших перед его глазами, которые он скидывал в глубь кармана.

И все бы ничего, если бы не эта подвыпившая компания, подбежали: «Шеф, едем». Филиппенко неторопливо вытащил изо рта сигарету и, глядя равнодушно в сторону, спросил: «Куда?» Все на разные голоса стали объяснять, и тут он услышал:

— Здорово, Филиппенко!

Он вздрогнул. Это был Витек, работающий в соседнем отделе, в распахнутом пальто он пробирался к Филиппенко. Бурно поздоровавшись с ним, стал предлагать шампанское. Филиппенко отказывался, говорил, что он за рулем, но Витек не отставал — пришлось выпить, компания, громко и радостно кричащая по этому поводу, глазела, как Филиппенко торопливо глотает шампанское, не разбирая вкуса, а потом мигом расселась в машине: «Это друг Витька, он нас довезет, удачно сели, а то машин не найдешь».

— Слушай, Вить, мне некогда вас подвозить, извини, но не могу.

Витек непонимающе качал головой:

— А ты куда сейчас, Филиппенко? Нам же в одну сторону? Где Лидочка?

— Нет, — ответил Филиппенко, — мне в другую сторону.

— А-а, — погрозил пальцем тот, — ты с женщиной.

— С какой еще женщиной?!

— Да ладно, брось, — Витек пьяно покачнулся.

Филиппенко в сердцах сплюнул, сел в машину и сорвался с места так, что вся веселая компания повалилась со своих мест.

Настроение испортилось. Филиппенко и не думал до этого, что может встретиться со знакомыми, ладно, что Витек ничего не понял, а то красиво получается: руководитель группы в проектном институте и вдруг подрабатывает таким способом. Теперь Филиппенко старательно избегал особенно многолюдных мест, везде чудились знакомые. Он пугался этих счастливых лиц, но они словно преследовали его, пассажиры хоть и обращались охотно к нему с расспросами, но он был занят своей работой, а они были беззаботны по-праздничному, и это разделяло их. И Филиппенко, так довольный вначале своей находчивостью, невольно задумался: а прав ли он, убежав из дома, где веселились сейчас его друзья, и ему было горько, как будто по их просьбе он болтался всю ночь по ярко освещенным улицам. Впрочем, утешением для Филиппенко были плотно набитые карманы. Клонило ко сну. Филиппенко хоть и старался выспаться перед этим своим «дежурством», но ночь все-таки подходила к концу, а он не сомкнул глаз. Уже не было даже сил отвести машину в гараж, Филиппенко подъехал к своему дому, поставил ее в сторонку и взглянул на окна: в квартире еще горел свет.

Гости встретили его радостно, долго жали руку, обнимали, жалели:

— Не повезло тебе, назначили дежурство.

Тут же налили «штрафную».

И, странное дело, Филиппенко самому было жаль себя, как будто его действительно оторвали силой от дома, от друзей, от праздничного стола. Он отогревал заковневшие пальцы, сидел, ослабевающий от теплоты, от выпитого вина, и силился избавиться от сна, стараясь продлить это ощущение близости с домом, с друзьями, понимая, как не хватало ему их в новогоднюю эту ночь. Но сон не отступал.

Филиппенко встал из-за стола и направился в свою комнату. Около дверей стояла большая картонная коробка. Филиппенко с любопытством заглянул туда и застыл пораженный: в ней лежала разбитая на десятки мелких, искрящихся осколков хрустальная люстра. Ее купили неделю назад на две его зарплаты. Филиппенко бессмысленно глядел на замысловато разьединенные осколки и чувствовал, что не может избавиться от усталости, какую еще ни разу в жизни не чувствовал.

В комнату зашла Лидия, тоже заглянула в коробку и объяснила:

— Видимо, мы плохо люстру укрепили: когда танцевали — упала.

Филиппенко промолчал, перешагнул через коробку, обессиленный и опустошенный, лег на кровать и натянул до самого подбородка одеяло.

10. Наринэ Абгарян. Юбилей

К празднованию своего дня рождения Вера тщательно готовилась: составила меню, закупила продукты, съездила за спиртным в дорожную «Винотеку», договорилась с соседкой, чтобы та помогла с генеральной уборкой – за небольшие, но все же деньги. Сбережения таяли на глазах, но Вера запретила себе расстраиваться – тридцать пять лет, пик молодости, отметить нужно так, чтоб запомнилось.

От первоначальной идеи пригласить всех в ресторан пришлось отказаться – не хватило бы средств. Можно было, конечно, занять денег у Славы – она щедрая и безотказная на заем, но Вера не стала. Лучшие два дня провозиться с готовкой, чем деньги потом с боем возвращать. Слава ведь нормально дружить не умеет! Мало того что подарками завалит, так еще одолженное назад принимать откажется.

Знали они друг друга чуть ли не с пеленок, а точнее – со старшей группы детского сада. Как обычно заведено в подобных случаях, дружба началась с лютой вражды – на празднике, приуроченном к Восьмому марта, обе безоглядно влюбились в ушастого мальчика Вову – за невиданной красоты клетчатые шорты, в которые поверх хлопчатобумажных колготок его нарядила заботливая бабушка. Так как уступить щедедушного кавалера никто не собирался, дело закончилось отчаянной и даже кровопролитной дракой, из которой, если судить по тяжести ранений, победительницей вышла Слава, отделившаяся царапиной на щеке. Вера же лишилась верхнего резца и нарядного кружевного воротничка. Разошлись по домам кровными врагами.

На следующий день Вова пришел в садик уже в обычных брючках, чем поверг соперниц в глубокое изумление.

– Дурак какой-то! – решила Слава.

– Точно, – прошепелявила Вера.

Так и подружились.

В школе их называли «Ох» и «Ах» и очень удивлялись, как две такие разные девочки могут дружить. Удивляться действительно было чему: ведь смешливая, открытая и словоохотливая Слава была полной противоположностью молчаливой и замкнутой Веры. Несмотря на совершенную непохожесть характеров, жизнь обеих девочек поначалу складывалась абсолютно схоже, удивительным образом совпадая на всех важных стадиях: первая любовь, первое разочарование, первый брак, первый развод, второй брак, тоже распавшийся спустя недолгое время, отсутствие детей. Далее в личной жизни начался разнобой – Слава, махнув рукой на традиционные семейные отношения, посвятила себя мимолетным и необременительным романам со смазливymi мальчиками-консультантами, коих в крупном супермаркете электротоваров, которым она руководила, было пруд пруди. А Вера завела роман с директором фирмы, где работала бухгалтером. Звали директора Анатолий Петрович, но за глаза подчиненные пренебрежительно называли его по фамилии: Собачников, чем очень расстраивали Веру. Виду, правда, она не подавала – связь с директором держалась в большом секрете по причине его безвозвратной женатости.

– Чем он тебя взял? – кипятилась Слава, которая Собачникова терпеть не могла. – Лысый, брюхастый невнятный жополиз.

– Почему жополиз? – обижалась Вера.

– А то нет! – Слава раздраженно заправляла за ухо непокорную прядь волос. – Кем бы он был, если бы не богатый тесть? Третьесортным менеджером. Женился на его лежалой лахудре и стал владельцем фирмы. Теперь у него все как у людей – квартира в элитном комплексе, машина с водителем, снулая безмозглая жена, тихие дети. И вишенкой на торте (тут Слава морщилась – терпеть не могла избитых выражений, но порой их употребляла, чтобы подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к происходящему) – умная красивая любовница. Ты мне одно объясни – чем он тебя взял? Зарплаты не прибавил, подарков не дарит, даже ремонт не помог сделать. Был бы хоть красавцем, я бы поняла. А тут ни кожи ни рожи: пузо, лысина и радикулит!

– Можно подумать, от твоего двадцатилетнего лоботряса Артема есть толк! – парировала Вера.

– Во-первых, двадцатитрехлетнего. Во-вторых, Артем давно уже в прошлом, две недели как. Теперь у меня Вадик. Знаешь какой у него причиндал? Вот такой! – И Слава развела ладони, показывая размеры богатства своего любовника. – А у Собачникова что? В микроскоп-то хоть можно разглядеть?

Вера вздыхала. Собачников, безусловно, не идеал красоты и размахом Вадиковых причиндалов похвастать не мог. Но он был именно тем человеком, который ее устраивал, – тихий, ласковый, обходительный. И, кстати, совсем не скупой. А подарков не дарил и с ремонтом не помог потому, что банковские карточки были оформлены на тестя, и тот контролировал расходы. Зато он оплатил ей отдых на Бали – соврал жене, что потерял дорожные запонки, а на самом деле сдал их в ломбард. На вырученные деньги купил Вере недельный отдых и двуспальную кровать с хорошим матрасом. Слава, придирчиво пощупав, не преминула съязвить, что Собачников не о ней печется, а о своем радикулите, но Вера пропустила ее слова мимо ушей. Какое там «о своем радикулите», если он ни разу у нее не ночевал. Заезжал крайне редко, в лучшем случае – дважды в неделю, предусмотрительно оставив водителя за квартал от ее дома. Добирался на метро, весь издерганный от переживаний – вдруг проследят. Вера кормила его вкусным обедом, поила кофе. Потом они занимались любовью – обстоятельно, с чувством, с расстановкой, правда, Собачников старался выбирать такие позы, чтобы не напрягать спину, Вера подстраивалась. Далее, приняв душ и чмокнув ее в кончик носа, он отчаливал восвояси. За год пунктирных отношений Вера прикипела к нему душой и сердцем. Летела на работу, как на праздник, скучала по выходным. Планов на будущее не строила, уводить из семьи не собиралась. Единственное, о чем мечтала, – родить ребенка, не важно, мальчика или девочку, главное, чтоб свой, родной. Чтобы было о ком заботиться и кого любить, когда однажды – а Вера не сомневалась, что этот день непременно настанет, – Собачников, раздув из какой-нибудь ерунды скандал, порвет с ней отношения. Она где-то вычитала, что, по законам жанра, это должно произойти на третьем году отношений. Времени оставалось не очень много, потому Вера успела распланировать все наперед: сразу после празднования юбилея она займется своим здоровьем – утренний бег, правильное питание, обязательный восьмичасовой сон. В марте пройдет полное медицинское обследование и, если все будет в порядке, забеременеет. Имя будущего ребенка уже выбрала: Сашиа. Александр или Александра. Фамилия будет ее, отчество – Собачникова. В графе «отец» пусть стоит прочерк, бог с ним, с отцом. Есть она, есть подруга Слава, мама с папой в Шатуре, брат в Калининграде. Проживут.

Вечер четверга ушел на уборку – спасибо соседке, очень помогла. В пятницу утром Вера приехала на работу с двадцатиминутным опозданием – заскочила на рынок, чтобы

забрать у знакомой продавщицы заказанных уток. Договорилась в столовой, оставила птицу в холодильной камере. Вошла в офис, когда коллеги, выпив утренний кофе, уже работали вовсю. Вера поздоровалась, извинилась за опоздание. Собиралась уже пригласить всех на завтра в гости, но ее перебила непосредственная начальница, главный бухгалтер Надежда Михайловна.

– Зайди к Собачникову, – каркнула она, воздев кверху плотно прижатые друг к другу указательный и средний пальцы.

Вера в недоумении уставилась на ее руку – жест смахивал на тот, которым в американских судах свидетели клялись на Библии. Сердце громко забилось и ухнуло вниз – скорее всего, Толенька решил поздравить с юбилеем заблаговременно, ведь завтра суббота, семейный день, и встретиться они вряд ли смогут. Нужно было, не теряя времени, идти к нему в кабинет, но Вера, сбитая с толку жестом Надежды Михайловны, решила все-таки уточнить:

– Почему вызывает, не знаете?

Надежда Михайловна ответила, не отрывая взгляда от компьютера и не опуская воздетых кверху пальцев:

– Без понятия. Но он явно не в духе.

– Ладно, – вздохнула Вера.

Кабинет Собачникова располагался на втором этаже, в самом его конце, за раздвижными стеклянными витражами, изображающими Эдемский сад (креативная задумка вездесущего тестя). На фоне Эдемского сада, прикрывая голый торс Адама спиной, восседала секретарь Аллочка – сухая длинноносая особа с непроницаемым выражением лица. Вера много раз задавалась вопросом, с какой радости при таком неутешительном антураже она зовется Аллочкой, и даже называла ее Аллой, но секретарша каждый раз поднимала на нее свои мелкие мушистые глаза и ровным бесцветным голосом поправляла: Аллочка.

«Ну и ладно», – смирилась Вера.

Собачников сидел не на своем рабочем месте, а за брифинг-столом, где обычно рассаживались подчиненные. Когда Вера вошла в кабинет, он выпрямился, но поворачивать головы в ее сторону не стал. В его кресле, свесив по бокам широких подлокотников квадратные руки, вальяжно раскинулся тесть – большой, лысый, пузатый. Вера впервые с удивлением отметила сходство Собачникова с тестем – было такое ощущение, будто они родственники: оба белесые, блеклоглазые, скуластые и большеротые.

– Здравствуй, дорогая наша, – с насмешкой протянул тесть и, нехотя подняв с подлокотника руку, указал на свободный стул: – Садись.

Вера не шелохнулась. «Попробуй только расплакаться», – сделала она себе строгое внушение и выпалила прежде, чем успела подумать:

– Будете увольнять?

Тесть хмыкнул, перевел взгляд на Собачникова. Тот засуетился, закашлялся, поправил узел галстука. На манжете сорочки сверкнула золотом та самая запонка.

Вера неожиданно для себя рассмеялась и, пожав плечом, повернулась к двери, вознамереваясь уйти.

– Я еще не закончил, – скрипнул креслом тесть.

– А я уже, – улыбнулась Вера и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Аллочка, уткнувшись носом в монитор и близоруко щурясь, печатала. Возможно –

приказ о Верином увольнении.

– Приходите завтра ко мне на день рождения, – пригласила ее Вера.

– Сколько вам исполняется? – не отрываясь от клавиатуры, спросила Аллочка.

– Тридцать пять.

– Хорошо.

Вера пожала плечом – Аллочка даже не стала придумывать какую-нибудь благовидную причину для отказа. «Я бы про поликлинику соврала или про свалившихся на голову гостей. А она согласилась, заведомо зная, что не придет», – думала она, спускаясь в бухгалтерию.

– Ну и? – спросила Надежда Михайловна, когда она вошла в офис.

– Уволил, – ответила Вера.

Повисла недоуменная тишина.

– То есть как? – наконец придя в себя, возмутилась коллега Настя.

– Сокращение штата, – соврала Вера, написала заявление об увольнении, оставила на столе. Десять пар глаз напряженно следили за ней.

– А вдруг еще кого-то уволят?! – подал голос Вадик, у которого жена неделю назад родила первенца. Как раз позавчера скидывались на подарок – прогулочную коляску.

– Нет, только меня, – Вера надела пальто, перекинула через плечо сумку, вспомнила о двух утках, которых оставила в холодильной камере столовой. Не забыть забрать.

– Приходите завтра ко мне на день рождения, – пригласила она. – Заодно мое увольнение отметим.

Бывшие уже коллеги засуетились, громко заахали.

– Когда приходит? – наконец спросила Настя.

– К семи нормально? Вот и хорошо.

Вера ушла с неожиданно легким сердцем. Город готовился к Новому году – витрины перемигивались гирляндными огоньками, на площадях возвышались елки. «Праздник к нам приходит, праздник к нам приходит. Вот и ко мне пришел», – с горечью подумала она, но тут же одернула себя – не смей расстраиваться. Чтобы утешиться, зашла в дорожный магазин одежды и купила платье, на которое засматривалась почти месяц. Позвонила Славе, рассказала о случившемся.

– Новую работу тебе организуем. Собачникову яйца открутим и ко лбу пришьем, – резюмировала Слава.

– Хорошо, – не стала спорить Вера. – А я платье купила. Помнишь, то, от Сары Пачини.

– Деньги нужны?

– Нет.

– Я перекину тебе на карточку немного, с первой зарплаты вернешь.

– Немного – это сколько? – спросила Вера, но Слава уже отключилась.

Через секунду телефон тренькнул сообщением о переводе тридцати тысяч рублей. Платье стоило ровно столько.

«Я когда-нибудь убью ее», – пообещала себе Вера и все-таки расплакалась.

Суббота прошла в лихорадочных приготовлениях. К приходу гостей стол был красиво сервирован, утки подрумянены до хрустящей корочки, картофель запечен, салаты нарезаны.

Слава приехала ровно в семь, вручила букет маргариток (любимые Верины цветы) и годовой абонемент в фитнес-центр.

– Ты как раз собиралась заняться здоровьем.

– Но я не затем, – махнула рукой Вера, потом спохватилась: – То есть затем, но я... ты же знаешь... надеялась ребенка родить.

Слава вздернула бровь:

– От этого мудормота?

Вера кивнула.

– Звонил?

Вера покачала головой.

– Будем о хорошем, – постановила Слава и разлила по бокалам вино: – За тебя.

Звонок в дверь раздался в половине восьмого. Вера заторопилась в прихожую.

– Ну наконец-то! Я уже думала, что вы не приде... – Она осеклась: вместо бывших коллег посреди лестничной площадки одинокой зубочисткой торчала секретарша Собачникова. Она протянула ей перевязанную пестрой лентой коробку и заявила с претензией:

– Я всегда прихожу, когда обещаю.

Вера посторонилась, пропуская ее в квартиру. Аллочка стянула скрипучую каракулевую шубу (Вера видела такие шубы только в далеком детстве), скинула сапоги, не обращая внимания на протесты.

– Они мне ноги натирают, я лучше босой похожу.

– Я дам вам сменную обувь, – спохватилась Вера.

– У меня сорок второй размер ноги, – хмыкнула Аллочка и принялась рыться в своей сумке.

– Это кто? – спросила одними губами Слава.

Вера дернула плечом – потом.

Меж тем Аллочка извлекла из сумки конверт:

– Здесь деньги. Анатолий Петрович просил передать.

Вера спрятала руки за спину, инстинктивно попятилась.

– От Собачникова, что ли? – подала голос Слава.

– Да, – Аллочка протянула конверт Вере: – Берите, – и многозначительно добавила: – С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Вера чуть не поперхнулась.

– Он вам что-то говорил?

– Нет. Но я же не дура.

Слава заглянула в конверт:

– Негусто.

– Верните ему и скажите... Нет, ничего не говорите, просто верните, – попросила Вера.

Аллочка не стала настаивать и убрала деньги в сумку.

К восьми стало ясно, что никто больше не придет. Ели молча, подливая друг другу вино. На втором бокале у Аллочки развязался язык, и она внезапно смешно рассказала, как два года встречалась с иностранцем, который называл блинчики с начинкой длинчиками, потому что считал, что они должны так называться из-за своей длины.

– Еще он говорил «на нервной почке» и «сук твою мать».

– А расстались почему? – спросила Слава.

– Умер, – коротко бросила Аллочка.

– Боже! – всплеснула руками Вера.

– Для меня, – уточнила Аллочка.

Смеялись в голос. Выпили еще. Сначала за здоровье бесхребетного Собачникова, следом за его вездесущего тестя. Далее – за неверных бывших коллег.

Потом Вера, окинув взглядом обильно обставленный стол, принялась сокрушаться, что съесть все это некому, и Аллочка предложила раздать еду нищим. Заботливо упаковав уток и салаты в пластиковые лоточки, они отнесли угощения в переход метро, где традиционно отсиживались бомжи. Облагодетельствовав их едой, решили прогуляться. Морозный зимний воздух, вопреки обыкновению, не отрезвлял, а совсем наоборот – словно наполнял легкие веселящим газом. Возвращаться домой расхотелось. Слава постановила, что нужно куда-то съездить, раз уж они оказались у метро, а Аллочка предложила выбраться в стрип-клуб, где у нее двадцатипроцентная скидка на спиртное.

– За какие заслуги? – бесцеремонно поинтересовалась Слава.

– Директор клуба – мой двоюродный брат, – пояснила Аллочка и вытащила из сумки конверт с деньгами Собачникова. – Ну что, отмстим козлу?

Проснулась Вера от чьих-то невнятных причитаний. Голова гудела колоколом, на душе копошились неясные угрызения совести. Медленно, чтобы не сильно мутило, повернувшись на бок, она попыталась разглядеть источник бухтения. На напольных весах стояла Слава – во всклоченных волосах и вчерашнем смазанном макияже, и, растянув пальцами уголок глаза, близоруко разглядывала цифру на дисплее.

– Красивая как никогда, – заключила Вера.

– На себя посмотри, – огрызнулась Слава, слезла с весов и со вздохом объявила: – Поправилась на три кило. Мечтала похудеть на семь кило, теперь мечтаю на десять.

Вера осторожно села, стараясь не вертеть гудящей головой:

– Хорошо погуляли.

– Не посрамили, – согласилась Слава.

За стеной звякнула посуда. Они тут же вспомнили об Аллочке.

На кухонном столе дымилась чашка с крепко заваренным чаем. Аллочка сидела, упершись подбородком в ладони, и смотрела прямо перед собой. При виде подруг вздернула брови – сначала одну, потом другую:

– Красоты неопишуемой!

– На себя посмотри! – огрызнулись те хором.

– Чаю будете?

«Естественно» удалось выговорить с третьей попытки.

Уехали гости ближе к вечеру. Аллочка влезла в свой каракуль, словно в палатку пробралась.

– Купи себе пуховик, на человека станешь похожа, – посоветовала ей Слава.

– Отвянь, – отбрила та.

Вера подождала, пока они втиснутся в лифт, и тщательно заперла входную дверь. На тумбе вешалки лежала обмотанная лентой упаковка – подарок Аллочки. Под нарядной оберточной бумагой обнаружили беговые кроссовки. Вера примерила их, подивилась тому, как удобно они сидят на ногах. Вытащила подаренную Славой пластиковую карточку, повертела в руках – и внезапно все про себя поняла. Будет как она и загадала: утренний бег, правильное питание, обязательный восьмичасовой сон. В марте – полное медицинское обследование. К следующему Новому году родится Сашенька. Фамилия будет Верина, отчество – тоже. В графе отец будет стоять прочерк, бог с ним, с

отцом. Есть она, есть мама с папой, есть брат. Слава с Аллочкой тоже есть. Проживут.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Самые популярные комментарии к видео «Сталин «украл» рождество? Почему наш Новый год именно такой?»

1. Ирина, очень радуют новые форматы. Макс Фактор и Новогодний выпуск прямо огонь. Спасибо и делайте таких побольше!!! - 2977 лайков.

2. Радует, что вы не боитесь пробовать развивать новые форматы на канале. Интереснейшая подача целого расследования про, казалось бы, привычный нам праздник очень понравилась! Спасибо, Ирина и команда, за работу в этом году! - 1483 лайков.

3. А о том, что первая в СССР ёлка все-таки была устроена в Харьковском Дворце пионеров 30 декабря 1935 года, к сожалению, так и не сказали. И, кстати, Снегурочка рядом с Дедом Морозом там уже была. На роль Деда Мороза взяли актёра одного из харьковских театров, а на роль Снегурочки — девочку из одного из кружков Дворца пионеров. Также, по сценарию, Деда Мороза сопровождал юный помощник, который в дальнейшем стал юным Новым Годом. На первую ёлку были приглашены 1200 детей, а длилось мероприятие более шести часов. Кстати, аккомпанировал детям на аккордеоне музыкант харьковской филармонии и отец знаменитой советской актрисы Людмилы Гурченко, Марк Гаврилович Гурченко. - 445 лайков.

4. Почему-то в конце прослезилась... У нас, в России, мне кажется, в новый год, не вкладывают религиозного смысла, символизма. Это, действительно праздник надежды, веры в лучшее и что-то из разряда магии. Классный фильм. - 305 лайков.

5. Как же скучаю по временам когда прислуга отправляла открытки своим господам... Жалко что не грамотные были)))) - 300 лайков.

6. Советские новогодние игрушки на ёлку это отдельный вид искусства. - 260 лайков.

7. Спасибо за видео. Очень хочется спросить Ирину - так с каким смыслом то отмечать? Созданным древними на основе языческих богов? Или придуманным

христианским, индуистским или там буддистским сообществами? Или придуманным в СССР? Только нужно учитывать, имхо, кто и что вкладывал в эти праздники: религия - чудо, как элемент поддержания веры, либо советская власть - как закономерный результат хорошего поведения детей, и вообще идеи о равенстве и справедливости. Но ведь в наше время метамодерна, очень часто уже неважно откуда что пошло - наша реальность столь же искусственна, как и елка, которая стоит у меня в комнате (живые елки мне просто жалко, ведь они ЖИВЫЕ). Так что же взять за ИДЕЮ? Я на самом деле нашел только один настоящий смысл: когда мы были маленькими мы ждали Чуда не религиозного, но чуда бытового. Чтобы забылись на несколько дней слова "кредиты", "ипотека", чтобы мы могли улыбаться и просто любить окружающих, чтобы маленький ребенок в каждом из нас, который именно в этот праздник просыпается и творит, радуется и ликует, имел шанс надеяться что завтра будет лучше чем сегодня. Ведь он ребенок, он наивен. И честно говоря, идеи социализма мне тут ближе. - 228 лайков.

8. В начале сообщили что при сталине, далее сообщают что он вернул её, хотя до этого лично он же отменил. При правлении Сталина не равно Сталин отметил лично елку. Очень и очень печален ход мыслей и логика изложения. - 214 лайков.

9. Во время Первой мировой войны император Николай II объявил елочную традицию «вражеской». Это почему то никого не напрягает. - 193 лайков.

10. В чём, собственно, проблема превратить религиозный праздник в светский? - 188 лайков.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. Результаты проведенного опроса

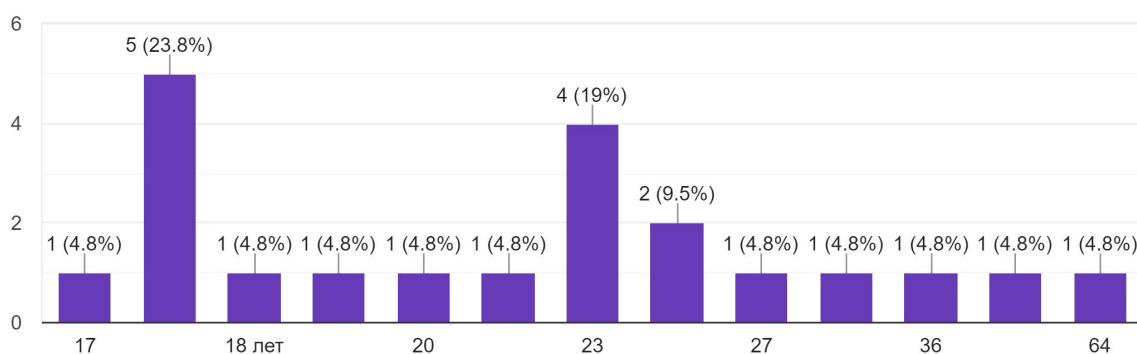
Из десяти рассказов в качестве исследовательских материалов мы отобрали десять типичных фрагментов, содержащих большое количество единиц в фрейме «Нового года». Мы разместили две анкеты в Интернете по разным каналам и получили ответы примерно от двадцати человек. Возрастной диапазон респондентов был широк: от 17 до 64 лет, в основном молодые люди около 23 лет. Ниже приведены результаты, которые мы получили.

1. О чем идет речь в тексте?

https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdDS008VF0l47hrAFb2j1z-yGi_Czw0k0k8cQx91CM4T3vsXw/viewform?usp=sf_link

Укажите, пожалуйста, ваш возраст.

(21 条回复)

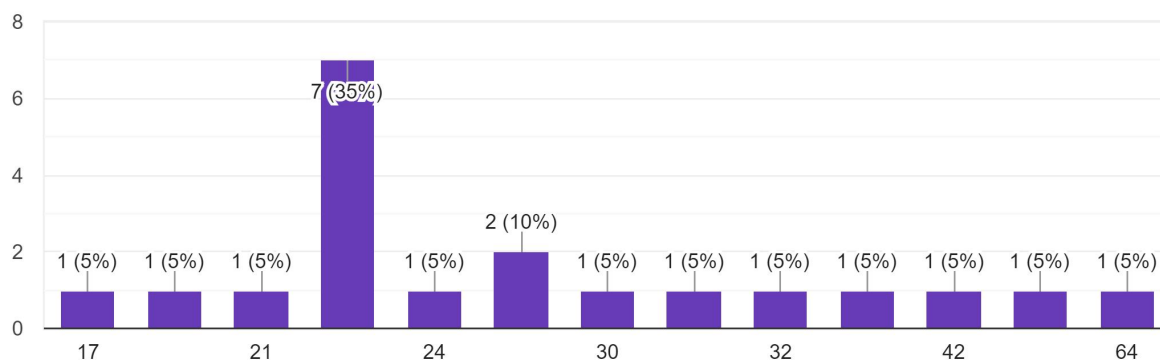

2. Какую эмоцию вызывает текст?

https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSej4i3tZmfz48Tyd02uTaxqeafxYCrhzG1NTKVjYR7IFymB3g/viewform?usp=sf_link

Укажите, пожалуйста, ваш возраст.

(20 条回复)

Текст 1: Алиса бросила тоскливый взгляд в окно, выдохнула и отправилась следом. Новый год уже завтра, а у них ни снега, ни елки, ни красной икры.

Ответы:

30 декабря

Грустно

О том, что Новый Год пройдёт не так, как хотелось бы

Алисе тоскливо, так как нет новогоднего настроения

Алиса переживает что не подготовились к празднику. Не было времени или ещё что-то, да и сама погода не соответствует.

Алисе грустно, потому что у неё нет новогоднего настроения. Она не чувствует приближение праздника.

Грустное настроение Алисы

Отсутствие новогодней атмосферы

ее чувства перед Новым годом

Алиса огорчена, но надежда еще есть

канун Нового года у бедной семьи

О девочке из бедной семьи

О тяжелой доле наркозависимых

Грустное настроение перед Новым Годом, ничего не готово. И нет праздничного настроения.

Об Алине, у которой нет елки

текст о принятии действительности

Нет новогоднего настроения

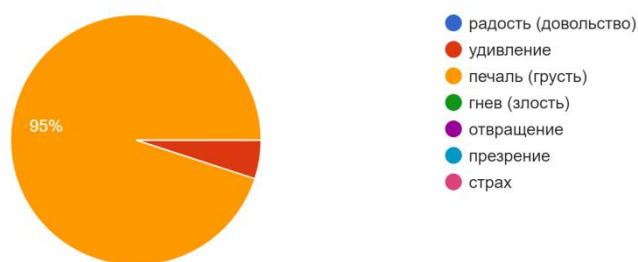
Канун нового года

Алиса почувствовала грусть, потому что Новый год приближается, а настроения нет.

О тоске по Родине

Алиса бросила тоскливый взгляд в окно, выдохнула и отправилась следом. Новый год уже завтра, а у них ни снега, ни елки, ни красной икры.

(20 条回复)

Текст 2: *Папа скоро должен прийти, увидит меня с красными глазами, спросит: «Лю, ты чего, опять плачешь? А кто будет елку наряжать, подарки заворачивать – тетя твоя сегодня жаловалась, что на распродаже локтем стукнулась о дверь, так что на нас не рассчитывай...»*

Ответы:

Безысходность

Пойду и наряжу

О девушке, расстроенной чем-то в преддверии новогоднего праздника

Папа просит не грустить, и наряжать елку

Воображение, описание обстановки

Описывается то, как люди обычно готовятся к Новому году.

Утешение от папы

Недопонимание между детьми и их родителями

как бедные семьи проводят рождество

Возможно, праздника не будет

канун Нового года, а гг плачет, она должна будет заниматься оформлением к празднику, но она чем-то расстроена и плачет

О семье, которая собирается отмечать Новый год

О принуждении к счастью

Грустно одной собирать ёлку.

Папа с тетей показали свое ужасное воспитание. Взрослая женщина, а повела себя как ребенок

текст о том, как не обращают внимания на слезы ребенка

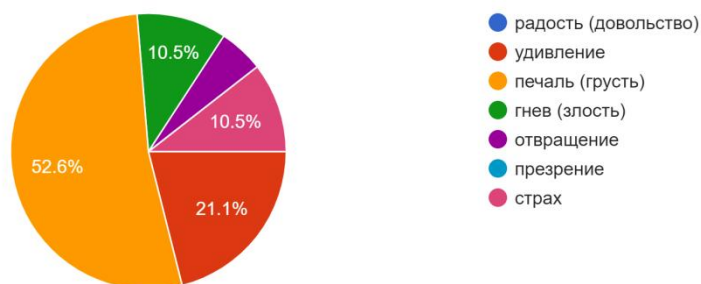
Новогодняя суета

Усталость от предновогодней суеты

В данном фрагменте речь идёт о приближении праздника, к которому ничего не готово.

Об обесценивании чувств

Папа скоро должен прийти, увидит меня с красными глазами, спросит: «Лю, ты чего, опять плачешь? А кто будет елку наряжать, подарки за...улась о дверь, так что на нас не рассчитывай...»
(19 条回复)

Текст 3: Следующее утро Максим начал не с уборки ... – а с украшения клиники к Новому году. Достал из кладовки коробку с гирляндами и фонариками, принес белую пушистую елочку, навесил на нее синие стеклянные шарик. Включил музыку, навевавшую мысли о скором празднике.

Ответы:

Новогоднее настроение

Весело

О подготовке к празднику

Максим готовится к новому году

Идёт повествование

Максим украшает рабочее место к Новому году. Пытается создать праздничную атмосферу.

Создание новогоднего настроения

простое новогоднее украшение

Хотя Максим, наверное, встретит Новый год в клинике, он не теряет надежды встретить его весело,

украшение ёлки к Новому году

О добром мальчике

О подкаблучнике

Ёлка, скоро Новый Год. Праздничное настроение.

Максим молодец

текст о радостном предвкушении праздника

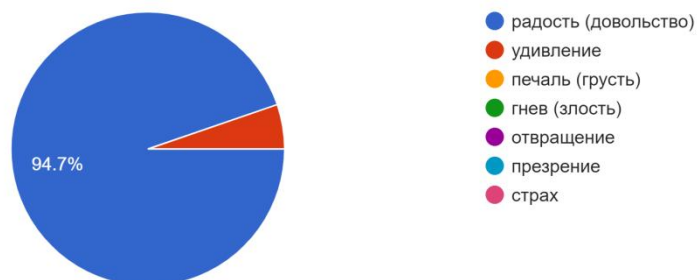
Подготовка к празднику

создание праздничного настроения

Во фрагменте речь идёт об украшении к празднику и радостном настроении.

О праздничном настроении

Следующее утро Максим начал не с уборки ... – а с украшения клиники к Новому году. Достал из кладовки коробку с гирляндами и фонарикам...узыку, навевавшую мысли о скором празднике.
(19 条回复)

Текст 4: *Вера ушла с неожиданно легким сердцем. Город готовился к Новому году – витрины перемигивались гирляндными огоньками, на площадях возвышались елки.*

Ответы:

Предвкушение нового года

Об украшении города в предверии Нового года

Новогодняя атмосфера в городе

Повествование

Описывается украшенный к Новому году город.

Создание новогоднего настроения: часть 2

Вера в праздничное чудо

Бедная девочка

Скоро Новый год!

подготовка к Новому году, праздничное настроение

О новогодней атмосфере

О предпраздничном шопинге

Скоро Новый Год. Город наряжается, праздник в воздухе.

Вера любовалась на суету в городе по случаю Нового года

текст о новогоднем умиротворении

Умиротворение

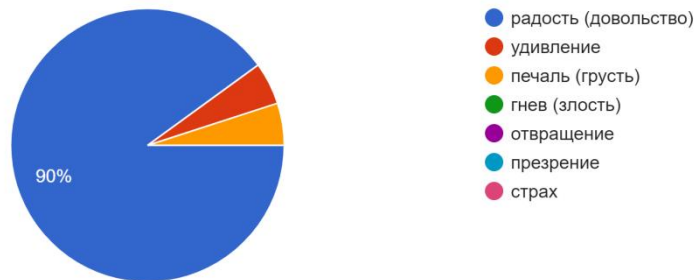
дух нового года

Речь идёт о подготовке к празднику и о прекрасном настроении Веры.

О праздничном настроении

Вера ушла с неожиданно легким сердцем. Город готовился к Новому году – витрины перемигивались гирляндными огоньками, на площадях возвышались елки.

(20 条回复)

Текст 5: – Дядя Леша пришел с мешком подарков в костюме Деда Мороза: «Ну, дети дорогие, встречайте деду...» – и упал прям в коридоре. Ты так испугалась, я тебя еле успокоил. Маме с папой не до нас было. Они дядю Лешу тащили в комнату вдвоем. Мама нам сказала, что Дед Мороз не пьяный, он просто устал. Переутомился.

Ответы:

Прикол под новый год

О приходе деда Мороза домой к детям

Пьяный дядя Лёша , в образе деда Мороза упал в коридоре

Пьяный дядя Леша действительно перетрутился с выпитым...)

Неудачное поздравление Деда Мороза.

Идиот, испуг, истерика

Разрушение детских мечт

ложь во спасение

Любимый сюжет о пьяном Дезде Морозе: он так часто заходит в квартиры поздравить детей, а ему так часто предлагают выпить шампанского, что к десятой-одиннадцатой квартире он не совсем трезвый Дед...

пьяный дед мороз

О воспоминаниях новогодней ночи

О профессиональных заболеваниях аниматоров

Смешная история с Дедом Морозом.

Дед Морозу не здоровилось, но он все равно пошел к детям

текст о пьяном дяде Леше

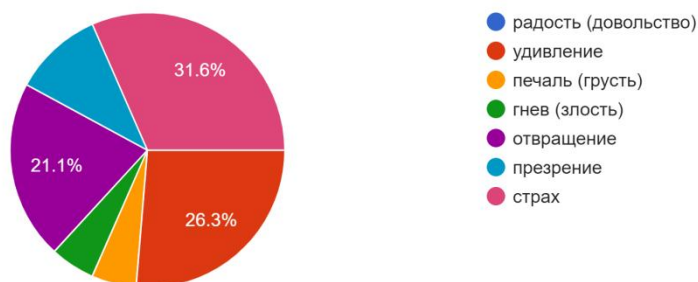
Новогодний казус

Детская травма?

В данном фрагменте речь идёт о брате, который успокаивал сестру, когда пришедший Дед Мороз свалился с ног.

Об испорченном празднике

– Дядя Леша пришел с мешком подарков в костюме Деда Мороза: «Ну, дети дорогие, встречайте деду...» – и упал прямо в коридоре. Ты...роз не пьяный, он просто устал. Переутомился.
(19 条回复)

Текст 6: *В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то приехал!» Он вытаскивает из мешка подарки, всё дарит, кому что надо, и говорит: «Я спешу. Меня ждут в других квартирах». Все провожают его до угла, потом возвращаются и идут спать. Вот так представлял я себе Новый год.*

Ответы:

Мысли о новом годе

О том, каким должен быть Новый Год

Как должен быть Новый год .

Чьи то представления о том как ведёт себя Дед Мороз

Представление о том, что делает Дед Мороз в Новый год.

Настоящий Дед Мороз

Детское представление Деда Мороза

ожидать сюрпризов

Представление пессимиста.

типичное представление деда мороза и праздника у главного героя

О воспоминаниях отмечания нового года в детстве

О поп-мифологии детства

Традиционный Новый Год в России.

дед мороз дарит подарки и на этом конец

текст о новогоднем ритуале вручения подарков

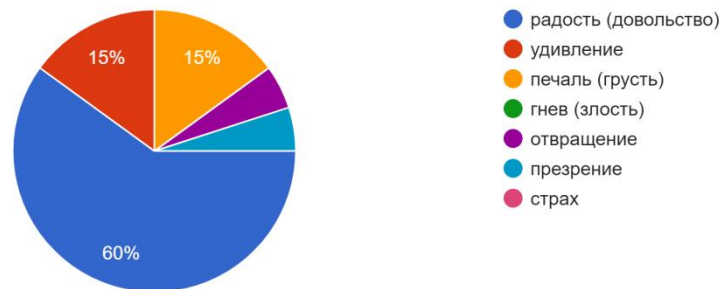
Празднование нового года

Настоящий Дед мороз!

Во фрагменте речь идёт о представлении Нового года. Праздник, Дед Мороз, подарки и только радостные и положительные эмоции.

О новом годе

В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то прие...т спать. Вот так представлял я себе Новый год. (20 条回复)

Текст 7: — *Мам, пап, не хочу вам мешать и удаляюсь на торжественную часть в другое место. — Куда ты удаляешься? — переспросил тоном, не обещающим ничего хорошего, Филиппенко. — К друзьям, — ответил Димка. — Я ухожу на дежурство, а мать что — одна будет? — Одна, — протянул Димка, — сами наприглашали кучу народа, а теперь — одна. — То — чужие люди, — назидательно сказал Филиппенко, — а ты сын. Новый год, как знаешь, семейный праздник.*

Ответы:

Безысходность/ Традиции

В донном фрагменте затронута проблема семейного праздника.

Димка вместо того, чтобы с мамой остаться, хочет пойти на Новый год к друзьям.

Мама не вечно будет жить, а друзья подождать могут...

Новый год - семейный праздник

Новый год - семейный праздник

Новый год - семейный праздник

Представление людей о том, что Новый год это семейный праздник.

О семейных скрепах

сложная семейная ситуация

О двойных стандартах

Новый Год - семейный праздник.

Типичный конфликт пееерл Новым годом между родителями и выросшими детьми.

Родители не понимают, что сын вырос и у него другие планы на 31 декабря, а сын еще слишком молод, чтобы понять и посочувствовать матери...

Филиппенко - отец Димки... Обычно так не описывают через фамилию. И вообще странный текст. Филиппенко уходит на работу, настойчиво хочет чтоб сын остался с матерью

Ссора

Ссора сына с родителями на Новый Год

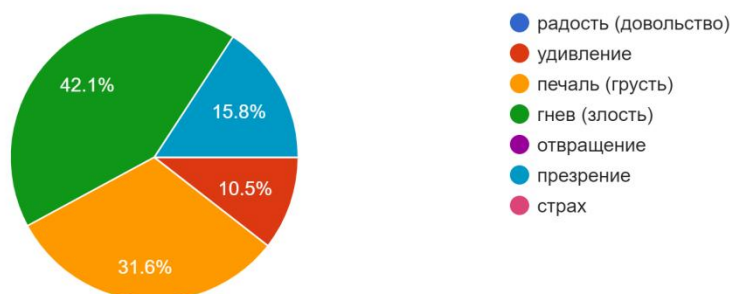
О семье, которая встречает Новый год

не разрешают ребенку праздновать новый год со своими друзьями

новый год семья должна встречать вместе

Токсичные отношения в семье

— Мам, пап, не хочу вам мешать и удаляюсь на торжественную часть в другое место.— Куда ты удаляешься? — переспросил тоном, не обеща...н. Новый год, как знаешь, семейный праздник.
(19 条回复)

Текст 8: Щедро распыляя лесные ароматы с нотами трескучих заснеженных тропинок, ёлка всем своим видом заявляла о возможности чуда.

Ответы:

О новогодней ёлке

наряженная ёлка, ожидание чуда

Ёлка - главный атрибут чуда.

О новом году

О ёлке

Красиво! Чудо, конечно, произойдет!

О феромонах

Ёлка- символ Нового года.

появление атмосферы праздника

Новый год - время ждать чуда

*Странный текст, особенно в части *с нотами трескучих заснеженных тропинок* идёт описание аромата, но это странное не логичное описание. Вторая часть повествует о красоте ёлки или о красоте целостного вида ёлки и фона, который напоминает сказку поэтому чудо возможно*

Описание природы

аромат нового года

Ароматы волшебства

Новогоднее настроение

Настоящий символ нового года

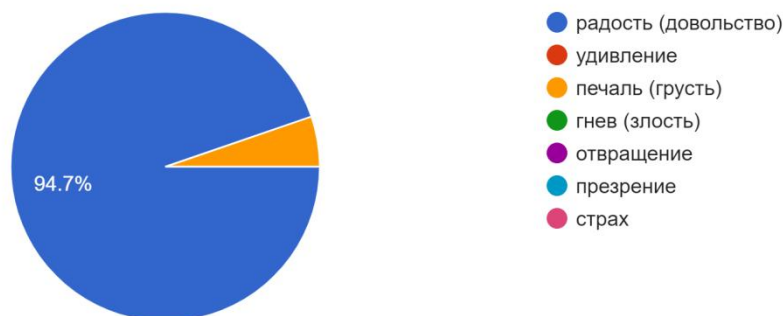
Ёлка - главный создатель новогодней атмосферы

Мне кажется, что автор хотел донести о настоящем чуде в виде праздничной и вкусно пахнущей ёлки.

Новогоднее настроение

Щедро распыляя лесные ароматы с нотами трескучих заснеженных тропинок, елка всем своим видом заявляла о возможности чуда.

(19 条回复)

Текст 9: *И вдруг откуда-то сверху полетела мокрая крошка, такая же, как и прошлой ночью у Алиски, а вместе с ней белые, кружащиеся звездочки – самый настоящий снег! Алиса посмотрела по сторонам – снег был только у них! Дед Мороз и правда расстарался. Нет, поняла она вдруг, задрав голову: не Дед Мороз, а дядя Гена. Да и какая разница? Если чудо случилось, не важно ведь, кто его делает!*

Ответы:

О новогоднем чуде

Алиске не важно, что дед мороз не настоящий, главное, чтобы Новый год прошел хорошо.

В данной части речь идёт об искусственном снеге.

снег как чудо

новогоднее чудо

Чудо есть, его нужно просто увидеть.

внезапная надежда

новогоднее чудо

Хорошо, когда взрослый человек с чувством юмора! И очень хорошо, что в жизни Алисы есть дядя Гена!

Главное верить в чудо и оно сбудется

О снеге

Приятное удивление что чудо все таки случилось

Видимо дядя Гена сбросил снег откуда-то с верху) чтоб ребенок порадовался.

Новогоднее чудо

Праздничное чудо

Новогоднее чудо совершают люди, которые нас окружают

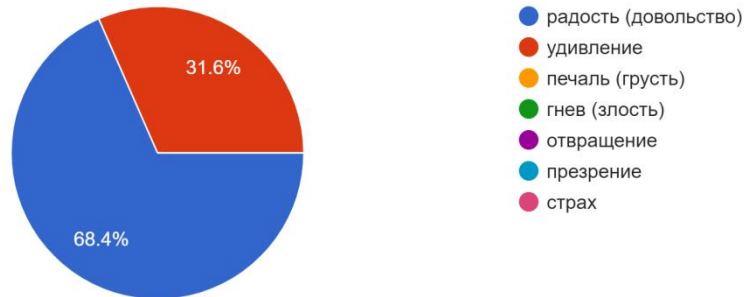
Об эмуляции снега в эпоху глобального потепления

О первом снеге

Во фрагменте речь идёт о том, что неважно как и из - за чего случается чудо, а главное, что оно случилось.

И вдруг откуда-то сверху полетела мокрая крошка, такая же, как и прошлой ночью у Алиски, а вместе с ней белые, кружащиеся звездочки – сам...удо случилось, не важно ведь, кто его делает!

(19 条回复)

Текст 10: У них в городе давняя традиция встречать Новый год всем вместе под бой часов на ратуше со звоном бокалов, обниманьем-целованьем и плясками под призывные звуки волынки!

Ответы:

О традиции празднования Нового Года

новогодняя традиция

Праздник. Душевный, веселый, громкий. Главное быть рядом с дорогими и близкими людьми.

О новогодних традициях

О новом годе

Отличная традиция! Чисто русская! Молодцы, пусть традиция не прерывается!

Об укладе старой Ганзы

Описывается основные аспекты празднования Нового года.

праздничные традиции, объединяющие людей

Традиция встречать Новый год все вместе

Описание традиции

У людей есть традиция, которой он все следуют

обряды и традиции

Традиции, которые не устареют

Новогоднее веселье

Традиции на новый год

Семейная традиция

В данном фрагменте описана давняя традиция города, которую соблюдают и по сей день; для людей это обрело некую ценность.

по всех текстах идёт речь про разное восприятие и празднование такого события, как Новый год. Кому-то этот праздник нравится, а кто то даже тоскует из-за того что не сможет отпраздновать. Все люди разные, и у всех своё виденье на этот праздник.

Идеальное новогодняя атмосфера

У них в городе давняя традиция встречать Новый год всем вместе под бой часов на ратуше со звоном бокалов, обниманьем-целованьем и плясками под призывные звуки волынки!

(18 条回复)

